

— Р. С. МЕРКУЛОВ —

МУССОЛИНИ И ЕГО ВРЕМЯ

Роман Меркулов
Муссолини и его время

«Алетейя»

2022

УДК 929+94(450).09
ББК 63.3(4Ита)6-8 Муссолини

Меркулов Р. С.

Муссолини и его время / Р. С. Меркулов — «Алетейя», 2022

ISBN 978-5-00165-462-9

В первой половине XX века имя этого человека не сходило с первых полос мировой прессы и беспрестанно звучало по радио. О нем говорили в новостной кинохронике и кинофильмах, о нем пели песни и писали книги. О нем спорили, его прославляли и проклинали, к нему обращали надежды и его же называли источником всех бед. Двадцать лет он разыгрывал роль спасителя Италии - роль нового Цезаря. Предельно скрытный, крайне тщеславный и не слишком последовательный, Муссолини оставался неизменным лишь в одном - он всегда стремился играть первую роль, будь то борьба за внимание деревенской красавицы в придорожной кantine, политические интриги в руководстве итальянских социалистов или дипломатические маневры европейской политики. В книге «Муссолини и его время» предпринята попытка обрисовать личность, в течении двадцати лет управлявшую Италией, передать «дух эпохи» - времени великих потрясений, навсегда изменивших наш мир. Шаг за шагом, автор вместе с читателем пройдут по жизненному пути одного из самых известных итальянцев в истории. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929+94(450).09
ББК 63.3(4Ита)6-8 Муссолини

ISBN 978-5-00165-462-9

© Меркулов Р. С., 2022

© Алтейя, 2022

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	8
Глава вторая	40
Глава третья	72
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Роман Сергеевич Меркулов

Муссолини и его время

© Р. С. Меркулов, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Предисловие

Почему Муссолини? В глазах моих современников «дуче фашизма» обычно представляется фигурой несколько трагикомического характера. Кажущийся нелепым внешний вид не вызывает к себе доверия, а вполне понятная итальянцам и средиземноморским народам экспрессивная манера публичных выступлений вызывает у нас разве что усмешку. Итальянские военные неудачи во Второй мировой войне довершают картину и перед нами предстает совершенно карикатурный образ Муссолини. Надо заметить, что основы такого подхода были заложены еще в тридцатые годы XX века, когда американская пресса насмешливо сравнивала итальянского вождя с многочисленными латиноамериканскими диктаторами.

Справедливо ли это? Безусловно, история итальянского фашизма способна вызвать у читателя улыбку – и не одну. И тем не менее, отдавая дань комичному в практике и теории «чернорубашечников», не следует забывать о главном – не слишком образованный деревенский учитель без средств и связей, шаг за шагом сумел создать политическое «движение», привести его к власти в большой европейской стране, а затем последовательно подавить всякое сопротивление и установить личную диктатуру, павшую только в результате военного поражения во ВМВ. Люди XXI века вполне могли бы произвести из этого некоторые выводы, но, как мы видим, не спешат. А вновь набирающий сторонников феномен «третьего пути» и вовсе ставит вопросительный знак там, где прежде была уверенная точка.

Так почему же дуче? На мой взгляд, слишком долго Муссолини и его партию воспринимали через призму несколько «снисходительного» отношения к Италии вообще. Не замечая ни реальных достижений фашистского режима, ни оставленного им практического наследия в области манипулирования общественными настроениями и построения тоталитарного режима, многие исследователи сводили историю итальянского фашизма и его лидера к «простой» и безыскусной «агитке» – почти что черно-белому комиксу, персонажи которого четко разделяются на положительных и отрицательных. В истории всё обычно оказывается намного сложнее – и показать это на примере биографии Муссолини было одной из главных мотиваций автора этой книги.

Другой мотивацией стала любовь к Италии – к ее веселому и жизнерадостному народу, к его истории и культуре.

В своей работе я старался не только отрешиться от предвзятых суждений, но и не скрывать своего отношения, в то же время стремясь помочь читателю составить собственное мнение. Получилось ли у меня это – судить вам.

В заключение предисловия, написанного человеком, чрезвычайно скептически настроенным к предисловиям вообще, хочу выразить самую искреннюю благодарность всем тем, без кого эта книга вряд ли была бы написана. Моей горячо любимой жене, подавшей добрый совет развернуть серию публицистических очерков в книгу и с примерной стойкостью в течение года выслушивавшей пересказ целых глав из нее. Моему другу Денису Голосову, тратившему свое время и силы для помощи автору, подчас забывающему о необходимости упоминания тех или иных событий, представляющихся безусловно известными не только мне, но и каждому читателю. Моему литературному редактору Евгении Малёнкиной, без участия которой эта книга потеряла бы очень многое. А также Сергею Лункину, чьи увлекательные экскурсии в историю кулинарии не только стали прекрасной пищей для ума, но и нашли отражение на этих страницах.

Наконец, я просто не могу не упомянуть моего кота, чье несносное поведение подчас отрывало меня от работы над рукописью, но вместе с тем и позволяло отвлечься.

Глава первая

Молодость и социализм (1883–1915)

Семья Муссолини. Трудный характер и школьные годы. Швейцарский опыт. Бенито Муссолини – социалист. Личная жизнь и брак. Начало Первой мировой войны и разрыв с левым движением.

Бенито Муссолини родился 29 июля 1883 года в небольшом местечке Варано ди Коста, которое вместе с еще несколькими деревнями входило в коммуну Предаппио. Горы, многочисленные виноградники, покосившиеся невысокие дома и развалины старого замка – вот пейзаж, представший перед глазами новорожденного. До ближайшего городка Форли было больше 15 километров.

Новый житель Предаппио появился на свет в одной из наиболее провинциальных областей совсем недавно объединившейся Италии. Романья, регион в Центральной Италии, всегда считался несколько отсталым по сравнению с такими блестящими соседями, как Миланское герцогство, торговая империя венецианцев, суровое рыцарское государство Неаполя или Флорентийская республика, достигшая своего расцвета при династии Медичи. Номинально принадлежащая Папской области, Романья в действительности долгое время была свободна от власти быстро сменявших друг друга римских понтификов. На деле этим беспокойным регионом управляла местная знать, опиравшаяся на семейные кланы. Это были жестокие люди, не доверявшие никому, и в первую очередь – собственным подданным, которые охотно восставали при первых же признаках ослабления властей. Мало какому семейству удавалось удержать свое положение дольше одного поколения.

Бедная область, раздираемая на части бесконечным противостоянием апеннинских государств, была родиной многих знаменитых итальянских кондотьеров – наемников, постепенно заменивших отряды из немцев, англичан и французов. В отличие от иностранцев местные ввели значительно менее дорогостоящую войну – они, как правило, щадили мирных жителей, а еще больше – собственные жизни. Со временем войны кондотьеров стали напоминать скорее рыцарские турниры, чем кровопролитные сражения. Обратной стороной медали было то, что предводители таких отрядов с невероятной легкостью переходили на сторону вчерашних противников, без малейших сожалений оставляя нанимателей с опустевшей казной и разбитыми надеждами. Иногда таким искателям удачи удавалось достигать высшей цели, а именно – самим становиться правителями. Одним из таких счастливицков стал Франческо Сфорца – рожденный крестьянином, он умер герцогом Милана. Кондотьеры «помельче рангом» тоже старались обзавестись «под старость» хотя бы небольшим городком.

Такой была родина Муссолини в Средние века и Новое время – область, где чтит традиции кровной мести и верности собственному клану, с постоянно менявшимися правителями, раздираемая на части более крупными итальянскими государственными образованиями. Конец этой вольнице положил знаменитый Чезаре Борджиа, сумевший утвердить в регионе власть римской курии. Но вплоть до объединения страны в середине XIX века Романья оставалась глубокой провинцией даже по меркам Центральной Италии.

Родители Бенито были очень разными людьми. Его отец, Алессандро Муссолини, убежденный социалист, в свое время участвовавший в подготовке революционного бакунинского марша на Болонью, за что почти год провел в тюрьме под следствием, остановился на имени «Бенито» из-за популярного среди европейских республиканцев мексиканского «президента-карлика», умершего за десять лет до рождения нашего героя. Ведь Бенито Хуарес расстрелял австрийского эрцгерцога, несостоявшегося императора Мексики! Одно только это радовало добрые итальянские сердца, так и не простившие австрийцам, что те, даже утратив

власть над Италией, сумели в 1866 году подпортить триумф молодого королевства серией ошеломительных разгромов на суше и на море. Конечно, консервативная католическая австрийская парламентская монархия не вызывала у социалиста Алессандро ничего, кроме ненависти.

Итак, Бенито – но не только. Полное имя новорожденного звучало так – Бенито Амилъ-каре Андреа. Компанию мексиканскому президенту составили имена итальянских революционеров, как водится – социалистов и анархистов. Забавно, что к моменту рождения нашего героя они находились между собой в острой политической борьбе, главным камнем преткновения которой был вопрос: как должно быть уничтожено современное буржуазное государство – с помощью бомб или все же после победы на выборах? Но оставим в стороне политические распри непримиримых революционеров и обратимся к матери нашего героя.

Мать Бенито составляла полную противоположность своему красноречивому мужу, при каждом удобном случае громкогласно выступающему против монархии, религии и буржуазии. В доме Муссолини «передовые взгляды» главы семейства самым удивительным образом сочетались с консерватизмом и глубокой религиозностью матери будущего фашистского вождя. Роза Муссолини (в девичестве Мальтони) была скромной деревенской учительницей младших классов, со спокойным, но по-итальянски упрямым характером. Ее влияние на семейные дела было неявным, но сильным – будучи верной женой, она в то же время не была безвольной, умея в нужный момент настоять на своем. Алессандро частенько вынужден был уступать тихой, но настойчивой воле супруги.

Любопытно, что впоследствии и сам Бенито выбрал в жены девушку именно такого типа – и более того, бывшую ученицу своей матери. Он не ошибся в своем выборе, став одним из немногих диктаторов XX века, никоим образом не пострадавших от домашних неурядиц. К сожалению, характером он пошел не в мать, во многом походя на своего отца, человека поверхностного, не слишком умного и склонного к крайностям.

Несмотря на все противоречия между бурным темпераментом отца и спокойным нравом матери, это была вполне благополучная семья, вскоре увеличившаяся до пяти человек (у Бенито был младший брат и сестренка). Ребенок – что в ретроспективе не может не вызывать улыбки – рос необычайно молчаливым: за первые три года жизни он не произнес ни единого слова. Возможно, его смущало соседство изображения Девы Марии и портрета бравого Гарибальди, висевшие в качестве символов – знамен борьбы незримых армий Церкви и Революции в доме семейства Муссолини.

Муссолини занимали три комнаты на втором этаже одного из деревенских домов – не слишком просторно, но достаточно свободно по тогдашним меркам. А вот финансовое положение оставляло желать лучшего: семью по большей части выручала небольшая зарплата матери, а не заработок отца. Неудивительно, что Муссолини питались достаточно просто и, если верить словам основателя фашизма, ели мясо только по воскресеньям. Но виной тому были не столько тяжелые социальные условия, сколько сам глава семейства.

Алессандро Муссолини был кузнецом, а кроме того, еще и владельцем молотилки. Хорошо знающий свое дело кузнец в промышленно слабо развитой Италии второй половины XIX века мог бы жить безбедно, но изнурительной ежедневной работой отец Бенито себя не слишком утруждал. Не то чтобы он был совсем к этому неспособен, просто рутина и каждодневный труд мало отвечали его внутреннему состоянию. Кроме того, значительные силы (и средства) забирала борьба за «национальное освобождение Италии» (от австрийцев) и социальное освобождение всего мира от буржуазии. Это, по меткому определению классиков сатирического жанра, был типичный «кипучий лентяй». И разумеется, у свободного от буржуазных предрассудков Алессандро была любовница, на которую тоже приходилось тратить. Спустя годы эту «идеальную схему» – благонравная любящая жена и страсть на стороне – будет с удовольствием воплощать в жизнь его старший сын, почерпнувший у отца столь многое и в хорошем, и в плохом.

Именно поэтому рацион семьи будущего диктатора не слишком отличался от крестьянского. Впоследствии Муссолини намеренно преувеличивал тяготы, выпавшие на его долю с юных лет, на самом деле неприглядной, беспросветной бедности в детстве Бенито никогда не знал. А потому мог получить достаточно хорошее образование и «выбиться в люди».

В отличие от многих своих соплеменников. Парадоксально, но объединение Италии не принесло особых предпочтений ее жителям – в полном противоречии с марксистской трактовкой истории. Напротив, во многом жить стало даже хуже. Единый рынок дал возможность беспрепятственного распространения товаров, производимых более развитыми в промышленном отношении соседями, а исчезновение многочисленных итальянских государств по большей части лишило смысла миграцию жителей в пределах Апеннинского полуострова, «подарив» вместо этого призыв в национальную армию и заставляя разрываться между верностью королю и уважением к Папе Римскому. Новые времена, с их суровыми вызовами и ускоренным темпом жизни, заставляли итальянцев уезжать из своей страны и Европы десятками тысяч. Именно тогда начали образовываться многочисленные итальянские диаспоры по всему миру.

Время показало, что победившая в 1860-х годах североитальянская монархия так и не стала общенациональной. Более того, Итальянское королевство с самого начала было достаточно нестабильным. Традиция тайных революционных обществ, южный темперамент жителей, слабость бюрократического аппарата и государства в целом делали эту нестабильность хронической, что и продемонстрировали события после Мировой войны. В отличие от той же России «старый режим» в Италии не выдержал наступивших после победы испытаний, а не поражения.

Шли годы, и самый старший из детей социалиста Муссолини стал подростком. Каким он был? Сегодня школьные психологи, скорее всего, нашли бы у Бенито признаки синдрома дефицита внимания вместе с гиперактивностью, но тогда... На первый взгляд словесные портреты Муссолини-ребенка очень отличаются друг от друга. Описания спокойного, замкнутого мальчика, сторонящегося сверстников, сменяются эпизодами школьного хулиганства, ранней и откровенной сексуальности, а также проявившихся навыков лидера, иначе говоря – школьного заводилы-хулигана.

Между тем никакого противоречия тут нет. Вспышки активности, а вслед за ними периоды внешнего оцепенения, даже упадка сил – очень характерная картина. Нет ничего удивительного в том, что сын учительницы научился читать почти сразу после того, как начал говорить – в четыре года. Нет ничего удивительного и в том, что свою волю сверстникам он мог навязать лишь с помощью кулаков. А как же еще – тогда, в таком возрасте и в такой среде? Так его учил отец, так же учили своих детей отцы в деревнях Романы. Это было жестокое время в бедной стране, переживающей переход от патриархального аграрного общества к эпохе урбанизации.

Для этого периода жизни Бенито очень характерна история, которая хотя и, вероятнее всего, несколько приукрашена, но все же довольно точно описывает психологический портрет обоих Муссолини. Отец сказал сыну, избитому более старшим и крупным ребенком, – не хнычь, иди и расплатись с ним за все сам. Далее, в полном соответствии с мифом, маленький Бенито с лихвой рассчитался с обидчиком, разбив тому лицо камнем.

Позднее Муссолини будет с удовольствием приводить эту историю в качестве примера своего воспитания. Эта демонстрация собственной, как ему казалось, мужественности была ему, несомненно, приятна, но в то же время, уже в зрелом возрасте, Бенито будет с горечью вспоминать свое безрадостное детство, сетуя на нехватку родительской любви, но частое присутствие отцовского ремня. Во многом причины его сложного, необузданного характера следует искать в тех первых пятнадцати годах жизни юного Муссолини – времени, когда он редко видел всегда занятую работой мать и предпочитавшего проводить время в трагтории или кантине отца; времени, когда его внутреннее состояние характеризовалось им самим как «озлоб-

ленное дикарство». В те годы он часто дрался, с одинаковой легкостью раздавая и получая тумачи – трусом в прямом, физическом, смысле Муссолини никогда не был.

Мальчишеские раздоры легко вспыхивали и быстро забывались сразу после окончания схватки, но практика разрешения любого конфликта при помощи насилия была очень хорошо усвоена Бенито. Он был убежден, что прав тот, у кого кулак крепче, и ничто в будущем не смогло это его убеждение поколебать.

Другие детские приключения будущего основателя фашизма были не менее характерными для его бунтарской природы, склонной к эпатажу. Характерная для него демонстративность поведения может быть проиллюстрирована многочисленными примерами – вот Бенито со стонами падает посреди деревни, его трясет. На шум сбегаются люди – у ребенка изо рта течет кровь! На самом деле это украденные где-то вишни – и обступивших его ожидает залп из слюны и косточек. Мальчишка попросту разыграл сердобольных соседей.

Несмотря на весь этот эпатаж и шутовство, Муссолини, пожалуй, можно назвать наиболее психически и физически нормальным среди всех наиболее известных диктаторов XX века. У него не обнаружилось никаких явно выраженных сексуальных отклонений или физического несовершенств. В отличие от «кабинетного стратега» Сталина или загнавшего себя в духоту бункеров Гитлера Муссолини, что называется, любил жизнь, получая от нее явное удовольствие – не меньшее, чем от собственной роли диктатора. Он всегда стремился к власти, но не как фанатик какой-либо идеи, а с наслаждением человека тщеславного, желавшего купаться во всеобщем восхищении. Это делало его намного более человечным в сравнении с остальными «коллегами по цеху».

После окончания начальной школы встал вопрос о дальнейшем месте учебы Бенито. Его родители могли позволить себе оплатить среднее образование для старшего сына, но – где? В семье начались споры, однако в итоге, как обычно, победила более настойчивая и упорная воля матери. Так, в возрасте девяти лет Бенито отправляется в церковную школу-интернат.

Там его ожидает провал, оставивший в душе Муссолини шрам на всю жизнь. То, что приносило ему успех раньше – его решительность, физическая сила и упрямство, – в этом учебном заведении совершенно не работало. Здешние преподаватели привыкли обтачивать камешки и покрепче, так что для нового ученика настали трудные дни. Бенито был легко «переигран» многоопытными учителями и загнан в угол.

Именно тогда отец взял над своей религиозной женой полный реванш. Он и прежде заводил с ребенком разговоры на темы социализма, анархизма и клерикализма, но особенного эффекта не достигал. Будучи еще совсем ребенком, Муссолини мог забраться на дерево и бросаться в священников желудями, но это так же мало говорило в пользу его антиклерикализма, как воровство фруктов у соседей – в пользу его отрицания принципа частной собственности. Все это не выходило за пределы детских шалостей, но теперь его ненависть к монахам-учителям стала беспредельной. Никогда не забывая и не прощая обид, он на всю жизнь останется суеверным атеистом, абсолютно не доверяя ни католической, ни любой другой церкви. И несмотря на то что политические амбиции будущего лидера нации заставят его примириться с религией, верующим человеком он так и не станет.

Отношения с одноклассниками, как и с учителями, у Бенито сложились далеко не самые лучшие. Он – затравленный одиночка. Городские дети откровенно презирают «деревенского дурака», друзей или приятелей по озорству у него нет. От отчаяния Бенито заводит приятельские отношения с еще одним школьным аутсайдером, жестоко третируя своего намного более слабого компаньона.

Формат таких отношений тоже станет для него типичным: ни тогда, ни после, вплоть до самого конца жизни рядом с ним не будет человека, способного назваться другом Муссолини. Став дуче фашизма, он объяснит свою необщительность принципиальной невозможностью

дружбы между вождем и кем бы то ни было. Только враги и соратники, которым приходилось терпеть капризы своего господина.

Судя по всему, Муссолини не только никогда сам не предпринимал попыток установить с кем-либо подлинно дружеских отношений, но и не поощрял таких попыток со стороны других. Но все это однозначно справедливо лишь в отношении мужчин, а вот с женщинами он, хоть и крайне редко, мог быть очень откровенен и эмоционален. Иногда он даже неофициально признавал их интеллектуальное превосходство над собой – Муссолини легко шел на это, всегда утверждая, что главное в мужчине – это воля, сила характера, а не «умничанье». Но остается открытым вопрос – можно ли было назвать эти любовные связи дружбой? По всей видимости, нет – Муссолини прерывал всякие отношения с женщинами, как только они переставали интересоваться им в качестве любовниц.

В церковной школе все более озлоблявшийся Бенито получал одно взыскание за другим. Справедливости ради надо заметить, что методики воспитания, применяемые «педагогами-монахами», были не только весьма далеки от современных гуманных, но даже по тем временам – намного строже, чем в обычных школах. Никто не пытался вникнуть в чувства ребенка, его просто наказывали, силой вколачивая «дух послушания».

Пройдут годы, и фашистская мифология создаст несколько почти библейских историй о детских годах диктатора, в центре которых, разумеется, всегда будет находиться будущий дуче фашизма, якобы уже с юных лет пользовавшийся всеобщим уважением и обладавший непрекаемым авторитетом. В этих историях «косные педагоги» станут олицетворением непреодолимой и отрицательной силы, которая, однако, лишь подчеркивала всю мощь личности юного Муссолини.

Сюжеты такого рода в большом количестве имеются уже среди ранних биографий дуче (собственно говоря, в значительной степени он еще в своей первой, «социалистической», автобиографии начал героизировать собственное детство). Например, наказанный за какую-то невинную шалость Бенито отправлен спать в вольер со злой сторожевой собакой, которая терзает его рычанием и лаем, но не может сломить волю будущего диктатора. А вот строптивого ученика заставляют подолгу стоять коленями на кукурузных зернах – до тех пор, пока он не попросит прощения за свое поведение. Разумеется, как и положено настоящему герою мифа, Бенито упорно, до крови, выдерживает все – и побеждает!

Понятны мотивы Муссолини, всегда любившего выставить себя бойцом, а не убегающим от трудностей неудачником, каким его часто характеризовали недруги, – понятны и задачи пропаганды, наделявшей дуче особенными качествами с самого его рождения. Новые времена требовали новой легитимности – прежде монархи правили от имени Бога, теперь же народные вожди нуждались в иных обоснованиях для своей власти. Так Муссолини превратился из неудачливого хулигана в харизматичного детского вожака.

Между тем в школе дело постепенно шло к развязке. Нараставшее напряжение обернулось поножовщиной: рядовая драка (обычное дело для любой школы что тогда, что сейчас) закончилась тем, что рассвирепевший Бенито ударил обидчика ножом то ли в живот, то ли в ягодицу. Сам он впоследствии будет утверждать, что всего лишь защищался, и в данном случае ему, пожалуй, можно поверить – роль парии нелегка в любом возрасте, но в детстве – особенно. Муссолини уже давно имел при себе перочинный нож, и было лишь вопросом времени, когда он пустит его в дело. Исходя из того, что его родителям удалось уладить дело, придя к полюбовному соглашению с семьей пострадавшего мальчика, удар, видимо, был не опасен для жизни. Но для руководства школы эта ситуация стала последней каплей.

«Сумасшедшего» ученика с «черной, как уголь, душой» отправили домой – одним ударом ножа одиннадцатилетний Бенито изменил свою судьбу. Его отец торжествовал – чего еще было ожидать от монахов? Конечно, церковный интернат не лучшее место для его сына. Бенито пойдет учиться в обычную среднюю школу – Муссолини закончит ее в восемнадцать лет.

Эти годы будут для него намного легче прежних. Бенито сразу стало свободнее дышать: улучшились и дисциплина, и успеваемость. Появилось и первое в его жизни хобби – уже под конец учебы он откроет для себя игру на скрипке (хотя впоследствии будут утверждать, что Муссолини начал музицировать на ней еще в пятилетнем возрасте), до конца жизни остававшуюся для него любимым занятием.

Несмотря на сложный характер, у подростка был пылливый, острый ум. Уже в те годы он много, но, как и все самоучки, бессистемно читает. Увы, Муссолини и тогда, и позже будет мешать сформировавшаяся в школьные годы нелюбовь к систематическим усилиям, отчасти вызванная неспособностью родителей и педагогов направить потенциал ребенка в нужном направлении. Тем не менее многие учителя отметят имевшиеся в этом трудном ребенке ум и способности, хотя до проводимых Муссолини аналогий с молодым Бонапартом было, конечно же, очень далеко.

Но в те годы Бенито был по большей части доволен своим положением. У него вновь появляются приятели, готовые выполнять его нехитрые замыслы. В то же время школьная администрация не считает его дерзким задирой или проблемным подростком. «Юный бунтарь», оказавшийся в намного более свободной среде, перестал прибегать к слишком жестоким методам отстаивания своих позиций – он все еще хотел эпатировать окружающих и подчас пускал в ход кулаки, но до поножовщины дело уже не доходило.

В известной мере такому смягчению характера способствовало то, что молодой итальянец открыл для себя радости «продажной любви». В возрасте шестнадцати лет он впервые посещает публичный дом и с тех пор неизменно предпочитает «выпускать пар» не в драках, а в постели с женщинами. Отныне почти каждое воскресенье Муссолини будет проводить в одном из борделей Форли. Бенито не ограничивается проститутками, он заводит многочисленные интрижки с местными девушками, без малейшего зазрения совести обещая жениться на каждой. Впрочем, он и без того пользуется немалой популярностью – кто же не влюбится в школьного хулигана, способного часами разглагольствовать о себе или будущей революции? Рассказы отца о знаменитых бунтарях и революционерах прошлого усвоены им вполне – они так отвечают мятежному состоянию его души!

Муссолини всегда везло на любовном фронте – вплоть до 1940 года рассказы о его похождениях будут служить ему неплохой рекламой, а вовсе не источником беспокойства или стыда. Итальянцам очень нравилось, что их вождь, как и они сами, не без греха, хотя сам Муссолини без всякого стеснения рассказывал о своих успехах лишь когда еще причислял себя к левым. Став лидером фашизма, он будет позиционировать себя как поборника семейных ценностей, поэтому из итальянских библиотек изымут его первую автобиографию, на страницах которой было немало пикантных подробностей его личной жизни.

Тем не менее в начале тридцатых годов он позволил опубликовать собственную биографию, написанную его любовницей Маргеритой Сарфатти. Желая еще раз подчеркнуть лидерские качества дуче, она тоже обратилась к детству диктатора, но подошла к этой теме не так, как другие апологеты Муссолини, а наделив ее чувственным подтекстом. Например, она рассказала, как совсем еще маленький Бенито, угрожая ножом, преследовал понравившуюся ему семилетнюю девочку – этим автор хотела подчеркнуть и раннюю сексуальность лидера нации, и его «природное» стремление к доминированию. Сегодня подобные воспоминания вполне могли бы подмочить репутацию любого западного политика, но тогда, по замыслу Сарфатти, Муссолини с его «волей к жизни», «неистовством варвара» откровенно противопоставлялся рафинированным, «немогущим» лидерам демократической Европы. Муссолини и в самом деле считал своих противников импотентами, хотя книга Сарфатти ему все равно не понравилась и впоследствии была запрещена в Италии до 1945 года.

Раньше же он был намного более откровенным. В уже упоминавшейся автобиографии, написанной им во время нахождения под следствием в итальянской тюрьме, молодой социалист фактически признавался в изнасиловании:

«Я схватил ее на лестнице, затолкал в угол за дверь и овладел ею. Поднявшись, униженная и вся в слезах, она оскорбила меня, сказав, что я отнял у нее честь, во что невозможно было поверить. И я спрашиваю у вас, какую честь она имела в виду?»

Муссолини выглядит тут не слишком привлекательно, хотя, скорее всего, он попросту рисовался перед читателями, бравируя откровенностью любовных отношений бедняков перед рафинированными буржуа. Вряд ли эта история имела место в действительности, но она вполне отвечает тому образу, в котором Муссолини хотел предстать тогда: бунтаря, поднявшегося из трущоб ради борьбы за всеобщее счастье. История с изнасилованием должна была служить иллюстрацией к тезису о том, что у «бедняков чести нет». Писавший эти строки социалист не хвастался «подвигами юности», а указывал на социальные пороки итальянского общества.

Хотя Муссолини вел достаточно активную сексуальную жизнь, будет неверным представлять его в образе похотливого сатира. По современным стандартам он, пожалуй, не особенно выделялся бы среди мужчин. Но все же нельзя не признать, что для него важен был именно секс, нежели личность его партнерш.

Летом 1901 года Бенито вернулся домой – учеба закончилась. Мать надеялась, что сын пойдет по ее стопам и станет деревенским учителем, но найти место для Муссолини оказалось совсем не простым делом: все еще «ищущий себя» Бенито не слишком спешил приступить к трудовой деятельности. Отец попытался устроить его в местную администрацию, но потерпел неудачу – Муссолини-младшему отказали как смутьяну. Такой была версия, ставшая в годы фашистской эры канонической: согласно ей, уже уходя, разгневанный Алессандро предсказал чиновникам, что когда-нибудь его сын обязательно станет великим человеком. Как удачно для будущих биографов основателя фашистской партии! Но Бенито и в самом деле мог не получить должность из-за плохой репутации – только не своей, а отца.

Наконец, после почти полугода безделья, во время которого Муссолини читал книги из библиотеки отца и волочился за местными девушками, нашлось место школьного учителя в другой деревне Романьи. Не слишком высокое жалованье (большая часть которого уходила на оплату жилья) компенсировалось новыми знакомствами и относительно свободным времяпрепровождением. У Муссолини было время и на споры в дешевых кантинах, и на женщин. Особенно на женщин.

Диковато выглядящий молодой учитель закрутил несколько бурных романов и среди прочего соблазнил жену солдата, тянувшего в это время ляжку воинской службы. Разрушив чужую семью, будущий поборник «фашистской морали» всю отдавался страстям с новой возлюбленной, успев в порыве гнева всадить ей нож в бедро. Нанявшие нового педагога школьные чиновники были в ужасе и ожидали только окончания заключенного с Муссолини годового контракта. Вскоре он оказался на улице, без работы и денег, но с долгами. О возвращении домой речи не было, да к тому же наступало время армейского призыва – оставалось лишь уехать куда-нибудь подальше, одним махом изменив не слишком удачную складывающуюся жизнь.

Но куда? На эмиграцию в США, подобно десяткам тысяч своих соотечественников, у Муссолини не было средств, но этого и не требовалось. Он уже знал, что государственные или национальные границы ничего не значат – настоящая граница пролегает между эксплуататорами и эксплуатируемыми. К лету 1902 года он уже считал себя убежденным социалистом.

Муссолини с юности заявлял о своих радикальных взглядах – и разве не все порядочные люди разделяют идеи социализма? Разве не трясется от ужаса буржуазия, не способная противопоставить несокрушимому международному движению ничего, кроме жалких призывов к порядку – порядку, который социалисты открыто собираются смести? И конечно же, бунтарь

Бенито, истинный сын своего отца, не может остаться в стороне от этой борьбы с угнетением со стороны буржуазии. Разве Италия не родина самых выдающихся революционеров?

На рубеже веков анархисты, неофициальный авангард всех левых сил, были на слуху во всем мире во многом благодаря активности итальянцев. Анархист Лукени смертельно ранил австрийскую императрицу Елизавету – не сумевший добиться места тюремного надзирателя итальянец гнусным убийством желал расквитаться за несложившуюся жизнь. Другой итальянский анархист сумел застрелить короля Умберто I, всадив в монарха четыре пули во время праздничного спортивного мероприятия.

Сбывались опасения российской императрицы Екатерины II, высказанные ею еще в конце XVIII века – радикалы всех мастей повели настоящую войну со старым порядком и его представителями. Французские и итальянские республиканцы неоднократно покушались на императора Наполеона III, в России народовольцы убили царя Александра II, а немецкий социалист ранил кайзера Вильгельма I. Но монархиями дело не ограничивалось. В 1880-х гг. французские анархисты организовали серию взрывов в парижских кафе, объявив это мстью беззаботно отдыхающей буржуазии. В 1901 году еще один представитель социального радикализма убивает президента США Уильяма Мак-Кинли.

Решительность анархистов явно импонировала Муссолини, но он никогда не причислял себя к ним, не пытался участвовать в их движении или хоть как-то проявить свои симпатии на практике. Зато еще со школьной скамьи он открыто заявлял о своей причастности к мировой социалистической организации. Но было ли это решение в достаточной степени сознательным или же попросту являлось проявлением юношеской фронды, результатом влияния отца и желанием выделиться из толпы сверстников? Скорей всего, Муссолини приятно было считать, что его коллеги учителя недолюбливают его именно потому, что он сын социалиста.

Со временем же он действительно начал изучать левую литературу и уже мог называть себя сторонником социалистов без всякой натяжки. Очевидно, перелом произошел между 1901–1902 гг., когда надолго предоставленный себе Муссолини принялся заполнять возникший вакуум идеями, столь дорогими его отцу. Да и был ли у него особенный выбор? Романы считались политическим оплотом бунтарей – анархистов, социалистов и республиканцев. Для Муссолини социализм стал одновременно и ответом на вопрос о виновных в его безрадостном положении бедного школьного учителя, и обещанием лучшего будущего.

Молодой Адольф Гитлер еще мечтал выиграть в лотерею, стать художником или архитектором, почти не интересуясь при этом политикой, а Муссолини уже писал свои первые статьи для малоизвестных журналов и газет левого направления. Выступая перед завсегдатаями трагедий, он впервые завладевает вниманием слушателей, зарабатывая себе зажигательными речами небольшую известность. Однако в те годы ему не удалось добиться особенного успеха – сказывались и отсутствие необходимых социалисту теоретических знаний, и нехватка времени.

Муссолини не замечали. В Италии и без него было много красноречивых уличных ораторов. А чтобы заниматься социализмом всерьез, нужны были или недюжинные организаторские способности, или немалые личные средства. Кроме того, подчас это было весьма опасно – в тогдашней Италии полиция и армия не задумываясь применяли оружие против вышедших из-под контроля демонстраций и митингов. Муссолини не был трусом, но и сгинуть в качестве безвестной пешки революции не собирался. Быть убитым случайной пулей или потерять лучшие годы в тюрьме не входило в его планы. Он верил, что наступивший XX век будет за социалистами и желал присутствовать при этом.

Поэтому ответ на вопрос «куда?» был очевиден. Мусульмане устремлялись в Мекку, буддисты – в Тибет, а социалисты – в Англию или Швейцарию. Последняя было намного ближе, к тому же Швейцария всегда служила местом, куда на заработки ежегодно отправлялись тысячи итальянских работников, не нашедшие себе занятий дома.

Летом 1902 года, едва сумев найти деньги на железнодорожный билет (выручила мать, отправившая сыну свой месячный учительский оклад), он отправляется в путь. Его не пугает ни безденежье, ни туманные перспективы пребывания в богатой горной республике. Разве родина социалистов – не весь мир? Муссолини был настолько уверен в своем решении, что на его намерение уехать ничуть не повлияло известие об очередном аресте отца. Оставляя позади жалкое прозябание в глуши итальянской провинции, будущий вождь нации устремился вперед, к новым перспективам.

...

Вопреки ожиданиям и надеждам Муссолини, Швейцария ему не понравилась с самого начала. Да и как разглядеть прелести уютного франко-немецкого государства, если у тебя ни гроша в кармане и пустой желудок?

Хотя для тысяч его сограждан богатое швейцарское сообщество бюргеров давало хорошие возможности подзаработать, Муссолини, по его словам, сразу не повезло с работодателем. Исходя из того, какое внимание сам Бенито уделял этой, в общем-то, рядовой истории, можно догадаться, что она оставила о себе весьма горькие воспоминания.

Он устроился, таская кирпичи в тачке по одиннадцать часов день. В своих письмах в Италию Муссолини рассказывал, что делал «по сто двадцать одной поездке с нагруженной кирпичами тачкой на второй этаж строящегося здания», – для бывшего учителя, да к тому же привыкшего сочетать часы преподавания с любовными страстями на фоне сельской идиллии, это, несомненно, было тяжелым опытом. Строителем он так и не стал – к концу первой рабочей недели Муссолини посчитал, что его беззастенчиво эксплуатируют, и пришел к хозяину за расчетом. Наниматель, ожидавший более длительного сотрудничества, буквально швырнул ему деньги в лицо, сопроводив это, по словам Муссолини, следующей пренебрежительной тирадой: «Вот твои деньги, ты их украл». Именно эта фраза сильнее всего задела Муссолини.

Сам он объяснял свой уход и прохудившейся обувью, и мизерной оплатой, и тяжелыми условиями труда. Очевидно, что, уезжая в Швейцарию с мечтами о «социалистическом братстве» и медальоном с изображением Карла Маркса, он не рассчитывал на то, что его повседневностью станет тяжелый труд сезонного иностранного работника. Совсем не таких перемен в своей судьбе он желал! И все же, уволившись, Муссолини смог на вырученные деньги купить себе новую обувь. По его словам, уезжая из Италии, он подарил свои башмаки провожавшему его знакомцу, не имевшему хорошей обуви. Возможно, что эта история – как и многие другие, связанные с дуче, – своего рода фашистский апокриф, но одно известно точно – горькие впечатления от первых месяцев, проведенных в Швейцарии, навсегда останутся в его сердце. И многие годы спустя Муссолини будет с презрением и ненавистью отзываться о «государстве банкиров», а будучи уже общепризнанным дуче фашизма и руководителем Италии, он приоткроет свои планы оккупации этой альпийской страны.

Сейчас же его ожидали скитания разнорабочего с переменной городов и мест работы. По словам Муссолини, последующие несколько месяцев были самыми трудными – в поисках средств к существованию он брался за самую разную работу: трудился посыльным на фабрике, был землекопом, плотничал и собирал фрукты. Это было днем, а ночью он отдавал должное «прелестям Венеры» – меняя любовниц среди таких же «отверженных», как и он сам. Бенито с удовольствием вспоминал о страстном романе со студенткой-медичкой из русской Польши. Но когда речь идет о воспоминаниях Муссолини о нем самом, очень трудно отделить вымысел от правды. Во всяком случае, о том, что он постоянно просил свою мать прислать ему денег, Муссолини предпочитал не распространяться.

Денег ему тогда действительно не хватало – впоследствии он не без удовольствия рассказывал о том, как слоняясь в этот период своей жизни по Женеве с урчащим от голода желудком, набрел на двух английских леди, собиравшихся устроить себе ланч на природе. Голодный итальянец набросился на англичанок и выхватил у одной из них сыр, хлеб и яйца. «Если бы

они попытались сопротивляться, я бы задушил их – задушил бы, поверьте мне!» – напишет он позднее. Если эта история действительно имела место, то можно представить себе ужас путешествующих английских леди, подвергшихся нападению агрессивного и голодного двадцатилетнего итальянца. Хотя не исключено, что Муссолини, рассказавший об этом в одной из ранних своих биографий, попросту хотел похвастать своей удачей перед читателями. Слишком опасным для него было бы тогда рисковать депортацией в Италию – там его поджидала тюрьма за уклонение от призыва на военную службу.

И все же тем летом дела его на самом деле шли не очень хорошо. Он нигде подолгу не задерживался и не только не сумел найти приличного и постоянного заработка, но вплотную подошел к настоящему нищенствованию. Даже католическая церковь отвергала его: все попытки Муссолини подкормиться или скоротать ночь под сенью креста закончились неудачей – слишком диковатый вид был у молодого итальянца. В какой-то момент от еще одной голодной и холодной ночи на улице его спасла полиция, упрятав в каталажку за бродяжничество.

Именно тогда, в конце лета 1902 года, фортуна наконец-то улыбнулась ему. Выйдя из «узилища капитала» на свободу, Муссолини знакомится с артелью итальянских каменщиков, придерживающихся левых взглядов. Его принимают с распростертыми объятиями, но не в качестве работника, а как профсоюзного секретаря. Артель была социалистической, а теоретически подкованный (по крайней мере, на фоне самих каменщиков) и «интеллигентный» (то есть имевший среднее образование) Муссолини казался превосходной кандидатурой для человека, ответственного за распространение социалистических идей среди итальянских и швейцарских рабочих. Именно с этого момента дела Муссолини пошли в гору.

Став профсоюзником, он оставил большинство неприятностей позади. Начиналась та самая долгожданная жизнь в столице европейского социализма – Муссолини начинает печататься в газетах левого направления и встречаться с деятелями социалистического движения. Представители русской эмиграции называют его Бенитушко.

Муссолини отвергал бюргерский немецкий социализм (равно как «соглашательскую социал-демократию» вообще), но с удовольствием изучал итальянских, русских и французских авторов, со всеядностью самоучки зачитываясь Бланки и Кропоткиным, Прудоном и Сорелем. Тогда же он начинает учить французский язык – язык страны, к которой в дальнейшем Муссолини будет испытывать сложную гамму чувств – любовь, смешанную с ненавистью и завистью. Окончательный переход от уличного социализма к теоретическому (иначе говоря, от грабежа к разговору о нем) произошел у него в 1904 году – Муссолини знакомится с Анжеликой Балабановой, еврейкой родом из Харькова, дочерью состоятельного землевладельца и убежденной социалисткой.

Некрасивая российская социалистка влюбилась в диковатого и неотесанного итальянца – да так, что пронесла эту любовь-ненависть через всю жизнь. Именно она сделала из слепо бунтующего против короны, капитала и церкви Муссолини «настоящего социалиста», подтвердив тем самым фразу фельдмаршала Гельмута фон Мольтке о том, что за каждым выдающимся мужчиной стоит не менее одаренная женщина.

Балабанова «облагородила» Муссолини. Он наконец-то начал по-настоящему изучать марксизм, научившись немного читать по-немецки во время совместного с Анжеликой перевода Маркса на итальянский. Муссолини и Балабанову можно было бы назвать идеальной социалистической парой, но ответ на вопрос – переросли ли товарищеские чувства в непосредственную любовную связь – до конца не ясен. Известно, что Муссолини Анжелика как женщина не привлекала – он отдавал должное ее уму, но не считал хоть сколько-нибудь красивой. Нет сомнений в том, что чувства Балабановой были значительно сильнее – недаром она посвятила своему несостоявшемуся жениху (на пять лет моложе ее) и «ренегату социализма» целых три книги, причем градус ненависти в них к «главному герою» со временем только возрастал. Так или иначе, но быстрый взлет Муссолини от безработного учителя и бесправного

разнорабочего до журналиста и достаточно видного участника международного социалистического движения – именно ее заслуга.

Помимо Анжелики Балабановой Муссолини приписывали знакомство с еще одним, намного более выдающимся, революционером из Российской империи. Речь шла о Владимире Ленине, впоследствии возглавившем Советскую Россию, а тогда находящемся в уютной швейцарской эмиграции. Несмотря на все последующие легенды, знакомство между ними не могло быть ни близким, ни хоть сколько-нибудь основательным: слишком разными были эти люди. Муссолини и Ленин вполне могли оказаться рядом на одном из цюрихских митингов (быстро перетекавших с улицы в небольшую пивную), но никаких теоретических споров между ними, конечно же, не возникало, к вящему неудовольствию будущих историков. Сам Муссолини в разные годы по-разному относился к этой легенде – поначалу он поддерживал ее, утверждая даже, что Ленин восхитился пламенным итальянским революционером, но позже заявил, что никогда не встречался с лидером большевиков. Скорей всего, так оно и было.

Это были насыщенные годы – Муссолини лишь ненадолго вернулся в Италию в 1903 году, навестив тяжело заболевшую мать и поспешив покинуть территорию королевства, едва только матери стало лучше. Становиться солдатом короля он все еще не желал, быть арестованным как укрывающийся от службы – тоже. Между тем итальянские власти объявили его в розыск. Опасаясь депортации из Швейцарии, Муссолини на время покидает страну – в эти опасные дни он вовсю использует свои связи в среде международного социализма и с помощью новых друзей перебирается во Францию, проведя там несколько месяцев. Оттуда он, по его словам, чуть было не уехал в США или даже на Мадагаскар, но достоверно известно лишь то, что в конечном счете Муссолини вернулся в Швейцарию. Там его арестовывает полиция – за подделку документов. Желая оставаться в республике как можно дольше, он решил выправить дату, ограничивающую его пребывание в стране, с 1903 на 1905 год. К несчастью, попытка изменить цифру 3 на 5 провалилась, и над Муссолини нависла угроза высылки в Италию, где он заочно уже был приговорен к одному году тюрьмы.

Швейцарские власти и без того недолго любили его за статьи в газетах, обличавшие «бесправный статус» итальянских рабочих, приехавших в республику на заработки, – полиция давно взяла Муссолини «на карандаш» и не собиралась терпеть призывы к «гражданским беспорядкам».

Внезапно нависшие над судьбой Муссолини тучи рассеялись так же быстро, как и появились. Приняв во внимание возмущение своих и иностранных социалистов, швейцарцы не стали высылать радикала из страны, а в Италии была объявлена амнистия в связи с рождением у короля Виктора Эммануила III наследника – принца Умберто. Это давало Муссолини шанс исправить сложившееся положение, не дожидаясь того момента, когда его вновь начнут преследовать по запросу из Италии или вышлют из Швейцарии. Осенью 1904 года Бенито решает вернуться и отслужить в армии. Ему хочется увидеть родных, побывать дома.

В это время Италия переживала короткий период политической стабильности, сопровождавшейся экономическим ростом и некоторым смягчением социальной напряженности. «Эра Джолитти», названная так в честь действующего премьер-министра и политического долгожителя, стала временем оптимизма, который охватил итальянское общество накануне суровых испытаний грядущей Мировой войны.

Вернувшись в родную Романью, Муссолини отправляется на призывной пункт Форли. Несмотря на репутацию бунтаря, скрывавшегося от службы, военное министерство Италии преспокойно записывает Муссолини в веронский полк берсальеров. Берсальеры, некогда легкие стрелки Пьемонтского королевства, являлись ныне элитой итальянской армии. Хорошо узнаваемые по султанам из перьев, берсальеры были не только наиболее красиво одетыми солдатами короля Виктора-Эммануила, но и самыми мобильными пехотинцами во всей армии – пересев на велосипеды, они предвосхитили будущие механизированные войны столетия.

Начало службы совпало с трагедией в семье нашего героя – в феврале 1905-го скончалась мать Муссолини. Он искренне горевал, несмотря на то что его взгляды ни в чем не совпадали с представлениями о жизни Розы Муссолини. После похорон его отец быстро нашел утешение в объятиях другой женщины, а Бенито предстояло вернуться в армию.

В общей сложности он отслужил более полутора лет, с января 1905 по сентябрь 1906 года. В личном деле призывника Муссолини содержится описание его внешности, изложенное несентиментальным языком военных врачей. Портрет, следует признать, получился малопривлекательным: низкий лоб, невысокий рост, темные круги под глазами... Не слишком ценное приобретение! Однако для Муссолини армейский опыт оказался очень позитивным – удивительно, но социалист, еще вчера клеймивший «наемных рабов капитала», теперь был на хорошем счету у своих командиров. Более того, Муссолини получал от военной службы определенное удовольствие и не только не считал свою службу бессмысленным делом, но обещал посвятить свою жизнь борьбе с «германскими варварами» и другими врагами страны, буде они вновь пожелают сделать Италию частью своих империй. Так он писал своему командиру, благодаря за предоставленный в связи со смертью матери отпуск.

Этот взрыв анти-австро-германских настроений говорит не только о наличии у Муссолини военной жилки, но и о том, что еще задолго до его «великой измены делу социализма» его глубинные представления были весьма далеки от умозрительного социалистического интернационализма. Для этого он всегда был слишком итальянцем.

Впрочем, тогда он вполне мог успокаивать свою социалистическую совесть тем, что все итальянские революционеры и бунтари так или иначе выступали против власти австрийских императоров или германских королей, как это сделал знаменитый революционер и патриот Джузеппе Гарибальди, боровшийся за объединение Италии с австрийцами и отправившийся в 1870 году сражаться с немецкими войсками на юге Франции.

Вопреки всем опасениям ограничения армейской службы оказались не столь уж суровыми – напротив, достаточно длительные отлучки позволяли Муссолини заводить новые и недолговечные романы. И один только социализм надолго выпал из перечня его интересов – Муссолини словно позабыл о двух годах, проведенных им в Швейцарии.

Наконец, осенью 1906 года, время службы подошло к концу, и перед демобилизовавшимся Муссолини вновь встал вопрос поиска места работы. Поразмыслив, он решает вернуться к преподаванию. Для местных властей он – бывший солдат короля, а следовательно, лицо благонадежное. В сентябре 1906 года Муссолини занимает место школьного учителя в небольшой деревушке Толмеццо, неподалеку от итало-австрийской границы.

Неужели этот вечный смутьян наконец-то успокоился? Но те, кто мог так считать, безнадежно ошибались – Муссолини и не думал «браться за ум». Возобновились попойки, любовные приключения и ночные празднества. Казалось, что с него слетели весь полученный в эмиграции лоск и воинская дисциплина. Вне оков морали швейцарских социалистических кружков или армейского кодекса чести молодой учитель быстро деградировал. Ученики его не уважали, да и он ими откровенно не интересовался. У четырех десятков своих подопечных он заработал малопривлекательную репутацию «тирана» и «психа». По другим оценкам, более снисходительные к Муссолини-учителю учащиеся относились к своему преподавателю достаточно хорошо, насмехаясь лишь над его манерой декламировать стихи во время занятий. Как бы там ни было, но впоследствии Муссолини не слишком высоко оценит свой тогдашний школьный опыт, откровенно признавшись, что учительствование за жалкие 75 лир в месяц – не для него.

Лишенный опеки Балабановой и полкового командира, Муссолини растрачивал энергию в многочисленных интрижках, разбавлявших череду скучных педагогических будней. Иногда это приводило к бурным сценам – Муссолини подрался с хозяином дома, заставшим постельца в постели с собственной женой. Были и другие романы, но, как утверждал Муссолини,

именно от этой женщины он подцепил венерическую болезнь. В те дни ему казалось, что речь идет о сифилисе, – отчаявшись, он даже подумывал о самоубийстве, но в конце концов передумал и возобновил опасную связь. Впоследствии история с венерической болезнью получила широкое распространение – не в последнюю очередь благодаря болтливости самого Муссолини. Уже став премьер-министром, он сдаст кровь на анализы, но английская лаборатория не найдет никаких следов перенесенной болезни. Это не мешает недоброжелателям вплоть до 1945 года утверждать, что дуче фашизма принимает важнейшие решения под воздействием неизлеченного до конца и ставшего хроническим заболевания. Такие слухи были чрезвычайно распространены среди элиты фашистского государства в 1942–1943 гг., но посмертное вскрытие тела диктатора показало, что анализ крови был совершенно точен: сифилиса у Муссолини не было.

Местные же власти намного больше смущали не любовные интрижки нового школьного учителя, а его ночные попойки на деревенском кладбище, где Муссолини развлекал компанию своих собутыльников насмешливыми проповедями, с которыми он обращался к покойникам. Это стало последней каплей, и после того, как значительная часть родителей отказалась пускать своих детей в школу к такому преподавателю, муниципалитет не стал продлевать с Муссолини рабочий контракт.

Оставалось лишь вернуться домой, к отцу. Не желая признавать неудач, Муссолини продолжает самообразование. Успешно сдав экзамен на владение французским языком, Муссолини получает еще одну возможность для работы учителем, но приобретенная им репутация «богохульника» приводит к серии отказов. Наконец весной 1908 года ему удается найти работу в небольшом городке Онелья, расположенном достаточно далеко от Романы. Но и там ему не удается задержаться надолго – летом того же года Муссолини вынужден не солоно хлебавши вернуться к отцу, который к этому времени переехал в Форли.

Муссолини был подавлен этой серией неудач – он уже почти перешагнул 25-летний рубеж, солидный возраст по тем временам. А чего он достиг? Какой иронией звучали теперь слова отца – «иди и завой мир». Раз за разом получая от этого мира подзатыльники, Бенито вынужден был возвращаться домой.

И вновь спасением стал социализм. Стремясь найти в происходящем хоть какой-то смысл, хоть какую-то опору, Муссолини постепенно возвращается к политической журналистике. Начало было положено еще в Онелья, когда по предложению местного социалистического кружка Муссолини подготовил к выпуску небольшое издание – сборник брошюр.

Этот опыт не прошел зря. В Предаппио он участвует в организации забастовки местных рабочих. Давая выход бушующей в нем энергии, Муссолини несколько «увлекается» и угрожает избить палкой управляющего фабрикой. Власти, столкнувшись не только с забастовкой, но и с масштабными протестами, стали опасаться открытого бунта, что в тогдашней Италии происходило довольно часто. Были вызваны войска. Подоспевшая кавалерия помогла полиции взять ситуацию под контроль, а Муссолини, как одного из главных «подстрекателей», арестовали. Ему грозил трехмесячный срок, но апелляционный суд в Болонье оказался мягче местного, и фактически Бенито отсидел всего 12 дней.

За это время он многое понял. Впервые возглавив большую группу людей – не болтунов и писак, а «настоящих мужчин», готовых идти за своим вождем, – Муссолини еще раз убедился в верности своих представлений. Сила – вот главный критерий! Не увенчавшаяся успехом попытка одолеть местных землевладельцев становится, благодаря охватившим район волнениям, известной всей Италии. О роли Муссолини в организации протестов напечатали ведущие газеты.

Муссолини решил воспользоваться внезапно появившейся известностью – теперь он понял, чем мог бы заняться: вести собственную газету социалистического направления,

конечно же! Так он приобретет себе и имя, и преданных сторонников. Не жалкое преподавательство под портретом короля в деревенских школах, а борьба за умы и сердца итальянцев.

Но как начать, где найти средства? Попытка выпустить ежедневную газету с помощью местного профсоюза провалилась, и какое-то время он вновь вынужден жить за счет отца, помогая ему управляться с таверной, которую недавно открыл Алессандро Муссолини. Не слишком утруждая себя работой, Бенито выглядел как человек, погруженный в собственные мысли, стал нелюдимым и замкнутым. Никто, разумеется, не знал о горячих политических спорах, которые он вел с отцом по вечерам, но некоторые могли наблюдать за тем, с каким грубым неистовством выступал этот неряшливо выглядящий одиночка в кругу завсегдатаев местных рестораничек или кружков левого направления.

Его томила жажда деятельности, но тогда он так и не сумел найти работу в Италии. Зато в 1909 году Муссолини получает приглашение поработать в Австро-Венгрии, а точнее – в провинции Трентино (или Южный Тироль), населенной итальянцами и немцами. Северная ее часть, где преобладали тирольцы, естественно, выступала за Вену, а жители Тренто, главного города области, поддерживали – в зависимости от убеждений – «национально-освободительную борьбу» против «австрийского диктата» или «революционное восстание против австрийского императора». Все эти течения объединились под знаменем «ирредентизма» – движения, название которому подарил старший сын знаменитого Гарибальди. Ирредентисты были едины в своем стремлении забрать у Австро-Венгрии земли с итальянским населением, так что пожилому кайзеру Францу-Иосифу особенно выбирать не приходилось. Австрийское правительство поддерживали только местные клерикалы-католики, да и то лишь потому, что римские папы традиционно дружили с Габсбургами и никак не могли забыть Савойскому дому тех событий, когда Турин буквально «втемную» использовал гарибальдийцев, лишивших пап государства.

Хотя Муссолини приглашали не столько в качестве редактора, сколько на должность секретаря местной социалистической организации, скучная работа в качестве мелкого партийного функционера его не слишком прельщала. Вскоре он уволился.

Но возвращаться обратно в Италию ему тогда не пришлось. Муссолини находит место помощника редактора газеты *Il Popolo* («Народ»), издания, занимавшего социал-демократические и ирредентистские позиции. Главный редактор *Il Popolo*, видный деятель австрийского и итальянского социал-демократического движения Чезаре Баттисти, предоставил своему новому помощнику практически полную свободу, так что впервые в своей жизни Муссолини смог развернуться по-настоящему.

Кто сказал, что социализм – это скучно? О, у Муссолини все было по-другому. Не желая вдаваться в споры между местными левыми направлениями – да это было и попросту опасным для репутации, – Муссолини «открыл огонь» по ненавистным ему клерикалам, по «политическому католицизму», по Ватикану. В ход шло все, особенно «клубничка» с участием священников – издание не вылезало из штрафов, а его редактор – из предупреждений, зато продажи росли! И конечно, главной скрипкой – нет! скорее трубой, конечно же трубой – в этом оркестре был сам Муссолини.

Не довольствуясь одной лишь журналистской деятельностью, он выступает во многих городах провинции, продолжая вести непримиримую борьбу не только с католической церковью, но и с религией вообще. Этот период его общественной деятельности наполнен самыми жесткими высказываниями в адрес христианского вероучения. Даже личность Иисуса Христа – а многие тогда называли его «первым социалистом» – вызывала у него лишь презрение: кем, спрашивал он у своих слушателей, кем был этот неудачник, сумевший при жизни обратить в свою веру лишь несколько деревень с их жалкими жителями? Если ваш Бог действительно существует, насмешливо говорил он набожным католикам, то у него есть пять минут, чтобы убить меня. И демонстративно показывал толпе часы, отмеряя время. В будущем, когда споры

между фашистским Римом и Ватиканом будут улажены конкордатом, дуче запретит печатать многие ранние статьи журналиста Муссолини.

И не только статьи. Во время своего пребывания в Трентино Муссолини пишет роман «Клаудиа Партичелла, или Любовница кардинала», пестрящий антицерковными выпадами. История о жестокой куртизанке, соблазняющей католических монахов и убитой одним из них, не стала большим литературным событием, зато красноречиво свидетельствовала об отношении тогдашнего Муссолини к католической (да и любой другой) церкви. Роман был напечатан в газете и пользовался немалой популярностью у подписчиков, но, если верить Сарфатти, «автора быстро утомила героиня Клаудиа. Он ощутил острое желание убить ее и, вероятно, убил бы, если бы Чезаре Баттисти не вмешался. «Ради бога, не убивайте, – молил редактор, – дайте ей пожить, пока закончится подписка!» Это на некоторое время спасло обреченную жертву. Кровожадные инстинкты Муссолини уступили соображениям субсидиарного характера, и приключения Клаудии и ее любовника продолжались, заставляя трепетать сердца молодых парикмахеров, чиновников, приказчиков и ремесленников города».

Помимо католиков доставалось и австрийцам – несмотря на свой социалистический интернационализм, Муссолини полностью поддерживал лозунги ирредентистов. Поэтому не удивительно, что австрийские власти вскоре начали мечтать о высылке его из страны. Главного редактора и его помощника несколько раз подвергали административному аресту, весь тираж их газеты неоднократно конфисковался по решению суда, но Муссолини не сдавался и продолжал повышать ставки в своем противостоянии с австрийскими властями. Наконец, после того как местные социалисты устроили свой митинг прямо у дома городского прокурора, а газета Муссолини заявила, что «итальянская граница не кончается Алой» (в то время пограничная станция), терпение у австрийцев лопнуло. Сперва Муссолини арестовывают за организацию «незаконного сборища», а затем высылают из страны за многочисленные нарушения закона о свободе печати.

Что ж, Муссолини действительно «переборщил», перейдя в своих статьях грань между ожесточенной полемикой и прямыми оскорблениями: называть священников «собаками», пожалуй, не стоило. Он частенько угрожал физической расправой своим противникам, хотя – надо отдать ему должное – приводил эти угрозы в действие несравненно реже, чем остальные его собратья по политическому цеху. Но выслали его не столько за это, сколько потому, что молодой помощник редактора сумел найти подход к итальянским жителям австрийской провинции.

Ораторский стиль Муссолини трудно было назвать изощренным или обращенным к интеллекту слушателей. Как уже говорилось, еще со времен своих «социалистических университетов» в Швейцарии он не слишком тяготел к теории, предпочитая оглушать оппонентов количеством, а не качеством своих аргументов. Не слишком он озабочивался и целостностью своей теоретической базы, стараясь выискивать наиболее яркие места во всех левых идеях своего времени.

Но при всех недостатках и ограниченности как теоретика – как уличный оратор Муссолини был очень силен. Редко кому удавалось перекричать или смутить его, он умел разговаривать с итальянской толпой как никто. Муссолини всегда говорил просто, демонстративно не пытаясь уловить настроение окружающих или подстроиться под него. Он бросался на толпу, вооруженный девизом своего кумира Наполеона: «Нужно сперва ввязаться в бой, а там видно будет!» Этим он отличался от Гитлера, который всегда тщательно готовился к каждому публичному выступлению, стараясь держаться соответствующе подобранной аудитории, заранее рассчитывая все действие поминутно и ничего не оставляя на авось. Если Гитлер обычно начинал издали, то Муссолини, что называется, сразу брал быка за рога, не тратя времени на «лирические отступления». Он, подобно школьному учителю, выступающему перед учениками, последовательно вколачивал в толпу свои тезисы, как гвозди в дерево. Агрессивно жестикулируя,

он говорил очень резко, помогая себе взмахами правой руки и одобрительно кивая головой в паузах, возникающих во время ораций. Муссолини никогда не «убеждал», не пытался аргументировать свою позицию, он лишь высказывался, подавая свою интерпретацию как абсолютную истину. Людям, в подавляющем числе инстинктивно стремящимся к определенности, это импонировало, а «сомневающиеся умники» были Муссолини не опасны. Полностью подчинив себе толпу, он неожиданно обрывал свою речь, не оставляя пораженным слушателям иного выбора, кроме как разразиться возгласами одобрения и аплодисментами.

Итальянцам было не слишком важно, что именно говорил Муссолини, но зато им очень нравилось, как он это делал. Он же мог сколько угодно демонстрировать свое презрение к «профессиональным хитrostям ораторов», но в начале своей общественной деятельности, как правило, произносил то, что должно было импонировать если не большинству, то как минимум тем, на кого он в данный момент делал ставку. Пока на повестке дня были социальный протест и антивоенные настроения, Муссолини призывал к социальной справедливости и борьбе с империалистическими устремлениями правительства. Затем настало время «справедливой войны с австрийцами» и «величия итальянской истории». Муссолини действительно не слишком беспокоился о подготовке своих выступлений (особенно в ранние годы), но всегда старался быть на стороне «больших батальонов».

Занимаясь *Il Popolo*, Муссолини сумел найти свой стиль и опробовать его в деле. Он добился успеха – продажи газеты выросли, а его депортация из страны стала предметом депутатского запроса в австрийском парламенте. Местные социалисты по такому поводу объявили даже однодневную забастовку. Неплохой результат за семь месяцев для человека, доселе почти неизвестного в Италии и Австро-Венгрии.

Переданный на границе австрийскими полицейскими в руки своих итальянских коллег, Муссолини получает следующее описание: «рост 1,67 метра, плотного телосложения, светло-каштановые волосы, широкий рот, темно-карие глаза, орлиный нос, высокий лоб». Куда более благоприятная характеристика, намного лучше, нежели у армейских врачей! Полицейские отметили также у своего подопечного доброжелательное выражение лица.

И конечно же, никто не стал преследовать высланного из Австрии социалиста. В некотором смысле Муссолини сослужил неплохую службу для Королевства Италии, ведь помимо того, что любое итальянское правительство снисходительно отнеслось бы к разжиганию недовольства Венной среди своих соплеменников в Трентино, официальный Рим был тогда в весьма плохих отношениях с римской курией. Поэтому выходило так, что статьи социалиста Муссолини били по врагам итальянской монархии. Разумеется, сам бы он тогда с презрением отверг такие доводы, но впоследствии не раз вспоминал свою роль в борьбе итальянцев за «национальное освобождение».

Тогда же он выступал в этом вопросе со вполне умеренных позиций, по крайней мере, это можно проследить по написанной им книге «Трентино глазами социалиста», в которой Муссолини предостерегал от военного решения этого конфликта. В дальнейшем, став диктатором Италии, он уже не будет столь осторожен в разрешении территориальных споров. Да и с коллегами по *Il Popolo* выйдет не слишком удачно – после победы фашистов социал-демократическую газету закроют. Еще раньше уйдет из жизни человек, столь много сделавший для становления Муссолини в качестве журналиста. Юридически оставаясь подданным австро-венгерского императора, Чезаре Баттисти запишется во время Первой мировой войны в итальянскую армию и окажется в плену. Австрийский суд приговорит его к повешению как изменника. Казненный станет для итальянцев национальным героем, а фашистские пропагандисты будут всячески затенять тот факт, что Баттисти был социал-демократом.

А вот редактора *Nuovo Trentino* («Новое Трентино») Альчиде де Гаспери, одного из главных оппонентов журналиста-социалиста Муссолини со стороны местной католической печати, фашистский режим будет преследовать, и уцелеет он только благодаря поддержке Ватикана.

Уцелеет для того, чтобы стать преемником Муссолини на посту премьера послевоенной Италии.

Но все это будет много позже, а пока новый удар – высылка из Трентино – на время лишает Бенито равновесия. Вынужденное бездействие после полугода активной деятельности угнетает его.

...

Муссолини опять было возвращается домой, к отцу, в его придорожный трактир. Алессандро Муссолини к этому времени был уже тяжелобольным человеком и мало чем мог помочь старшему сыну.

Двадцатишестилетний Бенито подумывает уехать из Италии – среди потенциальных стран для эмиграции называются и США, и Бразилия. Можно только догадываться о том, как сложилась бы тогда его жизнь и насколько изменилась бы история Европы. Но Муссолини не слишком торопился с отъездом в американскую неизвестность – в это время он был ненадолго помещен под арест из-за невыплаченного штрафа. В любом случае о том, чтобы возглавить отцовское дело, и речи не было. Неужели его ожидает новый период прозябания и неизвестности?..

Прежде чем приступать к описанию бурных событий последующих лет, стоит немного рассказать о личной жизни нашего героя, ибо именно в этот период в его жизни начинался роман, финалом которого стала женитьба и появление большой семьи. Но сначала необходимо упомянуть о его прежних связях с женщинами – связях, оказавших на Муссолини большое влияние.

Как мы уже знаем, Муссолини достаточно рано начал проявлять интерес к слабому полу и уже в шестнадцатилетнем возрасте активно посещал «дома терпимости». А были ли «серьезные отношения» в его жизни? Несомненно, его швейцарскую связь с Анжеликой Балабановой можно отнести к числу серьезных увлечений. Однако существуют сомнения насчет того, были ли их чувства взаимными во всех смыслах – как уже говорилось, Анжелика не привлекала Бенито физически и, вероятнее всего, сексуальных отношений между ними никогда не было.

Пожалуй, первой «полноценной» связью, по мнению Муссолини, были отношения с трентинской профсоюзницей Фернандой Фачинелли, с которой он познакомился в бурный период своей работы над П Роро. Этим отношениям не помешало то, что Фачинелли была замужем. Она родила Муссолини ребенка, но, к сожалению, и сын, и мать вскоре умерли. Судя по всему, Бенито относился к Фернанде достаточно серьезно и сохранил о ней теплые воспоминания – придя к власти, он будет помогать близким покойной.

В то же самое время, в Тренто, он знакомится с Идой Дальзер, уроженкой этого города, подданной Италии и Австро-Венгрии. Несмотря на то что Дальзер была старше Муссолини на три года и, по общему мнению, не отличалась ни особой красотой, ни хорошим характером, эта связь продлилась намного дольше, нежели отношения с Фачинелли. Дальзер иногда даже называют первой законной женой Муссолини, но свидетельств заключения официального брака историкам найти не удалось. Возможно, причиной тому – вмешательство тайной полиции фашистского режима. Достоверно известно лишь то, что Муссолини расстался со своей любовницей в 1915 году, спустя некоторое время после вступления Италии в Мировую войну.

К этому времени Ида успела родить от него мальчика, получившего имя Бенито Альберто, и потребовала от неверного возлюбленного признать ее официальной женой, ссылаясь на запись в гостиничной книге регистраций. На это Муссолини достаточно убедительно отвечал, что был вынужден солгать, назвав ее своей женой, иначе бы их попросту не поселили в один номер. Суд встал на сторону журналиста, но точка в этой истории поставлена не была.

Дальзер устраивала Муссолини сцены, писала ему отчаянные письма и обращалась за содействием к властям Италии. Все было бесполезно. Позже, уже вернувшись с фронта, Муссолини добьется того, чтобы назойливую бывшую любовницу интернировали на время войны,

вместе с другими подданными враждебных Италии государств. Он никогда не признает ни заключения брака, ни родившегося от этой связи сына.

Не оставившая своих попыток добиться справедливости Ида будет обивать пороги кабинетов министров нового фашистского правительства, за что и будет помещена в психиатрическую лечебницу, когда Муссолини станет премьером. Там она и скончается в 1937 году, забытая всеми. Бенито Альбино, опекуном над которым по распоряжению Муссолини возьмет на себя чиновник Джулио Бернарди, получит фамилию последнего и, став моряком, погибнет в 1942 году при невыясненных обстоятельствах то ли в горах Ливорно, то ли в морских боях с англичанами.

Вся эта весьма некрасивая история бросает немалую тень на репутацию Муссолини, но чрезвычайно трудно отделить моральную нечистоплотность от настоящего преступления. Нельзя однозначно утверждать, что Муссолини расправился с бывшей любовницей и собственным сыном. По мнению современников и даже ближайших родственников Дальзер, последняя, и без того всегда слышавшая неуравновешенной особой, к середине двадцатых годов действительно была близка к помешательству. Летом 1926 года, во время очередной попытки заставить услышать себя, она попытается поджечь мебель в номере министра в правительстве ее бывшего любовника – именно этот инцидент станет поводом для помещения ее в больницу.

Разумеется, основная вина за сложившуюся ситуацию должна быть возложена на самого Муссолини, не пожелавшего после 1915 года даже поговорить с бывшей любовницей – или женой. Но упрощать вопрос, сводя все дело к коварной интриге, не стоит. В середине 1925-го (по другим сведениям – в 1926 году), когда Дальзер была помещена в лечебницу, власть премьера Муссолини еще не была столь неограниченной, чтобы рисковать своей репутацией в попытках выдать здорового человека за психически больного.

Нельзя утверждать и того, что он был совершенно равнодушен к своему сыну от Дальзер. Не признавая его официально, Муссолини все же сознавал свою ответственность и старался помочь. Он выделил достаточно крупную сумму денег, предназначавшуюся Бенито Альбино после достижения им совершеннолетия, и вообще следил за его жизнью, заодно поручив своему брату патронировать мальчика. Хотя широкой публике существование у дуче сына от Иды Дальзер было совершенно неизвестно, для него самого это не было секретом. Бенито Альбино знал, кто его отец, и не особенно скрывал это от окружающих. Но невозможно поверить в то, чтобы Муссолини хладнокровно организовал убийство собственного сына. По крайней мере, никаких подтверждений этой версии найдено не было.

Помимо Анжелики, Фернанды и Иды, а также неизвестного количества более коротких связей, в те годы у Муссолини сложились тесные отношения с еще несколькими женщинами, оказавшими немалое влияние на его судьбу. Одной из таких женщин стала Маргерита Сарфатти, венецианская еврейка, на долгие годы сумевшая удержаться рядом с Муссолини в качестве главной «фаворитки». Талантливая журналистка, Маргерита сошлась с ним на профессиональной почве в 1912 году, быстро став для редактора Муссолини не только подчиненной. В отличие от Дальзер, обладавшей неуравновешенным характером, Сарфатти слыла человеком веселым и легким. Для Муссолини она была не только многолетней любовницей, но и по настоящему интеллектуальным партнером, второй Балабановой. Но оказалось ли это влияние безусловно положительным?

Эта женщина, «пришедшая к социализму» благодаря своему мужу, занявшему видное место в Итальянской социалистической партии, сделала очень много для становления фашистского движения в том виде, в каком мы привыкли его представлять: тоталитарной, империалистической и расистской структурой. Некоторые говорили даже о «еврейской матери итальянского фашизма», но подобные утверждения вряд ли можно считать до конца обоснованными. Тем не менее трудно отрицать ту роль, которую сыграла в жизни Муссолини эта венецианка, писавшая ему речи в годы становления фашистской партии и опубликовавшая в середине два-

дцатых годов апологетическую биографию Муссолини. О тогдашнем ее влиянии на дуче можно судить по тому, что, хотя книга Муссолини решительно не понравилась, он не только не запретил ее выпуск, но и написал для нее предисловие.

Влияние Маргериты было подорвано лишь в начале тридцатых годов, когда она уже в значительной степени утратила былую привлекательность, а преисполнившийся уверенности в собственных силах фашистский вождь перестал нуждаться в интеллектуальной опеке. Возможно, свою роль сыграло и еврейское происхождение Маргериты, постепенно становившееся неудобным для статуса «первой любовницы» дуче. В таком случае Сарфатти могла винить в этом только себя – не она ли проповедовала примитивный «биологический расизм» еще до Первой мировой? Правда, тогда речь шла лишь об азиатах и чернокожих... Оставшейся не у дел Маргерите становилось все более неуютно в Италии второй половины 30-х годов – и она покинула страну, вернувшись лишь после падения фашистского режима.

Нельзя не отметить параллели между этими отношениями и связью Муссолини с Балабановой. В обоих случаях речь шла о союзе с решительными, «передовыми» женщинами, выбравшими для себя «мужские профессии» и обладавшими таким же твердым характером. Обе написали биографии дуче фашизма (неукротимая Балабанова выпустила три книги, посвященные бывшему соратнику и возлюбленному), одинаково пристрастных по отношению к главному герою, но с разными полюсами. И обе они не выдержали идеологических перемен, произошедших с их любовником. Если верную социалистку Балабанову от Муссолини отшатнула его измена делу интернационализма в 1914 году, то Сарфатти стала жертвой государственного антисемитизма, воцарившегося в фашистской Италии с 1937 года.

Стоит упомянуть и эпистолярный роман, завязавшийся между Муссолини и Ледой Рафанелли, эмансипированной женщиной-анархисткой. Очевидно, что он испытывал к Рафанелли тот же сложный комплекс чувств, в диапазоне от интеллектуальной робости до сексуального влечения, что и к Балабановой или Сарфатти. Но в данном случае коса нашла на камень – несмотря на уже сложившуюся к их знакомству (1913 год) репутацию непримиримого бойца левого фронта, Муссолини не вызвал у Рафанелли никакого интереса. Их переписка (а Бенито написал Леде как минимум сорок писем, которые женщина сохранила) говорит о серьезном настрое Муссолини – он почти оставил свою привычку рисоваться перед окружающими и был непривычно откровенен. Человек, из наследия которого на каждое высказывание можно легко найти абсолютно противоположную цитату, чистосердечно признавался в том, что не имеет особых убеждений, но желает стать великим – любой ценой и любым способом. «Как Наполеон?» – безусловно, не без иронии уточнила Рафанелли. – «Нет, больше, чем Наполеон», – искренне отвечал ей Муссолини.

Несмотря на эту достаточно рискованную для политика доверительность, Муссолини не сумел добиться расположения Леды. С наблюдательностью, делавшей ей честь, Рафанелли отметила не только отталкивающую ее небрежность во внешности и манерах своего кавалера, но и крайне опасную «мобильность взглядов». Она распознала в Муссолини тот принципиальный оппортунизм, который впоследствии превратил интернационалиста в империалиста, социалиста в фашиста и союзника англо-французов – в главного друга Третьего рейха. По всей видимости, резюмировала Рафанелли задолго до памятного выхода Муссолини из рядов социалистов, у него вообще не было устойчивых взглядов. Отношения закончились, не успев начаться. После прихода фашистов к власти Рафанелли не тронули, хотя и лишили возможности заниматься политикой или общественной деятельностью. Она сумела пережить падение фашистского режима и Вторую мировую войну, скончавшись в Италии в 1971 году.

Муссолини также приписывали бурную связь с Анжелой Куччати, красивой миланкой, дочерью видного социалиста и коллегой по работе в газете. Эти отношения начались в 1921 году, и хотя, судя по всему, интимные отношения с Анжелой продлились совсем недолго, личная привязанность к ней сохранилась у Муссолини до самых последних дней. Если верить

ее дочери Елене, настоящим отцом девушки был не Бруно Курти, законный муж Анжелы, а Бенито Муссолини. Так ли все обстояло на самом деле, утверждать трудно – несмотря на то что у Муссолини и Куччати действительно был «служебный роман», не существует достоверных свидетельств того, что дуче признавал Елену своей дочерью – даже в той неофициальной форме, как в отношении его сына от Иды Дальзер. Тем не менее впоследствии Елена Курти служила машинисткой в правительстве Итальянской социальной республики и в апреле 1945 года вместе с Муссолини отправилась из Милана в закончившееся трагедией бегство. Впрочем, эту близость не обязательно объяснять родственными чувствами – дуче вполне мог оказать протекцию дочери бывшей любовницы и одного из своих соратников. Так или иначе, но, несмотря на все утверждения задним числом, Анжела Куччати никогда не занимала в жизни Муссолини место, сравнимое с Балабановой или Сарфатти.

Таким образом, можно констатировать, что все попытки Муссолини обрести личное счастье в союзе с «передовыми женщинами» заканчивались безуспешно. Потерпев в разное время неудачи в желании совместить приятное с полезным, он отчасти пошел по пути своего отца, женившись на женщине без особых интеллектуальных запросов, зато готовой стать хорошей женой и матерью. И именно такой женщиной для Муссолини стала Ракеле Гуиди.

Отношения между ними начали развиваться еще накануне его отъезда в Трентино, но знакомы они были уже очень давно. Ракеле была родом из той же деревни, что и Бенито, и училась в школе, где преподавала его мать, Роза Муссолини. Смышленную и работящую девочку взяли в дом Муссолини в качестве помощницы по хозяйству, тогда-то Бенито, очевидно, и познакомился с ней. Разумеется, будучи младше его на семь лет, в те годы Ракель не представляла для него никакого интереса, но по мере ее взросления он стал обращать все больше внимания на скромную и красивую девушку. Уже перед отъездом в Трентино он полупуштя-полусерьезно обещал жениться на ней после своего возвращения (что, напомним, ничуть не помешало ему заводить многочисленные любовные интрижки) и, что удивительно, – свое слово сдержал.

В свой второй приезд в Форли Муссолини сделал родителям избранницы формальное предложение. Пикантность ситуации заключалась в том, что одним из этих родителей... был его отец, старый социалист, а теперь трактирщик Алессандро Муссолини. Дело было в том, что пока молодой Муссолини добивался от судьбы успеха, в лучший мир ушли не только его мать, но и отец Ракель – Агостино Гуиди. Они умерли, а Алессандро Муссолини и Анна Гуиди, мать Ракель, стали жить вместе «гражданским браком». Именно на деньги Анны отец Муссолини сумел открыть свой трактир. Теперь он, ставший для Ракель отчимом, скептически смотрел на брачное предложение, сделанное его старшим сыном.

Болезни и годы сделали свое и от прежнего беспшашного социалиста мало что осталось. Алессандро прямо попросил Муссолини-младшего не портить жизнь шестнадцатилетней девушке. Тогда, если верить слухам, отчаянный жених достал пистолет и пообещал убить невесту, а после застрелиться самому. Все это было вполне в духе времени, так что до крови не дошло: убедившись в решительности Бенито и взаимности к нему чувств Ракели, родители дали свое благословение.

По всей видимости, Муссолини заключил бы официальный брак тогда же, но социалистам ходить в церковь не пристало, о чем он не раз напоминал в собственных статьях, предлагая исключать таких «отступников» из партии. Так что в течение следующих пяти лет Ракеле жила в статусе сожительницы, или, как тогда говорили, – содержанки. Бенито и Ракеле распишутся только в декабре 1915 года, уже после того, как Муссолини будет изгнан из рядов социалистической партии. Но даже и тогда он поостережется идти в церковь, ограничившись простой росписью. Муссолини начал жить с Ракеле «гражданским браком» в 1910 году. Несколько лукавая, Ракеле писала: «Помню, каким он был усталым и счастливым – хотя и несколько неуверенным в том, какова будет моя реакция, потому что бумаги для регистрации брака еще не были

готовы. Но я разобралась в ситуации. Передо мной был избранник моего сердца, с нетерпением ожидавший единственного дара, который я могла ему преподнести – мою любовь. Его молодое лицо уже прорезали морщины – результат повседневной борьбы. Колебаний не было. Я пошла с ним». В сентябре родилась первая и единственная дочь Муссолини – Эдда, а в ноябре умер его отец, уже давно тяжело болевший. Он оставил старшему сыну небольшое земельное владение, от которого Муссолини тут же избавился, пополнив вырученными несколькими тысячами лир семейный бюджет.

И все же первые годы семейной жизни были трудными: денег решительно не хватало, и увеличивающаяся семья Муссолини жила очень бедно. Бенито зарабатывал немногим более сотни лир в месяц, значительная часть из которых проходила мимо семейного бюджета: ни тогда, ни после Муссолини не умел считать деньги. В своих мемуарах, написанных уже после смерти мужа и падения фашистского режима, Ракеле не без апологетики, но довольно ярко передает семейную атмосферу тех лет: «Две меблированные комнатки были совсем крошечные, но имели большое преимущество:

стоили менее 15 лир в месяц. Все семейное имущество состояло из четырех простыней, четырех тарелок и четырех столовых приборов, доставшихся от родителей. Мы были богаты нашей молодостью и надеждами. Бенито сам – гораздо позднее – часто повторял, что это были самые счастливые дни в нашей жизни. Бенито работал. Я, напевая народные мелодии Романьи, занималась хозяйством в нашем маленьком жилище. Таким мирном и безмятежном».

Бытовые проблемы и разность характеров не помешали Бенито и Ракеле Муссолини состояться в качестве семьи, «фамилии». Избранница Бенито проявила себя как примерная жена. Довольно красивая в молодости, она до конца жизни оставалась простой крестьянкой, так и не научившейся «женским премудростям» горожанок. Но Ракеле вовсе не была просто-душной или слабохарактерной. Как мы помним, мать Муссолини тоже умела добиваться своего, не подвергая сомнению авторитет мужа, – так было и здесь. В тех редких случаях, когда Ракеле считала, что семье угрожает опасность, она действовала со свирепой решимостью, как правило, заставлявшей мужа уступать.

Так, после первого же инцидента ей удалось искоренить дурную привычку Бенито приходить домой в сильном подпитии, попросту пообещав убить его в случае рецидива. И она своего добилась – такого себе он больше не позволял. Хотя к алкоголю, как и к еде, Муссолини был, в общем-то, равнодушен. А вот заставить «убежденного социалиста» окрестить новорожденную дочку она тогда не сумела – опасения Муссолини потерять лицо на глазах у соратников оказались сильнее уговоров жены.

В остальном разногласий у них не было: Ракеле рожала детей, с удовольствием занималась домом, не лезла в политику и смотрела сквозь пальцы на не опасные для семьи любовные интрижки своего супруга. Наверняка много мужчин сочли бы такой подход к семейной жизни идеальным. Возможно, Муссолини и раздражала порой ограниченность круга интересов его жены, но, как известно, полностью идеальные браки – большая редкость. Покончив с бытовой неустроенностью и сведя количество любовных связей на стороне к минимуму, Муссолини с неизменным удовольствием проводил свободное время дома, в кругу семьи, и только события 1943–45 гг. разрушили этот крепкий дом.

Там же, в своих воспоминаниях, Ракеле справедливо отмечала: «Инстинкт... подсказывал мне, что в моих чувствах к нему есть что-то материнское... он это сознавал и любил меня за это». В общем, жена Муссолини выгодно отличалась от его прежних любовниц тем, что всегда «разделяла его гордость, восхищалась и хвалила его». Муссолини оценит это и, уже будучи премьером Италии, станет довольствоваться женщинами из среды аполитичных жен чиновников или поклонниц, не имеющих за душой «идеологического стержня».

...

В сентябре 1910 года Муссолини от социалистов города Форли поступило заманчивое предложение – не возьмется ли он редактировать еженедельный журнал? Конечно же, Бенито сразу согласился. Новое издание получило название *Lotta di classe* («Классовая борьба»).

Муссолини быстро придал этому изданию леворадикальный характер. Солдаты должны дезертировать из армии, обращался он со страниц журнала к своим читателям, если правительство пошлет их в очередную колониальную авантюру или втянется в большую европейскую войну. Армия, утверждал бывший рядовой берсальерского полка, это такая же опора режима, как и бюрократия. Разумеется, по его мнению, обе должны были быть уничтоженными.

«Мы не станем защищать нашу страну, потому что у нас нет страны для защиты», – заявил Муссолини в начале 1911 года. Он пошел еще дальше, заявив, что «если Родина, эта лживая фикция, которая отжила свой век, опять потребует в жертву крови и денег, пролетариат, следуя указаниям социалистов, должен ответить на это всеобщей забастовкой». Муссолини определенно становился одним из наиболее крайних левых, и не только в Италии.

Но пока о нем все еще мало кто знал. Хотя за два года ему и удалось увеличить тираж *Lotta di classe* почти в два раза, речь все равно шла о незначительном местном издании – всего две тысячи номеров. Для обретения известности этого было явно мало. Однажды его имя уже прозвучало на общеитальянском уровне, но он все равно продолжал оставаться «маленьким вождем» социалистов, как охарактеризовала его одна римская газета, на страницах которой вышла статья об итальянских социалистах в Швейцарии.

И все же сотрудничество с *Lotta di classe* не стало для Муссолини напрасной тратой сил. Он развивал свой журналистский стиль, окончательно придав ему то характерное для Муссолини-автора сочетание грубой и напористой аргументации, апеллировавшей к слуху и сердцу читателя, но полностью игнорировавшей рассудок. Главным же стало то, что издание журнала открывало ему путь в Итальянскую социалистическую партию – организацию, которую Муссолини стремился возглавить и подчинить своей воле.

Осенью 1910 года он впервые попытался занять подобающее ему (по мнению самого Муссолини, разумеется) место в ее руководстве, устроив нечто вроде бунта на ежегодном конгрессе в Милане. Но большинство представителей итальянского социализма (люди, как правило, «интеллигентных» профессий) восприняли мрачного делегата из Форли без малейшего пиетета. В итоге Муссолини полностью провалился, заработав репутацию ограниченного и малообразованного радикала.

Тем не менее, как это всегда и бывает, выступив с наиболее крайних позиций, он сумел выделиться на съезде – и постепенно вокруг него начала формироваться небольшая фракция таких же радикальных социалистов. В этот момент Муссолини помогли внешнеполитические маневры итальянского правительства, начавшего войну с Османской империей.

Тот факт, что королевская Италия определенно преследовала «империалистические цели» (то есть хотела отобрать у турок Ливию и ряд других территорий на Средиземном море), казалось бы, лишний раз подтверждал правоту Муссолини. Никаких договоренностей с буржуазным правительством, никаких уступок монархии, вновь и вновь призывал он в 1911 году.

В то время как общественность рукоплескала дешево добытым победам итальянской армии в Африке, Муссолини страстно призывал отвергнуть межнациональную рознь вместе с богами всевозможных религий. «Да здравствуют мятежники всех стран и народов», – писал он. Даже завоевав Ливию, утверждал Муссолини, страна получит лишь дыру в бюджете, а итальянским беднякам придется еще туже затянуть пояса. В будущем его отношение к колониальным походам в Африку претерпит значительные изменения, но тогда мало кто высказывался по отношению к разгоревшейся войне столь же негативно, как этот журналист-социалист из Форли.

Пока руководство Итальянской социалистической партии колебалось, с большим трудом решившись на объявление всеобщей забастовки в качестве антивоенной меры, Муссолини не

ограничивался только лишь словами. Несомненно, памятуя о том, как он возглавил протестные демонстрации в Предаппио тремя годами ранее (и о том, что это принесло ему первую общенациональную славу), Муссолини начал призывать своих романьольских земляков к решительным действиям.

Если верить некоторым источникам, выступая на митинге в Форли, Муссолини «посоветовал» портить железные дороги – чтобы остановить переброску войск в порты Южной Италии и таким образом парализовать все усилия правительства. Сам Муссолини впоследствии от этого – о, конечно – решительно отрекся. «Его версию» отчасти изложила в своих мемуарах Ракели, которая представила все дело так, будто ее муж «всего лишь» произнес перед собравшимися речь, а когда события приобрели неуправляемый характер – был вынужден отправиться вместе с толпой на железнодорожный вокзал.

Там форлийские и съехавшиеся со всей Романьи социалисты застали эшелон с солдатами, отправлявшимися на войну. Толпа заставила военных покинуть вагоны, и только подоспевшим крупным силам полиции удалось восстановить порядок.

По другим сведениям, разогретые речью Муссолини демонстранты действительно начали портить колеи, причем не только железнодорожные, но и трамвайные, что было уже совсем глупо. В остальном все источники сходятся на том, что на какое-то время ситуация в городе действительно вышла из-под контроля властей. Муссолини мог быть доволен – ему вновь удалось овладеть толпой, а тот факт, что общенациональная забастовка провалилась, только оттенял его успех. Буржуазии и клерикалам удалось оболванить своей милитаристской пропагандой народ во всей Италии, но не в Романье и не в Форли, утверждал в своих статьях Муссолини.

Между тем власти, убедившиеся, что антивоенные настроения и близко не напоминают протесты против кампании в Эфиопии пятнадцатью годами ранее, решили взяться за «подстрекателя из Форли». Через несколько недель после этих бурных событий Муссолини арестовали вместе с несколькими другими «зачинщиками беспорядков». Его имя оказалось на устах у всей страны – о неистовом социалисте наконец-то услышали.

Возросшая известность и упроченная репутация радикального борца позволили Муссолини с легкостью пережить тяготы арестантской жизни. Он не слишком ценил итальянские тюрьмы, отдавая первенство в устройстве пенитенциарной службы австрийцам, но в целом условия содержания были достаточно умеренными. Как свидетельствует Ракели Муссолини, в ожидании вердикта суда ее муж даже сумел закончить перевод на французский язык небольшой научной статьи по фармацевтике.

Наконец, изучив обстоятельства дела, в ноябре 1911 года королевский суд оглашает свой приговор. Сколько же отмерил революционному борцу «суд капитала, суд империализма, классово-реакционный суд»? О, немало – целый год тюрьмы. В государстве, которое позже возглавит сам Муссолини, политические противники будут получать 20–30-летние сроки заключения, а уж меньше пяти лет фашистские судьи и вовсе назначать не станут. Но тогда оппозиционному социалисту повезло – его судил королевский, буржуазный суд.

Получив целый год тюрьмы «всего лишь» за призывы подрывать обороноспособность страны в военное время, Муссолини не сдаётся, подает апелляцию и добивается – расстрела? каторги? нет! – смягчения приговора! Фактически ему предстояло отсидеть чуть менее полугода.

В тюрьме он пишет свою первую и самую смелую (в смысле множества подробностей, настоящих или выдуманных) автобиографию. Эта история собственной жизни была написана 28-летним Муссолини с явным желанием поразить читателей. В ней очень много сугубо личного, в то время как теоретическая часть откровенно блекнет на фоне повествований о любовных победах. В результате как популярное чтение «Моя борьба» Гитлера проигрывает «Моей жизни» Муссолини по всем пунктам. В конце концов, какой еще политический деятель того периода отважился бы описать в своей книге, как он лишился девственности с проституткой?

А ведь к моменту выхода автобиографии Муссолини действительно стал «настоящим политиком».

В начале 1912 года Муссолини вышел на свободу с ореолом борца не на словах, а на деле. И снова он решительно включается в соревнование за звание социалиста номер один. Реагируя на разброд в стане итальянских социалистов, не знавших, как им относиться к королю, только что счастливо избежавшему смерти от руки убийцы-анархиста, Муссолини, годом ранее приветствовавший на страницах своего журнала убийцу российского премьера Столыпина и выражавший надежду, что следующей мишенью революционеров станет царь, занял самую непримиримую позицию. Не стоило социалистам чествовать монархию, заявил он, напоминая партийным товарищам о том, что революция – это будущее. А революцию, как известно, не делают в белых перчатках. «Простой каменщик стреляет в короля, – сказал тогда Муссолини, – этот случай показывает нам, социалистам, путь, по которому мы должны следовать». Вскоре за «примиренчество» из партии исключат немало видных ее деятелей, среди которых был Иваноэ Бономи, будущий премьер-министр антифашистской королевской Италии в 1944–1945 годах.

Известность Муссолини росла с каждым днем. Летом 1912 года он, вместе с перебравшейся в Италию Анжеликой Балабановой, начинает новую атаку на руководство Итальянской социалистической партии. На этот раз его ожидает успех. Когда на очередном съезде товарищей Муссолини в своей речи в пух и прах разносит «реформистские потуги» своих оппонентов, его под гром оваций тут же избирают в исполнительный комитет. Перемены в руководстве итальянских социалистов не остаются незамеченными в Европе. Из уютной Вены приходит приветствие от ленинской «Правды», одобряющей новый курс, взятый итальянскими социалистами – никаких компромиссов с национальной буржуазией!

...

Резко выросшая известность Муссолини и его новое положение в левом лагере привели к тому, что осенью 1912 года ему предложили возглавить *Avanti!* («Вперед!»), главную газету Итальянской социалистической партии. Несмотря на то, что издание существовало уже второй десяток лет, репутация у него была не из лучших, а тираж составлял немногим более десяти тысяч экземпляров. Но Муссолини охотно взялся за новую задачу – она вполне соответствовала его пристрастиям. Он всегда стремился взобраться на самую высокую площадку – статус редактора общенациональной газеты вполне таковой соответствовал.

Как и в Трентино, Муссолини делал ставку на массы, а не на «высокособых интеллектуалов». В общем-то, *Avanti!* и прежде не славилась качеством своих передовиц, но Муссолини беспокоило другое. Быстро избавившись от всех не согласных с новой редакторской политикой, он придал изданию характерные для него самого агрессивность содержания и простоту формы.

Как и прежде, эффект не заставил себя ждать – число подписчиков и покупателей *Avanti!* множилось день ото дня. Менее чем через два года после того, как Муссолини вступил в должность редактора газеты, ее месячный тираж достиг ста тысяч экземпляров. Это было несомненным достижением, хотя очень трудно провести линию между ростом популярности социалистов в Италии вообще и спросом на газету. На выборах 1913 года за социалистов отдали свои голоса более миллиона избирателей, обеспечив Итальянской социалистической партии 53 места в законодательной палате. Но Муссолини среди них не было – самым позорным образом он проиграл в Форли, не сумев попасть в парламент. Это разочарование стало для него еще одним камешком на могильный холм демократии и представительской формы правления. Недруги злорадствовали за спиной: один из руководителей итальянских социалистов, главный рупор левой печати – и такой провал. Делая хорошую мину при плохой игре, Муссолини выпускает ряд статей, нещадно бичующих лживость «буржуазной демократии». В отличие от других своих «принципиальных позиций» этому убеждению он не изменит никогда.

Что ж, неудача на общеитальянских выборах не помешала ему избраться в городской совет Милана – места, с которым Муссолини будет связывать очень многое. Улицы этого старинного итальянского города станут свидетелями как зарождения и укрепления фашизма, так и его падения... Но пока до этого было далеко – полный сил и уверенности в себе социалист Муссолини перебрался в Милан еще в конце 1912 года. Он жил один, без семьи, которую ему вполне заменяли любовницы – сотрудницы по редакции и соратницы по партии. Казалось, что будущее самого Муссолини было вполне определено, но хотел ли он сам такой предопределенности?

Успех в качестве редактора самой популярной в стране газеты левого толка, вхождение в высшее руководство Итальянской социалистической партии – все это, прежде бывшее недостижимым для провинциального журналиста, теперь казалось не столь уж значительным. Муссолини жаждал большего, по сути он хотел власти. А власть, считал «маленький вождь» социалистов, не получают – ее берут. Стать депутатом у него пока не вышло, но даже если бы и получилось – что с того? Монархия нескоро предложит социалистам места в правительстве, да и зачем ему эта буржуазная министерская чехарда, игра мелких самолюбий, возня в кротовой норе? Нужна полная смена прежней системы! Но где же революция? Только она сможет вознести его еще выше.

Постепенно он начинает разочаровываться в мечтах о «социалистической Италии». Да и как создать ее с этой партией неисправимых говорунов, с этой нацией? В те годы Муссолини постепенно начал позволять себе ставшие для него впоследствии характерными презрительные замечания о «не том народе». Наблюдая, как поначалу решительно настроенная толпа разбегается, приняв звук топота собственных ног за приближение правительственной кавалерии, он заклеил итальянцев «нацией трусов». На словах, патриотизм и прежде был для него пустым звуком (не считая двухлетнего пребывания в рядах армии), но теперь он разочаровался и в итальянском народе.

Спустя четверть века он будет повторять то же самое, но в намного худших обстоятельствах – горюя над осколками рухнувшей «новой Римской империи». Диктаторам всегда достается плохой, испорченный народ – иначе зачем тогда вообще нужна была бы диктатура? Гитлер тоже, после неудач 1942 года, будет сравнивать солдат Мировой войны со своими – не в пользу последних. Да и Сталин, который вообще много сделал для исправления «человеческого материала» в СССР, не раз позволит себе предельно критические высказывания в адрес «братьев и сестер». Вот и Муссолини уже тогда был крайне скуп на похвалу, но никогда не отказывался указать на недостатки или ошибки других. Только один человек никогда не становился мишенью для его критики – он сам.

...

События 1913 года дали Муссолини еще больше оснований сомневаться в скорой победе итальянского социализма. Все началось с недовольства канализацией (точнее, ее отсутствием) у жителей одного сельскохозяйственного района Центральной Италии. Демонстрация, призванная заставить муниципальные власти выделить средства, вылилась в потасовку с солдатами. Военные, не имевшие опыта в разгоне многочисленных толп, потеряли контроль над ситуацией и открыли огонь на поражение. Известие о двух десятках убитых и раненых быстро облетело всю страну. Армию и без того часто критиковали за стремление начинать пальбу без особой нужды, но этот случай был особенно вопиющим. Недовольными были все: оппозиция правительству слева кричала о «военщине, проливающей кровь бедняков», тогда как справа говорили о либерализме, доведшем до того, что солдатам приходится подменять полицию. Муссолини вместе с *Avanti!* конечно же, был в числе тех, кто оценивал случившееся как произвол со стороны властей. Это убийство по приказу короля – с мрачным удовольствием говорил он на страницах своей газеты, еще один пример, по мнению Муссолини, подтверждающий принципиальную невозможность сотрудничества между монархией и социалистами.

Между тем, пока общественность Италии обсуждала случившиеся события, произошло новое убийство. Желая отомстить «военным» за расстрел митингующих, молодой анархист зашел в кафе и выстрелил в армейского офицера. Стрелявшего арестовали, быстро признали сумасшедшим и поместили в больницу.

Левые негодовали. Была объявлена всеобщая забастовка, быстро переросшая в нескольких крупных городах в многочисленные нападения на чиновников, полицию и военных. Кое-где снова стреляли, и сам Муссолини отведаль полицейской дубинки во время демонстрации в Милане. Европейская пресса закричала о «красной неделе» в Италии, в то время как возглавившие протест социалисты говорили о вышедшем на улицу миллионе граждан. Вряд ли эта цифра была близка к истине – по мнению неангажированных наблюдателей, наибольший успех забастовка имела в столице и некоторых крупных городах. Для свержения монархии этого оказалось недостаточно, но итальянское правительство пало.

Однако в остальном итог для социалистов был неутешительным. Они не приблизились к своим целям ни на шаг. Те из них, кто отстаивал насильственные методы взятия власти (включая нашего героя), были обескуражены малыми жертвами с обеих сторон и отсутствием видимых результатов. Уход в отставку министров – не достижение, итальянские правительства и без того не отличались стабильностью. Зато прозвучали тревожные звончки с другой стороны – впервые за долгие годы массовым шествиям левых были противопоставлены не только полиция и войска, но и организованные консервативными политическими силами добровольцы. В некоторых случаях они применили насилие, без особых проблем разогнав протестующих. В будущем Муссолини использует такую же стратегию уличной политической борьбы, но тогда он был крайне разочарован.

Его партийные оппоненты, те, кто собирался повторить в Италии успехи немецких социал-демократов с их устойчивым положением в рейхстаге, имели еще больше поводов для печали – позиции радикалов в левом движении казались сильными как никогда.

События «красной недели» июня 1914 года были проанализированы Муссолини: он хорошо прочувствовал, какую силу в руках правительства представляли полиция и армия. И какими слабыми оказались методы борьбы, избранные руководством социалистов! А для Муссолини слабость всегда была чем-то постыдным. Итальянская социалистическая партия не проявила себя во время этих событий – слишком много, по мнению Муссолини, было ненужных колебаний, осторожности, даже трусости. Вместо того чтобы возглавить протестующих, социалисты занимались разговорами, без толку потеряв драгоценное время. С такой партией революции не сделаешь, пускай и будущее буржуазной итальянской монархии тоже не выглядело безоблачным.

Муссолини оценил, с какой нерешительностью либеральное правительство реагировало на выпады в свой адрес, как трусили министры, как неохотно применяли они силу. Эта видимая слабость – а иного объяснения такому поведению Муссолини не признавал – только усугубляла его чувство разочарования по отношению к социалистическому движению. У властей, заявил он, есть полиция и солдаты, но нет поддержки масс. За социалистами идет народ (тут, как и всегда, Муссолини выдавал желаемое за действительное), но он безоружен и обманут. Придя к власти, Муссолини сделает все, чтобы за ним были и солдаты, и массовая поддержка. А пока оставалось лишь крепить ряды «Второго Интернационала» – международному «движению рабочих» (т. е. социалистических партий) предстояло испытание Мировой войной.

...

Начало Первой мировой войны редактор *Avanti!* встретил, как и полагалось убежденному социалисту-интернационалисту. Муссолини надеялся, что социалисты остальных стран проявят себя как минимум с той же степенью «ответственности», что и их итальянские «товарищи» – то есть проголосуют против кредитов своим правительствам, призовут массы к протестам, а в общем – решительно выступят против войны.

Действительность разрушила все его ожидания. Европейские социалисты оказались неспособными к борьбе даже в той форме, на которую отваживались их итальянские коллеги. Во Франции, Германии или Австро-Венгрии никто не вступал в схватки с полицией, не устраивал забастовок, не повреждал железных дорог. Улицы европейских городов заполнили толпы, но это были толпы патриотично настроенных манифестантов.

Они распевали национальные гимны и громили не государственные учреждения, а посольства неприятельских стран или витрины «вражеских» магазинов. В Англии началась печально известная охота на такс – эту «немецкую породу» порой безжалостно забивали прямо на улицах. Как же – любимые собаки кайзера! Во Франции призывники опасались не успеть к главным боям и спорили, какой из корпусов их славной армии первым войдет в Берлин. В России разгромили немецкое посольство и запретили исполнять «немецкую музыку», впопыхах не сообразив, что одним махом упразднили большую часть классических произведений. Ответственность Германии и Австро-Венгрии сплотилась, чтобы противостоять «сербским террористам», «русскому варварству» и французскому реваншу. Страсти были накалены до такой степени, что одну американку, принятую добропорядочными немецкими фрау за жительницу «коварного Альбиона», буквально заплели в поезде.

В общем, настроения народов оказались далекими от умозрительных представлений социалистов – внезапно оказалось, что у «самого массового движения в истории человечества» не так уж много настоящих приверженцев. Ничего подобного протестам, охватившим Италию во время войны с Эфиопией в 1895–1896 годах или даже кампании против Османской империи в 1911–1912 годах, в Европе не наблюдалось.

Австрийские и немецкие «камрады» распевали песни, спеша на фронт в поездах. Но что взять с «простых людей», если большинство левых партий Европы с оговорками, но солидаризировалось с собственным правительством? Так поступили почти все – кроме совсем незначительных социалистических фракций вроде партийных групп Владимира Ленина или Карла Либкнехта. «Второй Интернационал» не смог ни предотвратить, ни остановить войну.

И без того изрядно разочаровавшийся в своих, домашних, социалистах Муссолини получил новый удар – теперь от Интернационала. До этих событий он, как и многие другие в Италии, мог утешаться тем, что где-то есть более последовательные социалисты, чем у него дома, – теперь же иллюзии развеялись. Более того, все чаще слышались голоса о том, что Италии следует вступить в войну, – и эти голоса звучали не только справа, но и слева!

Итальянские республиканцы, к которым все более дрейфовали остальные левые, настаивали на том, что развернувшаяся война – это хороший шанс для Италии. Шанс, который не повторялся с 1859–66 гг. – разбить, идя в тени могущественных союзников, ненавистную австрийскую монархию и наконец-то закрыть давний вопрос объединения всех итальянцев в одном государстве.

Сторонники вступления Италии в войну на стороне Антанты объединились под общим названием «интервентисты» – пожалуй, при той пестроте политических взглядов, что наблюдалась в их лагере, менее широкая платформа была невозможна. Взгляды этих людей на внешнюю политику страны во многом перекликались с позицией ирредентистов, хорошо знакомых Муссолини по Трентино. Война против Австро-Венгрии, убеждали интервентисты, это справедливая война с любых точек зрения. Националисты приветствовали «освобождение итальянских братьев из-под австрийского сапога», а социалисты могли успокоить свою совесть тем, что борьба с «реакционной» монархией Габсбургов была бы борьбой революционной. Все это, разумеется, было бесконечно далеким от истины, но в те месяцы мало кто задумывался об объективности.

А пока что правительство Италии объявило о своем нейтралитете, несмотря на тридцатилетний статус союзника Германии и Австро-Венгрии. Виктор Эммануил III своим королевским словом гарантировал австрийцам и немцам «благожелательный нейтралитет». Стало

очевидным, что итальянская дипломатия колеблется, желая примкнуть к победителю, но, в общем-то, решение не спешить со вступлением в войну было почти неизбежным. Воевать на стороне Центральных держав против Антанты Италия попросту не могла. Ее армия еще не оправилась от войны с турками, но главным было то, что выступать на стороне Австрии и Германии, в соответствии с прежними договоренностями, в Италии не желал почти никто, даже убежденные монархисты и клерикалы, чьи симпатии были на стороне католической Австрии и консервативной политической структуры Германской империи.

К тому же, несмотря на то, что к Франции у Италии было даже больше территориальных претензий, нежели к Австрии, французские кредиты сделали свое дело. Начиная с 90-х годов XIX века Париж не жалел денег и без особых проблем разрешал то и дело возникавшие во франко-итальянских отношениях напряженности финансовыми инвестициями, в то время как австрийцы полагались лишь на «союзническую лояльность». В то же время в Италии не без оснований считали Австрию более легкой целью, чем французов. Общественное мнение, помнившее о многочисленных и в основном неудачных военных кампаниях против Австрии в XIX веке, также было враждебно настроено против австрийцев.

А что же Муссолини? Он пока что не сдавался, не изменял своей совести настоящего социалиста. Пусть предадут другие, а он останется на идеологически выдержанных позициях. Вплоть до середины октября 1914 года *Avanti!* бичует милитаризм, требуя, чтобы Италия оставалась нейтральной. На фоне заполонивших газеты призывов поддержать «латинскую сестру» Францию, ставшую жертвой «тевтонской ярости», пресса социалистов звучала как голос разума.

Это была позиция Итальянской социалистической партии, инициировавшей в дни первой битвы на Марне большой социологический опрос, высокопарно названный референдумом. Как и ожидалось, большинство респондентов выступили против войны. В общем-то результаты «референдума» вполне соответствовали действительному положению дел. Подавляющее большинство итальянцев воевать на чьей бы то ни было стороне решительно не желали, но что им оставалось делать, если внешнюю политику определяло правительство короля, а улицы и пресса постепенно попадали под влияние демагогов и политиков, призывавших к «великому походу» на Вену? Или даже не походу, а легкой прогулке, почти что и не войне.

Муссолини ядовито прошелся по призывам солидаризоваться с французами и Антантой в целом. Франция, заявил он на одном из организованных противниками войны митинге, всегда предавала Италию – кто может поручиться, что эта война станет исключением? Почему мы должны маршировать в одном строю с авторитарным царским режимом, колониальной Англией и французскими капиталистами, жаждущими реванша над Германией?

И все же Муссолини «изменил делу социализма» буквально месяц спустя после того, как были произнесены эти слова. Разрыв с «товарищами», как показало время, был окончательным и бесповоротным, по крайней мере, в части интернационализма, который с тех пор стал для него предметом особой ненависти. Что заставило его так радикально поменять свою позицию?

Дело было в общественной атмосфере. По мостовым уже шагали первые «фашисты» (из организации *Fasci d'azione rivoluzionaria intervenista* – «Союз революционного вмешательства») – пока еще это были «республиканцы за революционную войну». Французские и английские деньги делали свое дело. Как уже говорилось, итальянская пресса, еще вчера превозносившая мудрость нейтралитета королевства, с удвоенной силой начала призывать объявить войну «тирании Франца-Иосифа». Многие из наиболее ярких деятелей левого лагеря уже перешли в лагерь сторонников войны.

Бороться за сохранение нейтралитета до конца были готовы убежденные социалисты и... буржуазия – как промышленные и финансовые тузы, так и представители мелкого и среднего бизнеса. В неприятии войны с «тевтонами» объединились либералы и клерикалы – первые хорошо сознавали всю хрупкость итальянской государственной машины, недостатки ее воору-

женных сил, общую экономическую и финансовую слабость королевства, а вторые не желали сражаться с католическим австрийским императором.

Итальянских промышленников и капиталистов с германскими государствами сближали общность экономических связей, нежелание наблюдать доминирование победоносной Российской империи на Балканах и в Восточном Средиземноморье, а Франции – в Европе и Африке. Стоит ли рисковать внутренней стабильностью Италии, задавались вопросом в таких кругах, ради националистического шума вокруг итальянцев Трентино? Которые, добавим, находились в намного лучших социально-экономических условиях по сравнению с «коренными итальянцами».

Как показало время, все эти опасения были справедливыми, но в последние месяцы уходящего 1914 года мало кто в Италии – да и во всей Европе – был готов прислушиваться к спокойным, выдержанным оценкам ситуации.

И Муссолини, при всем своем презрении опытного оратора и уличного вожака к настроению толпы, не мог не понимать, что общественное мнение начинает крениться, меняться в другую сторону. Как журналист, он очень хорошо ощутил, что на этот раз его газете противостоит не просто «лакействующая пресса» монархической и католической Италии, но еще и англо-французская дипломатия, подкрепляемая всей мощью своих стран.

Это были не «рахитичные» противники из итальянских правительств – за ними чувствовалась реальная сила. А Муссолини всегда хотел сражаться на стороне победителей. Он и в социализм-то пришел не столько от бедности или солидарности с убеждениями отца, но и просто потому, что в его родной провинции это было самым массовым политическим течением. И до начала Первой мировой войны Муссолини, как бы ни складывались его личные дела, всегда был с теми, кто считался людьми завтрашнего дня, людьми, которые были в центре общественного внимания и симпатий. Разве будущее не за социализмом? Муссолини верил в это – или убеждал себя, что верит.

Теперь эта вера в нем угасла. Она начала затухать еще раньше, но осенью 1914 – весной 1915 года ощущение невозможности противостоять происходящему овладевало всеми, кто был против вступления Италии в войну. Чувство фатализма, обреченности, охватывало социалистов. В одной из частных бесед того времени Муссолини так сформулирует эти ощущения: «Второй Интернационал умер». И в самом деле – настроения в Итальянской социалистической партии были похоронными.

Муссолини оказался прав. Социалистический «интернационал» впредь уже никогда не будет таким же авторитетным, единым и сильным органом, каким он, безусловно, являлся до 1914 года. Пожалуй, «божество социалистов» умерло тогда по-настоящему – все последующее, вроде большевистского Коминтерна, походило скорее на созданного из неживой материи и оживленного доктором Франкенштейном монстра.

Осенью 1914 года Муссолини продолжает выступать против участия Италии в войне, но делает это все более неуверенно. О своем тогдашнем смятенном состоянии духа он позднее напишет в одном из писем к Рафанелли: «Эта зараза (интервентизм. – Авт.) никого не минует, но я хочу продержаться до конца». Но до какого конца? Ближайшее будущее показало, что он не собирался становиться «гласом вопиющего в пустыне».

В середине октября Муссолини публикует статью с призывом пересмотреть довоенные теоретические представления: сокрушение-де австрийской и немецкой монархий – верный путь к социализму. Очевидно, что в этих мыслях не было ничего оригинального, ведь Муссолини попросту переложил на свой манер тезисы сторонников войны из левого лагеря, но особое возмущение у его товарищей по партии вызвало даже не это, а то, что главный редактор *Avanti!* поменял свою позицию буквально за считанные дни. Еще в прошлом выпуске главная газета социалистов бичевала противников итальянского нейтралитета, а теперь... Репутация

Муссолини как радикального социалиста делала ситуацию еще более щекотливой – просто отмахнуться от мнения такого человека социалисты не могли.

В руководстве партии начинается теоретический спор – каким образом поражение австрийцев и германцев, с их экономически и культурно развитыми государствами и крепким представительством социал-демократов в парламентах, приблизит победу социализма в Европе? Муссолини отчаянно пытался убедить своих товарищей, но поворот в сторону интервенционистов был слишком внезапным и решительным, чтобы его аргументы звучали хоть сколько-нибудь весомо. Вскоре абсолютно все в исполнительном комитете Итальянской социалистической партии стали склоняться к тому, что Муссолини вовсе не запутавшийся в теории социалист, а неудачливый предатель. Даже верная Балабанова и та выступила против него. В результате Муссолини теряет пост редактора партийной газеты и всякое влияние в партии.

Тогда, не порывая еще открыто с партийными товарищами, он пытается апеллировать к толпе и участвует в собраниях и митингах левых интервенционистов – в качестве социалиста, разумеется. Пока все это еще напоминало межфракционную борьбу – частое явление в социалистических движениях, но вскоре Муссолини совершает поступок, отделивший его от Итальянской социалистической партии навсегда. Спустя всего три недели после того, как он покинул должность редактора *Avanti!* выходит первый номер газеты *Il Popolo d'Italia* («Народ Италии»), наполненный статьями откровенно интервенционистского характера. Рядом с цитатами императора Наполеона I и радикального революционера Огюста Бланки красовались имя и фамилия главного редактора – Бенито Муссолини.

Разгорается неслыханный скандал – в Итальянской социалистической партии Муссолини открыто называют ренегатом, изменником, жалким наемником итальянского и англо-французского капитала. Особенно неистовствует Балабанова, ощущавшая себя вдвойне преданной.

Через девять дней после выхода первого номера новой газеты Муссолини с позором изгоняют из партии на большом собрании, состоявшемся в одном из миланских театров. Выглядевший довольно жалко, он снова пытается убедить бывших товарищей согласиться со своей позицией – но все напрасно. Под улюлюканье, забрасываемый монетками, один из лидеров Итальянской социалистической партии покидает зал под крики «Иуда!», растерянно заявив напоследок, что был и навсегда останется социалистом.

Это абсолютно ненужное обязательство свидетельствует о том, в каком угнетенном состоянии находился он тогда. Минутная слабость стоила Муссолини обвинений в лицемерии, продолжавшихся до последнего дня его жизни. Между тем это заявление явно не было частью «игры предателя» – в конце концов, разве не социалистом он объявлял себя еще со школьной скамьи? Воспользоваться удобным моментом и порвать с прежними соратниками Муссолини тогда не смог – пожалуй, это свидетельствует либо о неловкости, либо о необычной для профессионального политика эмоциональной уязвимости.

По всей видимости, он действительно страдал тогда – его ранило презрение тех, кто сохранил верность своим убеждениям. Несвязную тихую речь на собрании дополнял и соответствующий внешний вид – щетина на лице, неряшливость в одежде, удивительная бледность. Когда Муссолини, ссутулившись, выходил из театра, могло показаться, что он уходит в никуда.

Но пройдет совсем немного времени, и те, кто рассчитывал, что без социализма Муссолини – ничто, будут посрамлены. Несмотря на сильный удар, нанесенный ему исключением, Муссолини быстро пришел в себя. Что ж, раз соратники отвергли его – тем хуже для них! «Пока у меня есть карандаш в руке и револьвер в кармане, я не боюсь никого», – скажет он вскоре после исключения из партии. И вот в *Il Popolo d'Italia* он, причислявший себя к левой и социалистической печати, начинает настоящую войну с Итальянской социалистической партией. До требования запретить ее еще было далеко, но уже в 1914 году Муссолини возвращает своим прежним соратникам обвинение в предательстве – это-де они изменили и Италии, и

социализму, продавшись немецкому и австро-венгерскому императорам. Но где же Муссолини брал на свою новую газету деньги?

«Лучшее перо» социалистической журналистики купили интервенционисты – представители связанного с французами капитала и промышленности. Начали поступать средства и от руководства страны, все более склонявшегося к объявлению войны австрийцам. Впоследствии Муссолини будут спонсировать правительства Франции и Англии – деньги перечислялись из бюджетных кошельков союзников прямо в карман бывшего социалиста. Ходили слухи и о том, что Муссолини давали деньги и русские, но это, по всей видимости, миф. В тот период российская дипломатия не приветствовала вступление Италии в войну, нерасчетливо полагая, что с Центральными державами и так будет вскоре покончено – зачем же делиться с новым союзником? Тем не менее от своих клерикальных оппонентов редактор *Il Popolo d'Italia* получил обидное прозвище Муссолинов.

В любом случае, тогда он впервые получил доступ к действительно большим суммам. Отбросив прежнюю аскетичную «этику настоящего социалиста», Муссолини начинает дорого одеваться, посещает лучшие рестораны Милана – деньги явно пошли ему на пользу. И только провинциальный вкус мешал Муссолини выглядеть по-настоящему элегантно.

Но не стоит думать, что в основе его тогдашних действий лежала одна только корысть. Как уже говорилось, Муссолини почувствовал изменения в обществе, интуитивно осознав, что с лозунгами интернационализма в Италии популярности не удержать. Активная часть общества отвергла его, что же до пассивного большинства, вовсе не желавшего воевать, – он презирал это большинство уже тогда. Демократия и социализм, заявил как-то Муссолини, не имеют между собой ничего общего.

Так что *Il Popolo d'Italia* преспокойно выбивал военную дробь, в каждом номере призывая покончить с немцами, этими «европейскими пиратами», и австрийской «тюрьмой народов». И если в первых выпусках своей газеты Муссолини придерживался тезиса о «революционной войне», то с начала 1915 года риторика его статей заметно изменилась. Теперь речь пошла о «миссии Италии» на Балканах, ее ключевой (но не признаваемой пока за таковую) роли на Средиземном море и о наследстве Османской империи, часть которого должна была обязательно достаться итальянцам. Все это мало походило на «скромные» первоначальные цели «освобождения» итальянцев из-под власти Габсбургов.

Пропагандистская военная кампания в Италии усиливалась день ото дня. Муссолини, возглавивший часть левых сил, поддерживавших объявление войны Вене, был одним из ее дирижеров. Он не упускал ни единой возможности, чтобы еще раз призвать к войне с «тевтонами». Италии стыдно оставаться нейтральной в то время, как Сербия истекает кровью в когтях австрийского орла!

Муссолини обрушился на парламент и Ватикан – депутаты, купленные итальянской буржуазией и обманутые немецкими социал-демократами, трусят и позорят тем всю нацию. Из Рима Папа призывает к миру, но какой может быть мир с «убийцами бельгийских детей»? Если король не поведет нас на битву с немцами – мы выйдем на улицы и свергнем монархию, открыто угрожал Муссолини. Его слушатели, значительная часть которых состояла из республиканцев, могли лишь приветствовать такие слова. О Муссолини заговорили даже в далекой России – газета «Новое время» писала 20 марта 1915 года:

«Вчера в Милане была устроена грандиозная демонстрация в пользу войны; несколько тысяч сторонников вмешательства Италии собрались на Соборной площади во главе с республиканским депутатом Киеза и редактором стоящей за вмешательство газеты «*Popolo d'Italia*» Муссолини. В своем обращении к собравшимся Муссолини приглашал их принести торжественную клятву у подножья памятника Гарибальди в том, что либо Италия объявит войну, либо произойдет революция. Братья Гарибальди были встречены восторженной овацией.

Неожиданно манифестанты подверглись нападению вооруженных социалистов-нейтраллистов; во время происшедшего побоища 30 человек были ранены ударами палок и камнями. Нейтраллисты были вынуждены обратиться в бегство. Манифестация продолжалась, однако, еще долго. Манифестанты устроили шествие, которое прошло по главным улицам города с криками: «Долой Германию и Австрию! Да здравствует война! Да здравствует Италия!» В магазине Круппа были выбиты окна. В щит на здании турецкого консульства бросали камни. Здания редакций социалистических и нейтраллистских газет охранялись военной стражей. Перед редакциями газет «Secolo» и «Popolo d'Italia» толпа произвела сочувственную демонстрацию. В течение вечера было произведено 150 арестов».

К маю 1915 года масштаб акций интервенционистов говорил сам за себя – им удавалось выводить на улицы десятки и даже сотни тысяч сторонников. И все же, как это признавал сам Муссолини, большинство итальянцев продолжали относиться к участию их страны в Мировой войне крайне отрицательно. Презиравший и демократию, и ее парламентские институты Муссолини требовал «сильного решения» – власти должны были навязать его нации. В будущем, когда он станет диктатором, такие «сильные решения» станут неотъемлемой частью как образа вождя, так и всего фашистского режима в целом. Они же и приведут этот режим к краху.

Глава вторая

Против кайзера и социалистов (1915–1922)

Муссолини отправляется на фронт. Ранение и демобилизация. Кампания против «внутреннего врага». Окончание войны и итальянский кризис. Создание «национального движения», ожесточенная уличная борьба с левыми и политические интриги. «Марш на Рим».

Муссолини и другие интервенционисты, так беспокоящиеся о том, чтобы Италия не упустила своего шанса удачно вступить в Мировую войну, могли бы и не волноваться. Виктор Эммануил III и его правительство не собирались придерживаться нейтралитета слишком долго, вопрос заключался только в цене, которую готовы были заплатить военные блоки, участвовавшие в Первой мировой войне, за поддержку или нейтралитет Италии. И покуда Вена, под давлением Берлина, скрепя сердце, обещала передать итальянцам ту самую область Трентино, где когда-то так блестяще сражался с клерикализмом молодой социалист Муссолини, щедрые за чужой счет союзники предложили намного больше.

Они вообще не жалели территорий неприятеля – эти мирные, «неимпериалистические» державы Антанты. Соблазненная посулами территориальных приращений на Балканах, Средиземном море и в Африке, Италия с весны 1915 года готовилась выступить против своего «вековечного врага». Ко всеобщему удовольствию в стане союзников, итальянцы не особенно озабочивались тем, что значительная часть их будущих приобретений уже была обещана «героической Сербии». Немногим позже столь же двусмысленные посулы Лондона и Парижа распространятся и на Грецию. Подобного рода договоренности обещали большие проблемы к моменту завершения войны, но все это было еще сокрыто в тумане будущего, а пока итальянцы стремительно развертывали свою армию, намереваясь разить врага прямо в сердце – на Триест! на Вену! Мало кто – и меньше всего «патриоты» – отдавали себе отчет в истинной боеспособности итальянских войск, их подготовленности к такому гигантскому конфликту, как Первая мировая война. Вчерашние аутсайдеры – солдаты, набираемые, по всеобщему мнению, из «самых глупых сыновей», – теперь стали объектом надежд всей нации.

Дело быстро шло к развязке. Полицейские на улицах еще от души дубасили демонстрантов, сторонников войны (при разгоне одного из митингов досталось дубинкой и Муссолини, проведенному в кутузке восемь часов), а итальянский Генштаб уже подбирал породистого рысака для парадного въезда короля Виктора Эммануила III в австрийскую столицу.

23 мая 1915 года Итальянское королевство вступило в войну – Виктор Эммануил наконец-то принял «сильное решение», на которое так рассчитывал Муссолини. Австро-Венгрии война была объявлена без каких-либо консультаций с парламентом, словно речь шла о пустяках, при этом Италия не разорвала дипломатические отношения с Германией – это странное состояние мира между двумя державами продлится до 1916 года. Премьер-министр Антонио Саландра почти открыто заявлял о полученных в Лондоне обещаниях – «сделка» состоялась.

А что же наш герой? Спешит ли он в первых рядах добровольцев, чтобы горячей южной кровью смести австрийскую плотину? Где Муссолини? О, он все еще пишет статьи! Как? Бои идут месяц, другой, затем третий, а пламенный сторонник интервенционистов воюет за письменным столом? Социалисты злобно насмеялись, а бывшая возлюбленная и партийный товарищ Балабанова откровенно заявила о трусости этого «Иуды социализма». Неужели Бенито и вправду испугался метких тирольских стрелков «венского преступника» Франца-Иосифа? Конечно нет! По крайней мере, так утверждал сам Муссолини.

Он справедливо ссылаясь на то, что речь шла о целесообразности: итальянская военная машина начинала свои обороты с известным скрипом, от добровольцев – как это всегда бывает в начале войны – не было отбоя, а потому его попросили подождать... Да и зачем терять такое

бойкое перо? Пусть этот журналист еще немного потрубит в военный рог – решили итальянские власти.

И Муссолини терпеливо ждал августа 1915 года, когда его наконец-то призвали в ряды королевской армии, где он вновь надел красивую берсальерскую форму.

«Сапоги к лицу Муссолини», – насмешливо бросит Черчилль много лет спустя, и будет прав. Хотя «великого итальянца», несмотря на его увлечение такими историческими персонажами, как Цезарь и Наполеон, никак нельзя было назвать полководцем, в мундире он действительно смотрелся недурно. Для сравнения достаточно посмотреть на Муссолини в гражданской одежде – почти всегда неряшливо одетый, часто он выглядел попросту комично, в то время как в форме – хоть сейчас на плакат. На самом деле из Бенито вряд ли получился бы хороший солдат, для этого он был слишком политиком. Скорее всего, в армии его привлекали строгая дисциплина, однозначность воли (то есть приказа) и отсутствие утомительных дискуссий, столь часто отравляющих политическую деятельность, а уж среди социалистов – тем более.

А в 1915 году Муссолини предстояло убедиться в справедливости слов, приписываемых древнегреческому поэту Пиндару: «Война сладка для тех, кто никогда ее не пробовал». Он быстро понял, что предвоенные мечты о легкой прогулке к Вене оказались беспочвенными.

Как известно, большую часть войны итальянцы тщетно пытались прорвать позиции австро-венгерской армии и для начала занять Триест. Покуда флот претерпевал различные, в том числе обидные, поражения от подлодок венского кайзера, солдаты Италии храбро устремились в атаку, начиная первое, второе, третье... и одиннадцатое сражения на реке Изонцо. В последнем им наконец-то хоть немного улыбнулась удача, но Муссолини не смог разделить этого успеха вместе с боевыми друзьями. Получив в 1916 году звание капрала, он в сражении не участвовал, выбыв из строя по ранению в феврале 1917-го.

Ранение обернулось для Муссолини большой удачей, ведь после одиннадцатого сражения для итальянской армии, говоря образно, пробил двенадцатый час. Опасаясь следующих атак противника, австрийцы привлекли на итальянский фронт германские войска, и в октябре 1917 года произошла битва при Капоретто, чуть было не поставившая крест на участии Италии в войне.

В этом смысле капралу-редактору следовало поблагодарить судьбу, ведь, будь он в это время на фронте, вероятнее всего, его ждала бы незавидная (с точки зрения политического будущего дуче фашизма) перспектива разделить плен вместе с сотнями тысяч других итальянских солдат. Но судьба пока хранила своего избранника. Зато в годы «фашистской эры» пропагандисты, не смущаясь, напишут, что именно ранение капрала Муссолини стало одной из важнейших причин поражений Италии в 1917 году.

Каким же он был солдатом? Несмотря на мифы с обеих сторон, есть основания утверждать, что Муссолини был «настоящим воякой» и надежным боевым товарищем. Будучи, в отличие от большинства своих сослуживцев, идеологически мотивированным, он попросту не мог позволить себе потерять лицо и вел себя достойно, как того и ожидали.

Прибыв в полк, он отклонил заманчивую перспективу строчить патриотические листовки в штабе и безо всяких наружных колебаний отправился в окопы на передовую. О прошлом Муссолини-политика напоминал лишь «Дневник солдата», который регулярно выходил на страницах его газеты.

В целом же сослуживцы воспринимали Муссолини как «своего», а это говорит о многом. В тесном мире военного быта – как в деревне: почти невозможно скрыть свое истинное «я». Если бы Муссолини только «играл» в храброго солдата, его быстро бы раскусили, но ничего подобного не случилось – рядовые считали его «славным парнем», офицеры – исполнительным и надежным подчиненным. Он вел себя как подобает. Впрочем, к ефрейтору Гитлеру у его командиров тоже претензий не было.

Между тем шли месяцы, а до Вены было все так же далеко. Как уже упоминалось, в начале 1917-го капрал Муссолини выбыл из строя – и, как оказалось, навсегда, то есть до конца текущей войны.

Интересно, что Муссолини был ранен итальянским оружием – во время испытания нового миномета металл не выдержал, и орудие разорвало на части. В «фашистскую эру» миномет патриотично «переделают» в австрийскую гаубицу, а число погибших и пострадавших значительно сократят, чем выгодно подчеркнут героизм дуче, но до прихода к власти он рассказывал о своем ранении так, – «Это случилось во время бомбардировки вражеских траншей в секторе 144 – секторе Карсо – под оглушительным градом снарядов. Именно там и случилось со мной то, что случается в траншеях все время. Одна из наших собственных гранат упала на двадцать наших солдат. Нас накрыло грязью, дымом и рваным металлом. Четверо погибло. Остальные были тяжело ранены».

Муссолини, вместе с другими солдатами, незамедлительно доставили в армейский госпиталь, где он... отказался от наркоза. Зачем? Да чтобы врачи не напутали и не отрезали ему ногу. Хотя трудно поверить в то, чтобы капрал заставил врача плясать под свою дудку и, скорее всего, обезболивающих попросту не хватало, его ранение действительно было тяжелым, —

«Я был доставлен в больницу Рончи, находившуюся в нескольких милях от вражеских траншей. Доктор и другие хирурги заботились обо мне с величайшим усердием. Мои раны были серьезными. Только благодаря терпению и таланту врачей из меня смогли достать 44 четыре обломка гранаты. Плоть была разорвана, кости сломаны. Это была чудовищная боль; мои страдания были неизмеримы. Практически все операции проходили без обезболивающих. Двадцать семь операций в течение одного месяца; все, кроме двух, были без наркоза».

Ему и в самом деле досталось тогда очень сильно, да и какая, в сущности, разница – свой это был миномет или чужая гаубица? Так или иначе, но шла война, и нашему герою впервые пришлось ощутить на себе все ее тяготы. Муссолини часто приходилось мерзнуть, питался он скудно, переболел тифом, был легко ранен осколками и острыми камнями, собиравшими не меньшую жатву, нежели снаряды, мины и пули. И на больничной койке капрал стойко переносил все страдания – его не отвлекал даже артиллерийский обстрел перевязочного пункта, по которому якобы палили австрийцы, желавшие покончить со своим злейшим врагом Муссолини. Так, по крайней мере, он с гордостью рассказывал впоследствии.

Чуть позже, уже в тыловом госпитале, Муссолини (прямо как в той швейцарской истории с Лениным) то ли встретился, то ли не встретился с королем Виктором Эммануилом. Последний, навещая своих храбрых солдат, вроде бы даже обменялся несколькими общими фразами с раненым берсальером... Оба участника гипотетической встречи предпочитали об этом впоследствии не распространяться. Король, видимо, мог и не запомнить «памятного свидания» со своим будущим премьером (или, наоборот, утаить это), а вот Муссолини либо решил об этом не вспоминать, либо вспоминать было просто нечего. Хотя и кажется странным, что в период утомительно долгого выздоровления в госпитале капралу не запомнился визит монарха. Зато Муссолини частенько навещали коллеги из *Il Popolo d'Italia* и поклонники его журналистского пера.

Лечение затянулось на полгода, а так как полностью оправиться от ранений наш герой не смог, то был демобилизован летом 1917 года. На костылях (понятная для итальянца любовь к внешним эффектам) и в златанной армейской форме появился он на пороге своей редакции в Милане. Война для него закончилась.

...

Вернувшись с фронта, Муссолини немедленно принимается за работу редактора и публициста: ему было о чем написать. Лето 1917-го – какое это время! К Антанте присоединились такие великие державы, как США и Китай, «отсталая монархическая Россия» стала демократической республикой, а «силы реакции» (то есть Центральные державы) оборонялись по всем

фронтам. И только крайние социалисты, монархисты да клерикалы мешали полному единению итальянцев в борьбе с врагом.

Муссолини еще валялся на больничной койке, а ненавидящая его Балабанова уже покинула Италию, чтобы вместе с Лениным отправиться через Германию в «свободную Россию». Но левое движение в Италии это не ослабило – напротив, в эти месяцы оно начало набирать обороты.

Муссолини, возвратившемуся в редакторский кабинет *Il Popolo d'Italia*, пришлось бороться не только с «предательским пацифизмом», но и с падением популярности собственного издания. Без его твердой руки газета во многом утратила свои позиции – да и «ура-патриотические» лозунги в Италии значительно обесценились. Сказывалась усталость нации после двух лет безуспешной и кровопролитной войны. Летом 1917 года в Турине произошло жестокое столкновение между толпой, громящей продуктовые магазины, и срочно вызванными в город армейскими частями. Хаос на улицах Турина продолжался меньше недели, но он отчетливо продемонстрировал, насколько хрупким стал «гражданский мир» в стране. В итальянском парламенте депутат-социалист открыто призвал закончить войну, выбросив лозунг «Нет третьей зиме в окопах». «Патриотические силы» назвали это предательством, но утомление нации от военных испытаний было очевидным.

Между тем Муссолини отвергал переговоры с врагом с той же решимостью, с какой когда-то призывал выкинуть на помойку «национальную тряпку» – флаг. Война до полного сокрушения «германизма» – таким был общий смысл его статей в это время. Любые намеки на мир, не приводящий к уничтожению Центральных держав, Муссолини презрительно называл «миром по-гинденбургски», по имени нового начальника германского Генерального штаба и фактического руководителя военных усилий противников Антанты Пауля фон Гинденбурга.

Социалисты теперь получали от Муссолини сполна – раньше он только принимал удары, сейчас же наносил их сам. Именно социалисты, вопил его *Il Popolo d'Italia*, виноваты в том, что Италия не одержала еще победы. Они, а также гнилая итальянская буржуазия, капиталисты и иностранцы, подданные враждебных стране императоров. Это было время нового витка повальной шпиономании в странах Антанты, и призыв Муссолини был услышан.

Именно тогда поражение в правах и интернирование находившихся в Италии австро-венгерских граждан решило проблему с предполагаемым двоеженством Муссолини, разом выведя из игры одну из самых обременительных его любовниц – Иду Дальзер. Это стало возможным благодаря пропагандистской кампании, одним из ярких участников которой и выступал редактор *Il Popolo d'Italia*.

В Милане Муссолини продолжал заниматься тем же, чем и до отправления на фронт: разжиганием боевого духа итальянского народа, дотированным французским и собственным правительством. Время от времени помогали и англичане, но было бы неправильным утверждать, что одна лишь материальная помощь полностью определяла позицию Муссолини – совсем нет. Он был искренен в своем желании «вмешаться в драку в нужное время», ради конкретных целей – и поступил точно так же в 1940 году. Деньги от французов и англичан были нужны, но... в той же мере, что и германская финансовая помощь российским социалистам. Деньги были средством, а не мотивом.

Зато о самом социализме уже речи не шло – Муссолини отказался от него с той же решительностью, что и от интернационализма. Исчезло даже напоминание о том, что «*Il Popolo d'Italia*» – это социалистическая газета. Благодаря этим переменам главный редактор Муссолини начал получать все большую финансовую поддержку от итальянских промышленников и капиталистов, напуганных растущим недовольством в стране. Упавший между 1915–1917 годами тираж вырос до 60 тысяч экземпляров, газета выходила ежедневно, кроме понедельника.

Между тем, кровопролитные наступления под предводительством безжалостного генерала Луиджи Кадорна постепенно довели итальянскую армию до предела ее выносливости. В октябре 1917 года на фронте разразилась катастрофа – германские и австро-венгерские войска начали битву при Капоретто. Очень скоро около 300 тысяч итальянских солдат окажутся во вражеском плену, еще большее их число разбежится и дезертирует. Будущий «спаситель Ливии», фельдмаршал, а пока еще капитан Роммель со своей ротой брал итальянских солдат в плен целыми полками: они маршировали под белыми флагами, крича: «Да здравствует Австрия!» В Италии царил настоящая паника. Главнокомандующий Кадорна был с позором отправлен в отставку – его знаменитый отец когда-то завоевал для королевства Рим, теперь же генерала обвиняли в случившемся разгроме. Муссолини не был среди тех, кто поносил павшего кумира, – он симпатизировал Кадорна, ему импонировала свирепая решительность, с которой тот вновь и вновь посылал свои дивизии в атаку. Но в те дни итальянские солдаты уже предпочитали сдаваться в плен.

В Италии потеряли всякую веру в стойкость армии, не успокоило общественность и прибытие дюжины англо-французских дивизий – казалось, что еще немного, и повторится «национальный погром» 1848–49 гг.

Однако до этого было еще далеко, да и немцы не собирались маршировать на Рим или Милан, а всего лишь спасали своего австрийского союзника превентивным наступлением с крайне ограниченными целями. Можно лишь рассуждать о том, приблизила бы оккупация всей или значительной части Италии конец войны – с одной стороны, ключ к победе над Антантой лежал не в Риме, да и вряд ли фронт, пролегающий в Альпах (вкуче с необходимостью кормить оккупированные итальянские области), так уж сильно помог бы немцам. Но, с другой стороны, победа есть победа, и очень многие в Германии и Австрии радовались тому, что «итальянское предательство» было отмщено «позором Капоретто».

Муссолини неистовствовал: его национальная и солдатская честь были задеты жесточайшим образом. И кем? Этими «тевтонскими свиньями» – немцами и австрийцами! О, если бы в тот момент нашелся провидец, который рассказал бы ему о будущих перипетиях международной политики... но такого провидца не сыскалось, да и лучший друг Франции и Англии в подобные прогнозы все равно не поверил бы. В те годы Муссолини искренне ненавидел немцев и презирал оставшихся дома социалистов и дезертиров, запятнавших свои мундиры позорным бегством.

Нужен диктатор, требовал он, диктатор – как в Древнем Риме! Как Керенский в России или Клемансо во Франции! Как Вильсон в США, как Ллойд Джордж в Великобритании – поразительно, что с течением войны «демократии» приобретали все более авторитарный характер, тогда как «реакционные» (и конституционные) монархии Германии и Австрии продолжали расширять свою «избирательную базу». «Демократизация» им ничуть не помогла, но еще раньше она вывела из числа воюющих держав Россию.

Подкошенная Февральской революцией, развалом армии и тыла, российская армия совершенно не в состоянии была удерживать фронт далее. Ее солдаты, утратившие всякое подобие дисциплины, целыми дивизиями и корпусами разбежались перед третьеразрядными германскими дивизиями. Разгром российской армии стал триумфом для немецкого командования и химического оружия. Муссолини заклеил «слабость русских» – они не только предали союзников, но и охотно подставили шею для нового ярма, заменив царя на Ленина. Человек, когда-то приветствовавший российских революционеров, писал о «примитивном азиатском народе», власть над которым захватили агенты Германии – большевики. Их вождь Ленин, швейцарское знакомство с которым Муссолини теперь гневно отрицал, являлся для него предателем и «соломенным пугалом». Был «отставлен» и немец Маркс, чьи теории получили насмешливую характеристику «груды руин».

Муссолини назвал Октябрьский переворот «победой еврейско-германского социализма», охотно свалив в кучу все наиболее ему неприятное. «Германскость» он ненавидел, памятуя свое голодное и жалкое швейцарское прошлое, социалистов презирал как ренегат, что касается евреев – разве они не лучшие друзья кайзера? И разве не они составляют верхушку «красных» от Москвы до Берлина? Они протянули свои щупальца повсюду, работая в одной обойме со зловещим прусским Генеральным штабом. Массивная фигура фон Гинденбурга, к которой тянулись нити еврейского социализма, – такой была живописуемая им тогда картина. Даже клерикалы и пацифисты, даже Папа Римский – и те были лучше, чем эти подлые предатели. Муссолини возмущало военное поражение России, по его словам, ставшее следствием прихода тамошних левых к власти.

Позже, после того как его газету начнут финансировать несколько патриотично настроенных еврейских банкиров, он несколько дезавуирует антиеврейскую часть своих выпадов, но в 30-е годы вновь станет ссылаться на свои давние антисемитские взгляды, зародившиеся, как он утверждал, именно в годы Первой мировой.

Ну а пока Муссолини призывал к беспощадной войне. До выхода книги генерала Джулио Дуэ «Господство в воздухе» было еще несколько лет, но Муссолини, подхватывая популяризируемые им идеи «воздушного террора», уже в 1917 году потребовал отправить сотни бомбардировщиков на немецкие и австрийские города и стереть их с лица земли.

Немцы должны понять, писал Муссолини, что они встретят у стен Милана такой же отпор, что и в XII веке, когда город осаждало войско императора Священной Римской империи Фридриха I Гогенштауфена (известного во всем мире как Барбаросса – «рыжебородый» на итальянском). Разумеется, о том, что Барбаросса Милан все-таки захватил, автор статьи предпочел не упоминать.

...

Весенне-летнее наступление немецких дивизий на Западном фронте не привело Германию к победе в 1918 году и не приблизило наступление мира. В августе для немецких армий пришло время «отлива» – войска Антанты наступали на всех фронтах. Не упустили своего и итальянцы.

Подкрепляемые несколькими англо-французскими и одной американской дивизией, они атаковали австрийские позиции. Первые несколько дней казалось, что эта операция будет развиваться по привычному для итальянской армии сценарию, но тут наследникам древних римлян очень повезло: в решающий момент большая (и не немецкая) часть армии австро-венгерского императора Карла восстала против продолжения войны и пошла домой, покинув окопы и бросив оружие. Вена запросила перемирия, но, пока шло техническое обсуждение его условий, итальянцы согнали в кучу несколько сотен тысяч императорских солдат, пленили их и объявили все это своей «великой победой при Витторио-Венето».

Муссолини и его единомышленники торжествовали. Не важно, что безвозвратные потери итальянцев были даже выше вражеских, – это была самая грандиозная, умопомрачительная, невероятная победа из всех! Потрясающе – и пусть будет стыдно теперь тем, кто не верил в армию. Теперь же, когда враги повержены, настало время платить по счетам. Почти 700 тысяч убитых солдат, еще сотня тысяч погибших мирных жителей, полтора миллиона раненых – Антанта обязана оценить этот вклад Италии в общую победу. Будущие приобретения должны соответствовать сыгранной ею в Мировой войне роли.

И действительно, на мирной конференции Италия вошла в так называемую «Большую четверку», наряду с англо-французами и США. Но остальные союзники относились к ней без особого почтения, особенно теперь, когда война закончилась. Никто не верил в самую «выдающуюся победу» за время Мировой войны. По какому праву, саркастически спрашивал премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж, Италия требует себе новых территорий? Она что – потерпела еще одно поражение?

Другие британцы были еще жестче, – «Их непрофессионализм и тщеславие чрезвычайны, – охарактеризовал поведение итальянской делегации в Париже, британский дипломат и администратор Чарльз Хардиндж, – они самые отвратительные из всех коллег и союзников на этой конференции, европейские попрошайки, у которых скулеж чередуется с заносчивостью».

Французы тоже отнеслись к Италии со всегдашним презрением. «Скулеж попрошаек» перемежался у итальянцев с «заносчивостью грандов» – и действительно, поведение представителей Рима в Версале было попросту жалким. Они то демонстративно покидали конференцию, то, видя безразличие остальных, возвращались, пытаясь соорудить хорошую мину при плохой игре. Удивительная для «нации дипломатов» неловкость. Но самое неприятное было еще впереди – ознакомившись с условиями будущего мира, итальянская общественность устроила форменную истерику, почище немецкой. И было от чего.

Американцы, в лице своего президента Вудро Вильсона, отказались поддерживать итальянские притязания на Балканах и Средиземноморье, а англо-французы, столь усиленно обхаживающие Италию до войны, сейчас предлагали ей... ровно столько же, сколько австрийский император прежде, но за нейтралитет. Это стало болезненным ударом для итальянских патриотов. На городских площадях демонстративно сжигались портреты американского президента, но итальянское правительство вынуждено было смириться с решениями, принятыми в Версале.

Нацию охватило возмущение. Муссолини – тоже. Выходит, что социалисты, «паписты» и прочие сомневающиеся были правы, а он, Муссолини, и его сторонники – оказались в дураках? Именно так стали считать тогда: по всей стране приходили известия об избиениях возвращавшихся с фронта солдат и офицеров, насмешках над ними. «Мерзавцы», не пожелавшие сражаться за Триест или Албанию, теперь кричали искалеченным ветеранам пятого или седьмого сражения на Изонцо: «Много ты навоевал, дурак?» Людей с боевыми орденами вытаскивали из трамваев и трактиров, высмеивали и публично оскорбляли. Военное министерство вынуждено было издать унижительное распоряжение – офицерам, не находившимся на службе, было приказано выходить на улицу в гражданской одежде.

Вернувшиеся из армии солдаты обнаруживали свои семейные хозяйства в запустении, в городе невозможно было найти работу, а цены на продукты выросли вместе с квартирной платой. Привыкшие к простым и быстрым решениям вчерашние фронтовики оказались не готовы к тяготам мирного времени.

Расстроены, смущены были и все остальные. Италия ощущала себя не победительницей, а потерпевшим поражение государством – армия так и не оправилась от «побед» предыдущих лет, финансы и экономика страны лежали в руинах, а социальная и политическая стабильность окончательно стали достоянием прошлого. Парадоксально, но заключение мира лишь ослабило страну – прекратилась финансовая и материальная поддержка от союзников, что немедленно привело к нехватке продовольствия. И вновь Муссолини очень точно уловил «настроение нации». У нас украли победу, присоединяется он к общему хору разочарованных Версалем, – а виноваты в этом англо-французы и внутренняя слабость королевства. Покуда политики искали ответы, редактор и журналист Муссолини принялся действовать. Выродившееся «либеральное» государство не способно защитить страну, но он создаст новую, подлинно национальную Италию!

23 марта 1919 года на миланской площади Сан-Сеполькро состоялся митинг, участие в котором приняло около пятидесяти человек. Организатор этого мероприятия Муссолини объявил о создании «Итальянского союза борьбы» («Fasci italiani di combattimento»), преемника довоенного «Союза революционного действия». Так в зале клуба «Промышленно-коммерческого союза» родился «настоящий фашизм» – через два года «Союз борьбы» преобразуется в «Национальную фашистскую партию» («Partito Nazionale Fascista»).

Но тогда, в 1919-м, мало кто мог предвидеть путь, по которому пойдет очередной «союз». Не знал этого и сам Муссолини, не представивший собравшимся четкой программы. Впрочем, это вполне отвечало его суеверному фатализму и политическому оппортунизму – вплоть до начала 30-х годов у фашизма не будет сколько-нибудь отчетливо сформулированной теоретической базы, всё будет сводиться к цитате дуче о том, что «фашизм – это действие».

Пресса практически не заметила создания новой политической силы – мало ли таких «союзов» появлялось каждый день? Только *Il Popolo d'Italia* откликнулся на это событие с должным пафосом, но и собственная газета Муссолини немного могла сказать о родившемся «движении». Сам Бенито не без насмешки заявил, что фашисты позволяют себе «быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами, сторонниками легальности и нелегалщины в зависимости от обстоятельств времени, места и окружающей среды».

Впоследствии пропагандисты не преминут отметить, что именно на этой площади 800 лет назад собрались итальянские участники Первого Крестового похода. В «новой Италии» «сансеполькрсты» будут пользоваться подчеркнутым уважением как люди, стоявшие у истоков фашизма, – и это самым благотворным образом скажется на их численности. Если Муссолини говорил о пятидесяти собравшихся, то его газета написала, что присутствующих было не менее сотни (это, в общем-то, было правдой, только большая часть людей занималась не спасением Италии, а попросту торговала на площади), а уже после прихода фашистской партии к власти число «отцов-основателей» вырастет в разы. Поэтому, даже несмотря на то, что настоящими «сан-сеполькрстами» считались только вступившие в тот день в союз, к началу 40-х годов их будет насчитываться уже сотни. И всё же – кем были эти люди, собравшиеся тем весенним днем в центре Милана?

Бывшие солдаты, разочаровавшиеся в исходе войны и оскорбленные амнистией десятков тысяч дезертиров. Националисты, недовольные «украденной у Италии» роли на Балканах и Средиземном море. Республиканцы, обвинявшие итальянскую монархию во всех грехах. И многие другие – монархисты, анархисты, футуристы, антиклерикалы, даже бывшие социалисты. Объединяли их всех только личность Муссолини, его газета, да чувство глубокой неудовлетворенности сложившимся в стране положением. Все они были настроены действовать решительно, но вот что именно следовало предпринять, толком не знал никто. Растерянные, они с надеждой и симпатией смотрели на энергичного Муссолини – им казалось, что этот человек знает, что нужно делать.

Пестрота взглядов естественным образом отразилась на задачах союза, выдвинутых на первом собрании. Чего же хотели люди, пришедшие на миланскую площадь? В ретроспективе их тогдашние цели уже не кажутся особенно значимыми – настолько отдалилась затем практика фашизма от первоначальных лозунгов и призывов, но всё же эти перемены хорошо иллюстрируют «динамичную природу фашизма».

Соратники Муссолини подписались под требованиями о передаче Италии территорий, обещанных союзниками во время войны. Фашисты заявили, что собираются бороться с «империализмом» – как итальянским, так и иностранным, национализировать военную промышленность и собственность католической церкви, ввести «прогрессивный налог на капитал» и вернуть в государству 85 % прибыли, полученной на военных заказах в годы войны, упразднить «пережитки феодализма» в сельской местности, допустить «рабочие организации» к управлению предприятиями и страной, отменить имущественный ценз для избирателей и предоставить женщинам право голоса на выборах. Кадровую армию фашисты собирались заменить «народным ополчением», использовавшимся бы исключительно в оборонительных целях. Не забыли они и о восьмичасовом рабочем дне. Двухпалатную систему итальянского парламентаризма должна была сменить Национальная ассамблея, работа которой привела бы к созданию новой конституции.

Муссолини заявил, что фашисты поддерживают идею Лиги Наций, выступают за «свободу воли» и против любой цензуры. Но разве это не было лозунгами любой тогдашней левоцентристской или даже социал-демократической партии? Разве так должна была звучать первая поступь «стальных легионов фашизма»? Но тогда политические тезисы «союза» отражали требования текущего момента – надо было выбить стул под монархией, которую Муссолини откровенно презирал, и под левыми с их популистскими призывами к социальной справедливости и переделу собственности в деревне.

К тому же Муссолини был не так уж и прост. Объективно, такие меры, как отмена избирательного ценза (не говоря уже о борьбе за право женщин голосовать) и парламентская реформа, с созданием однопалатного законодательного органа, должны были привести к тому, что министерская и правительственная чехарда, и без того свойственная Италии, стала бы хроническим явлением. Иначе говоря, Муссолини стремился ослабить исполнительную власть, набросив на нее демократическую узду – ровно до тех пор, пока презиравшие чисто «парламентские методы» фашисты не окажутся достаточно сильными, чтобы взять все в свои руки.

Пусть на первых порах политические лозунги фашизма и сформулировали левые интеллектуалы, но реальной силой в «Итальянском союзе борьбы» стали не они, а не склонные к теоретизированию ветераны Мировой войны, такие как *arditi* («отважные») – итальянский вариант немецких штурмовых частей, так называемых штурмовиков. В своих рубашках и свитерах черного цвета они угрожающе размахивали армейскими кинжалами, обещая посчитаться с «врагами нации»: так появились известные всему миру «чернорубашечники» – боевая сила фашистской партии. Любопытно, что примерно таким же случайным образом определился в свое время и партийный цвет германских национал-социалистов. Им удалось почти даром заполучить армейскую форму, предназначенную для солдат кайзера, воевавших в Сирии, Палестине и других ближневосточных странах – и хотя Гитлер находил коричневый цвет отвратительным, из соображений экономии менять ничего не стал.

Муссолини быстро оценил, какие возможности открывали перед ним готовые к решительным действиям отряды чернорубашечников. Спустя всего две недели после основания «Союза борьбы» фашисты ворвались в миланскую редакцию *Avanti!* и рупор «Итальянской социалистической партии» был безжалостно разгромлен. Сам Муссолини в нападении на газету, которой он когда-то так успешно руководил, не участвовал, однако выводы из этого успеха сделал – ранние лозунги фашистского движения вскоре были благополучно забыты, но ряды чернорубашечников с тех пор множились день ото дня.

В чем первые фашисты были практически единодушны, так это в отрицании института монархии. Они ненавидели короля, презирали Савойскую династию и в целом отвергали королевство в качестве государственного устройства для Италии. Их целью была республика, но к ней фашистский режим сумел прийти лишь четверть века спустя. Тем не менее заявленный при рождении фашизма антагонизм между «движением» и монархией всегда отравлял отношения дуче и Виктора Эммануила III. И не случайно – несмотря на последующее примирение, было очевидно, что чернорубашечники не остановятся в ограничении прерогатив короля вплоть до полного упразднения монархии. Однако все эти противоречия не помешали Муссолини отдать своих чернорубашечников под командование мрачного и решительного Чезаре де Векки, стоявшего рядом с будущим дуче во время первого собрания «Союза борьбы». Де Векки был убежденным монархистом, что для тогдашних фашистов было весьма редким явлением. В будущем Муссолини постарается отдалить от себя (и от власти) одного из первых соратников, но тогда он был ему необходим.

Новая политическая сила поначалу развивалась не слишком успешно. Открыв первое представительство в Милане (с тех пор этот город будет считаться «цитаделью партии»), Муссолини попытался быстро распространить «союз» на всю Италию, но потерпел неудачу. Несмотря на бурную активность фашистов – в течение нескольких месяцев создавших отделе-

ния в каждом крупном городе, – заручиться достаточным количеством сторонников им не удалось. Осенью того же года, собравшись на первом съезде во Флоренции, «союзники» вынуждены были признать собственный провал: в «движение» вступило не более тысячи итальянцев. Большую часть представительств на юге и в центре Италии пришлось закрыть – «Союз борьбы» все еще оставался преимущественно североитальянской организацией.

К счастью для Муссолини и его соратников, той же осенью 1919 года им удалось связать себя с громкой внешнеполитической акцией, предпринятой известным писателем и поэтом Габриэле д'Аннунцио, тогдашним кумиром итальянцев. Не слишком умный и крайне тщеславный д'Аннунцио пришел к фашистам из националистических движений, недовольных «ущемлением прав Италии», в частности тем, что спорный город Фиуме, принадлежавший ранее Австро-Венгрии и обещанный союзникам Италии, был передан Югославии – новому балканскому государству со столицей в Белграде.

Желая «эпатировать публику», д'Аннунцио воскресил гарибальдийскую легенду – во главе с отрядами добровольцев (в число которых входили и фашисты) он захватил Фиуме. Почти на полтора года в нем установилось нечто вроде фашистско-футуристской республики. И все это без Муссолини, который остался руководить движением из Милана, но на самом деле попросту не желал теряться на фоне блестящего поэта и его сподвижников, предпринявших смелый политический шаг по собственному почину, без каких-либо совещаний с ним, дуче фашизма. Время показало, что Муссолини сделал правильный выбор.

Поэт укреплялся в захваченном городе – именно оттуда, из Фиуме, выйдет многое из хорошо известной нам фашистской атрибутики, включая «римское приветствие» – вскинутую вперед выпрямленную правую руку, или окончательное закрепление за черными рубашками статуса партийной формы. Д'Аннунцио тоже называл себя вождем – дуче, но на самом деле политика (в смысле «крысиной борьбы за пост партийного лидера») была ему неинтересна, – поэту хотелось быть на виду, на слуху, увлекать, производить фурор – но и только. Он устраивал на улицах парады бойцов и тем тешил оскорбленное национальное чувство, а Муссолини в это время организовывал свое «движение», назначал руководителей и, отчаянно маневрируя, сводил фашистские потоки в единую реку – то есть занимался реальным делом. Фактически же, то, что наиболее романтично настроенные фашисты и националисты в это время держали оборону в Фиуме, сработало на руку Муссолини – к тому моменту, когда давление Антанты заставило итальянцев убраться из захваченного города, «настоящий дуче» уже располагал собственными кадрами и достаточно надежной политической машиной.

Но в 1919 году ему пришлось пережить и немало трудных дней. Д'Аннунцио присылал ему оскорбительные письма, открыто называя Муссолини трусом, – приходилось терпеть это, скрывая от общественности разногласия с идолом футуристов. Муссолини просил д'Аннунцио дать ему немного времени для «организации победы», обещая сделать его президентом будущей Итальянской Республики. Этот нехитрый прием сработал, и первый внутренний кризис фашизма благополучно разрешился.

Между тем итальянские левые шли от успеха к успеху. Чем сильнее падал внешний престиж королевского правительства, чем слабее была лира, чем быстрее нищал итальянский средний класс и росла безработица, тем сильнее становились социалисты и коммунисты. Если фашистов к концу первого года «движения» по всей стране все еще насчитывалось всего несколько тысяч, то социалисты победно вывешивали свои флаги по всей Северной и Центральной Италии, насчитывая в своих рядах более миллиона человек.

Даже в Милане красный флаг развевался на городской ратуше – социалисты, что называется, были «на волне». Их энтузиазм подогревался видимым бессилием власти, которая даже разучилась стрелять по толпе, как это делалось в «старые добрые» довоенные времена, а также победным шествием мировой революции. На большей части Российской империи в 1919 году победили большевики, левые радикалы захватили власть в Венгрии, а их немецкие

«товарищи», казалось, грозили опрокинуть германское социал-демократическое правительство. Какая страна будет следующей – быть может, Италия? В Москве Ленин прямо указывал на хорошие перспективы «большевизации» Апеннин. Со временем внешняя угроза начнет отступать вместе с падением «советской Венгрии» и разгромом Красной Армии под Варшавой, но внутреннее положение королевства продолжало оставаться стабильно тяжелым.

Открытым остается вопрос – существовала ли подлинная опасность создания «красной» или социалистической Италии? Муссолини и его последователи всегда отвечали на этот вопрос утвердительно – к вящей славе собственного «движения», защитившего-де страну от козней коммунистов и социалистов. Однако, в ретроспективе, опасность «красной угрозы» представляется эфемерной. Даже в самый успешный для итальянских левых 1919 год им никогда не удавалось подойти к тому, чтобы возглавить страну. В отличие от «демократической России» 1917 года в Италии 1919-го не было ни войны с внешним противником, ни «революционного очага» по типу Петрограда, ни левого лидера, сравнимого с Лениным. Трудно вообразить себе победу «Итальянской социалистической партии» или ее коммунистической фракции на всем Апеннинском полуострове – для этого попросту не существовало объективных предпосылок. Наиболее радикальные итальянские левые могли избить или даже убить офицера, полицейского или чиновника, но на то, чтобы создать подлинно тоталитарное государство – травить собственных крестьян газами или интеллигенцию – голодом, жечь деревни, брать заложников или, говоря иначе, повести беспощадную гражданскую войну, – на всё это они были не способны.

Но это очевидно сегодня, а тогда угроза «левого» переворота или постепенного дрейфа к социализму казалась многим итальянцам весьма вероятным развитием событий – впоследствии на этих страхах и сыграли фашисты, убедившие общество в том, что только они способны спасти Италию, тонущую в море социальных и политических проблем.

Муссолини предстояло ответить на вопрос: способны ли фашисты остановить сползание страны к анархии? И первая же проба сил на осенних парламентских выборах 1919 года принесла его сторонникам жесточайшее разочарование.

Фашисты потерпели полное поражение, не набрав суммарно и пяти тысяч голосов. Даже в родной деревне Муссолини не оказалось ни одного проголосовавшего за своего земляка. Катастрофа оказалась очевидной и унижительной. Виной этому была не только эклектичность предвыборной программы фашистов, но и слабость самой организации. Социалисты же праздновали новый триумф – теперь их фракция была наиболее многочисленной в Палате депутатов. Торжествуя, они устроили «похороны» «предателю Муссолини», с песнями таская гроб по улицам Милана. Противники фашизма торжественно сожгли чучело своего врага, а затем отправились к нему домой.

Толпа улюлюкала и требовала отступника к ответу, но никто не вышел – Муссолини благоразумно не ночевал дома, а его жена – если верить ее мемуарам – сидела у дверей с ручной гранатой в руках, ожидая худшего. Но итальянцы еще не могли отважиться убивать членов семьи своих политических противников – озверение начнется позже, во время «второй гражданской войны» в 1943–1945 гг. Пошумев, толпа разошлась.

А где же в эту ночь был Муссолини, где были его фашисты, его чернорубашечники? Они защищали здание редакции Il Popolo d'Italia, штаб «Союза борьбы», куда тоже явилась толпа с факелами. Победители пошумели, но, убоявшись кровавого боя, штурмовать здание не стали. Это стало небольшим, но важным утешением для потерпевшего поражение вождя фашизма. Он все еще держался посреди «красного Милана»! Однако вскоре последовал новый удар.

Спустя несколько дней после этих драматических событий Муссолини арестовали – из-за гранат. Справедливо не ожидая от грядущих выборов особенных успехов, фашисты накапливали оружие, в том числе и взрывчатку, а социалисты не погнушались просигнализировать об этом «органам классового угнетения», то бишь в полицию. Но власти, посчитав, что нечего

устраивать на потеху левым жертву из «политического трупа», отпустили фашистского лидера без предъявления каких-либо обвинений.

Кому он теперь был опасен? Бомбы праздно лежали в редакции Il Popolo d'Italia и в немногочисленных партийных штаб-квартирах. Среди фашистов царило всеобщее упадническое настроение, и Муссолини не стал исключением. Некоторое время он всерьез обдумывал возможность покинуть страну или отойти от политической деятельности, занявшись написанием романов. Но эта апатия продержалась недолго, к Муссолини вернулась прежняя самоуверенность – в конце концов, что такое эти парламентские выборы? Мнение одуроченного большинства, которое ничего не стоит. Кулак сильнее любой речи. И Муссолини продолжил укреплять боевые порядки чернорубашечников.

Между тем извлекать пользу из плохой ситуации умели не только левые. Победа на выборах стала для них пирровой: победившие социалистические течения немедленно перегрызлились между собой, отстаивая идеологическую чистоту партийных риз. Коммунисты и социалисты на местном уровне еще объединялись, особенно для того, чтобы избить или убить того или иного фашиста, но единство левых уже в 1920-м стало преданием прошлого. Италия не получила ни стабильного правительства, ни работоспособного парламента. И фашизм начал постепенно набирать очки.

Потерпев неудачу на выборах, Муссолини принялся наверстывать свое на улицах. Пережевая «позаимствованные» социалистические лозунги с националистическими, он повел открытую борьбу и с коммунистами, и с бывшими товарищами по «Итальянской социалистической партии». Вновь была разгромлена редакция Avanti! на этот раз уже в Риме. Социалистическая толпа вскоре почувствовала на себе удары фашистских дубинок – десятки готовых рисковать собой чернорубашечников оказались сильнее тысяч сторонников левых партий. Некоторым видным социалистам были посланы зримые предупреждения – завернутые в бумагу бомбы.

Но доставалось не только левым – в тот период фашисты противостояли и правительству, абсолютно недостаточно, по их мнению, защищающему интересы Италии на международной арене. Многочисленные группы националистов поспешили встать под знамена фашистского «Союза борьбы», так решительно отстаивающего величие Италии. Вторя этим настроениям, Муссолини все чаще говорил о внешней политике, выступая теперь против прежних союзников по Мировой войне. Правительство короля, писал он, предало пролитую итальянцами кровь – Балканы захватили «славянские варвары» – сербы, а германские колонии достались англичанам и французам. Италия, – негодовал дуче, – позорно уступила в албанском вопросе, отказавшись от притязаний на эту страну в 1920 г. В то же время, предостерегал Муссолини, Италии продолжает угрожать большевистская Россия и ее агенты, готовые по приказу Москвы устроить в Италии переворот.

Антиправительственная риторика не могла скрыть явного «поправения» фашизма – процесса, который Муссолини всегда отрицал, но который, тем менее, был очевиден. Между 1919 и 1922 годом политические лозунги постепенно удалялись от «левой фразеологии» первых месяцев «движения». Эти изменения особенно заметно проявились в вопросах внутренней политики, так как во внешней Муссолини с самого начала выступал как защитник «национальных интересов» Италии, которые он понимал как достижение гегемонии на Балканах, Средиземном море и в Северной Африке. Многочисленные группы националистов, и без того уже причислявшие фашистов к своим союзникам, со всё большей симпатией смотрели на «патриота Муссолини». Одновременно с этим консервативные круги, представители бизнеса видели в новой политической силе еще одно средство противостояния левым. Начинался процесс «приручения Муссолини» – этот опыт будет впоследствии крайне неудачно взят на вооружение германскими правыми, понадеявшимися сделать из Гитлера «немецкого дуче».

Постепенно фашисты вырабатывали свою методику политической борьбы. Муссолини, в качестве главного редактора *Il Popolo d'Italia*, выдвигал «лозунг дня», определяя в своих коротких, но предельно агрессивных статьях направление, в котором двигался фашизм, а его молодые провинциальные лидеры окружали себя преданными отрядами бойцов, готовыми на любые крайности. Фашисты могли позволить себе не слишком озабочиваться размытостью своей идеологической платформы – жизнь сама направляла «движение» в определенные рамки. Борясь с социалистами, коммунистами и анархистами кулаком и дубинкой, сторонники Муссолини неизбежно усваивали взгляды, противоположные представлениям их противников. Неудивительно, что футурист Филиппо Маринетти, сан-сеполькрест и один из основателей «Союза борьбы», человек, чьи взгляды были положены в основу первой программы фашистского движения, вскоре отошел на второй план, разочаровавшись в «колебаниях» Муссолини. Этот идеалист, с его наивными представлениями о «романтике войны», еще займет видное положение в фашистской Италии, но уже никогда не будет участвовать в политике.

Мечтатели уступали место практикам. Муссолини никогда не беспокоился о таких потерях в «движении», легко расставаясь с людьми и идеями. Под его руководством «Союз борьбы» мало-помалу превращался в союз редакторов и уличных вожаков: очень многие фашистские иерархи поднимутся к вершинам власти именно из среды журналистов или полевых командиров. Муссолини явно отдавал свои симпатии первым, но и вторых никогда не обижал – они были его кадровым резервом.

В эти трудные для «движения» месяцы – между зимой 1919 и летом 1920 года – он старался демонстрировать оптимизм убежденного в конечной победе человека. Его считают «политическим трупом» – наплевать! Так выражение «*Me ne frego*» – «мне наплевать», взятое из патриотической песенки, стало одним из лозунгов фашистов. Жить надо с риском, заявил тогда Муссолини и постарался показать всем, что это значит на практике, начав брать уроки лётного мастерства. Пилотирование воздушных судов вскоре станет одним из излюбленных его хобби – даже в разгар Второй мировой войны он найдет время с гордостью подсчитать точное количество часов, проведенных им за штурвалом самых разнообразных самолетов. Своих детей он тоже заставит стать летчиками – этой чести избегут только дочери и самый младший мальчик в семье Муссолини.

Другим тогдашним увлечением руководителя «Союза борьбы» стали дуэли. Несмотря на то что законами Италии запрещалось разрешать споры при помощи пистолетов и холодного оружия, между 1915–1921 гг. Муссолини участвовал по меньшей мере в полудюжине схваток с оскорбленными им или оскорбившими его политическими противниками. Дрались холодным оружием, но кровь лилась редко: только во время самой первой дуэли, произошедшей в 1915 году между анархистом Мерлино (противником вступления Италии в Мировую войну) и Муссолини, когда последний получил легкое ранение. Остальные дуэли носили демонстративный характер и случались в основном с журналистами, заканчиваясь, ко всеобщему удовольствию, примирением сторон после нескольких ударов. Исключением стало «сражение» с одним депутатом-социалистом: Муссолини в течение полутора часов рубился с ним в небольшой комнате окруженной секундантами и полицией дома. Сложно представить себе это, но в ходе столь продолжительного боя никто не пострадал, однако получивший несколько царапин социалист настолько выдохся, что чуть было не умер от сердечного приступа.

...

Покуда инфляция съедала последние остатки общественного благоразумия, а престиж стремительно сменявших друг друга либеральных премьеров опускался до нижней отметки, левые перешли в новое наступление. Долгое время они только и делали, что дрались со своими политическими противниками и полицией на улицах, но летом 1920 года социальный конфликт вышел на новый уровень.

По призыву профсоюзов забастовки охватили значительную часть Северной и Центральной Италии. К остановившим свою работу сельскохозяйственным рабочим присоединялись новые и новые «собратья по классу» из крупных городов – в забастовке приняли участие сотни тысяч итальянцев. Была организована «красная гвардия», которая расправлялась со штрейк-брехерами и фашистами. «Красногвардейцы» захватывали фабрики, изгоняя прежнюю администрацию. Такую же политику они проводили и в деревнях, заставляя крестьян поголовно записываться в социалистические общины. Красные атаковали мэрии и городские собрания, провозглашая создание местных советов.

«Приличные горожане и крепко стоящие на ногах земельные собственники зывали к правительству, но оно бездействовало. Просьбы «капитанов промышленности» также ждал отказ. Почему? Власти боялись отдать приказ, который поспособствовал бы, как считалось, началу гражданской войны, а победа в ней вовсе не была гарантирована. И армия, и полиция оставались в своих казармах.

Профсоюзы победили, победили левые. Больше месяца они удерживали захваченные заводы, до тех пор, пока «представители буржуазии» не согласились с подавляющим большинством их требований. Заработная плата была повышена, но бюджеты «красных районов» ушли в минус, расходуя средства по указаниям невежественных в финансах «товарищей». Лира окончательно рухнула, левые же провозгласили, что рабочий контроль над производством будет следующим их шагом. Представители власти и армии опасались лишней раз появиться на улице в форме и мало кто мог предположить, что именно в эти недели триумфа итальянских красных были посеяны зерна, обернувшиеся впоследствии для левых сил «кровавым урожаем».

Брезгливость, перераставшая в гнев, – такой была реакция в Италии на события лета-осени 1920 года. Общество буквально сжалось в тисках вспыхнувшего отчаяния, страну охватило предчувствие надвигающейся катастрофы – никто не ощущал себя в безопасности. Что происходит? Вот уже второй год социалисты являются наиболее сильной политической группировкой Италии, а в стране все еще царит хаос. Улицами правят банды, избивающие людей, частная собственность каждого, от мелкого лавочника и добропорядочного буржуа до крупного землевладельца и фабриканта, под угрозой, экономическое положение ухудшается день ото дня, а политики только болтают языками. И тут все обратили внимание на фашистов – вчерашние аутсайдеры неожиданно стали популярными, о них заговорили.

Это оказалось возможным благодаря сочетанию трех очевидных факторов: политического таланта дуче, сумевшего не купиться на дешевую фанфаронаду во Фриуме и добиться создания надежной цепочки партийных организаций по всей Северной Италии; организационной немочи левых, не сумевших взять под контроль своих сторонников и предложить хотя бы какую-нибудь популярную пропагандистскую и теоретическую альтернативу военному коммунизму, установленному в Советской России; а третье, и главное, – проявленной Муссолини «умеренности».

Фашисты вполне могли, подобно большевикам при Временном правительстве или национал-социалистам в демократической Германии, действовать во внутривластной обстановке исходя из принципа «чем хуже, тем лучше». Им это было особенно удобно ввиду решительной антимоноархической ориентации многих сторонников и руководителей движения, включая самого Муссолини.

Было бы это оправданным? С точки зрения политики – вполне. Почему бы не дать предшественникам свалиться в яму, расчищая таким образом себе путь к власти? Разве не так поступили большевики в России, разве не так вели себя нацисты, саботируя «общенациональные германские усилия» во время французской интервенции в Рур в начале 20-х или подготовке к отражению польской агрессии в начале 30-х?

Но фашисты на это не пошли. Выражаясь образно, Муссолини и его вчерашние окопники-соратники не собирались давать королю и его правительству веревку такой длины, что хватило бы лишь на петлю – нет! они хотели вытащить всю застрявшую телегу государства – даже если вытаскивать придется в сотрудничестве с королем, этим «никчемным болваном собачьего роста».

Конечно, все было не так уж однозначно, и мы уже говорили о том, что Муссолини предпринимал попытки поспособствовать тому, чтобы министерская чехарда стала постоянным явлением, вплоть до пришествия фашистов во власть... Но это была теория, а на практике в эти смутные дни он был готов вступить в правительство в качестве одного из силовых министров. Муссолини был готов работать, а не просто выжидать, и именно эта демонстрация решимости не на словах, а на деле защищать «свободу Италии» привлекла к фашизму новых сторонников.

Немалую роль в росте симпатии к фашистскому движению сыграло и разочарование итальянских избирателей в «старой системе». Средний класс, этот становой хребет общественного мнения – то есть генератор атмосферы в стране, – видел, буквально на своей шкуре ощущал, что король, его бюрократия, армия и полиция бессильны и неспособны их защитить. Итальянское правительство, основанное на принципах XIX века, с его гегельянской верой в естественную неизбежность прогресса, оказалось банкротом – в финансовом, политическом, а главное – моральном отношении.

Прежняя элита растратила свой и без того незначительный запас прочности между 1915 и 1919 годами. Как бы ни самообольщались итальянцы, в глубине души они понимали, что их армия и флот не стяжали военных лавров, что правительство удержалось только благодаря союзникам, что то же самое правительство было использовано этими союзниками и безжалостно выброшено на дипломатическую помойку сразу же после завершения боевых действий. Капоретто и Версаль говорили сами за себя и были намного более убедительны, нежели все рассказы о «великой победе» при Витторио Венето. Улицы итальянских городов того периода меньше всего говорили о победе в войне.

Итальянские власти не пользовались уважением в Европе – так с чего бы их стали уважать в самой Италии? Да и сама «элита страны» утратила веру в себя, в свои ценности – и чопорные аристократы, благородные потомки знатнейших семей итальянского Средневековья, и буржуазные либералы, гордящиеся ловкой политикой итальянского правительства времен Кавура.

Австрийские пулеметы и германские газы выбили из рук властей вооруженную силу – кадровая армия была расстреляна, взорвана и сожжена в десятках безуспешных сражений, а гигантский социальный переворот в России лишил властную верхушку уверенности в собственной безопасности. Если придется, если прикажут – будет ли армия стрелять в толпу столь же беспрекословно, что и раньше? Никто не мог поручиться за это, даже офицеры.

А фашисты – фашисты были просто-таки демонстративно уверены в себе и своих людях. Численность «движения» начала резко возрастать уже к концу 1920 года. Там, где еще летом на целую область в списках «Союза борьбы» было не более сотни фамилий, к осени уже насчитывались тысячи новых сторонников. Их привлекала не только яркая личность лидера фашистов, но и его опора на харизматичных местных вожakov – это привело к тому, что в каждой итальянской провинции появлялись десятки «маленьких Муссолини». Таких вожakov называли «рас» – это была отсылка к Эфиопии, где все еще сохранялась феодальная система (тамошние «расы» – это своего рода аналоги князей и герцогов средневековой Европы). Итальянцам эта далекая африканская страна была хорошо знакома по неудачной попытке завоевать ее, предпринятой в конце XIX века.

Память о поражении, понесенном итальянскими войсками при Адуа, будет определять внешнюю политику Муссолини в будущем, ну а сейчас его «расы» наводили ужас на социалистов и коммунистов. Каждый из таких региональных вождей фашизма мог считать себя республиканцем или монархистом, примерным католиком или атеистом и врагом клерикалов,

но в конечном счете все они подчинились Муссолини, направлявшему их усилия из Милана. Борьба с итальянскими левыми объединяла эти разношерстные отряды. Большой, по сравнению с левыми, процент бывших солдат и привычка исполнять приказы, помноженная на полувоенную структуру «Итальянского союза борьбы», делали чернорубашечников грозным оружием в постепенно разворачивающемся по всей Северной и Центральной Италии противостоянии фашистов с социалистами, коммунистами и анархистами.

В города, где безнаказанно орудовали шайки «левых хулиганов», подбадриваемые социалистическими газетами, входили колонны чернорубашечников – и начиналась «зачистка». С городской ратуши срывали красный флаг, затем фашисты, как правило, атаковали местную социалистическую или коммунистическую газету, уничтожая и редакцию, и типографию. Они вливали в горло социалистическим вожакам касторовое масло, провоцируя у них приступы диареи, – смеясь, фашисты говорили, что такого рода недержание все же лучше словесного. Идею с касторкой приписывали студентам-медикам, состоящим в одном из отрядов чернорубашечников, но, скорее всего, применять ее начали бывшие фронтовики, хорошо знавшие о последующем эффекте. Впрочем, не все методы атакующих были столь бесцеремонны и brutальны. В подвергшихся вторжениям городах нередко тщательно изучались документы местного самоуправления – это позволяло предметно доказать, что левые бюрократы воровали не меньше своих «реакционных» предшественников.

Иногда красные отстреливались, но насколько успешно вчерашние дезертиры или уклонившиеся от мобилизации могли противостоять бывшим фронтовикам? Пожаловаться полиции? Они пытались, но там только насмешливо разводили руками – Рим приказал им не вмешиваться. Это было правдой, но не всей – и полиция, и армия охотно выступили бы на стороне людей Муссолини.

Далеко не все полицейские или военные сочувствовали фашистам, но почти каждый из них терпеть не мог социалистов и вообще левых. С социалистами они были знакомы давно и никаких симпатий к ним не испытывали. Анархисты и коммунисты и вовсе были почти что открытыми врагами государства и его слуг. А Муссолини, даже при явном тогдашнем заигрывании с «республиканской фракцией» в фашистском движении, никогда публично не выступал против полиции и тем более – армии. Поэтому ничего подобного разгрому «пивного путча» в Мюнхене, когда центральные власти жестоко поставили на место вышедшего из-под контроля баварского «барабанщика национального движения» Адольфа Гитлера, в Италии не произошло.

...

Зимой 1920 года фашисты смогли записать себе в актив первую общенациональную победу. Новая инициатива левых встретила неожиданный жесткий отпор. После своей блистательной победы над фабрикантами отряды социалистов устремились в деревню. Крестьян угрозой, кулаком и с помощью револьвера заставляли вступать в социалистические кооперативы, что вызывало одинаковое негодование как у мелких землевладельцев, так и у крупных аграриев.

Северная Италия вновь стала ареной борьбы, но теперь на стороне частной собственности выступало не «бессильное правительство либералов», а «молодая энергия фашизма», как любил говорить о своей политической силе Муссолини.

Он откликнулся на призыв землевладельцев о помощи (подкрепленный, заметим, ощутимыми денежными потоками – партия начинала крепко становиться на ноги), и грузовики с фашистами покатали по сельским дорогам. История – угроз, кулаков и револьверов – повторялась, но в значительно больших и лучше организованных масштабах. Вскоре вожакам «земельного обобществления» на своей шкуре довелось узнать, что насилие не является монополией левых – по крайней мере, до того времени, пока они не захватили всю власть в стране.

Если социалисты и коммунисты просто силой сгоняли крестьян в систему общего хозяйствования, то фашисты старались заручиться поддержкой села – они не только избивали и убивали левых, но и оказывали крестьянам посильную помощь, обрисовать характер которой довольно трудно. Речь шла как о простых услугах вроде починки давно просевшего моста или поимки разбежавшегося в пылу сражения деревенского скота, так и о защите прав сельскохозяйственных работников в целом. Таким образом, речь шла о защите не только от левых радикалов, но и от крупных землевладельцев. Чернорубашечники вовсе не собирались делать за них «грязную работу», они вступали в борьбу потому, что считали действия социалистов деструктивными с точки зрения экономики и отвергаемыми самими итальянскими крестьянами. Этому они верили и были, по большей части, правы.

Поэтому от фашистов доставалось не только левым радикалам, но и вполне «респектабельным господам». Суммы выплат для мелких арендаторов снижались до разумных пределов, а в отдельных случаях крупным землевладельцам приходилось в «добровольно-принудительном» порядке идти на крупные уступки «своим» крестьянам. Фашисты заявляли, что ведут лишь собственную политику и не собираются плясать под чужую дудку.

Такой подход себя полностью оправдал. Муссолини – вчерашний неудачник, «человек без будущего и с запятнанным прошлым», мог сполна насладиться успехом весной 1921 года, когда престарелый итальянский премьер Джованни Джолитти пошел на отчаянный шаг: не в силах совладать с кошмаром парламентских коалиций, он решил бросить кости наудачу – распустил Палату и назначил новые выборы, состоявшиеся в мае того же года.

Они принесли успех правым и поражение левым, до этого сообщая бывшим самой сильной группировкой итальянского парламента. Муссолини, число сторонников которого два года назад не достигало и тысячи, ныне мог располагать почти 150-тысячной «армией фашизма» (то есть членов партии), миллионами симпатизирующих и почти сорока депутатскими местами! Это был феноменальный успех для столь молодой политической силы – что теперь скажут о этом «политическом труп» социалисты?

Новый успех фашистам обеспечили многие факторы, и прежде всего то, что левые силы Италии пребывали в состоянии глубокого кризиса и раскола. В январе 1921 года коммунисты вышли из состава «Итальянской социалистической партии» и вступили в «Коммунистический интернационал» в качестве отдельной партии. Наблюдавшие этот «марш к Москве» избиратели еще больше убеждались в правоте фашистов, утверждавших, что и социалисты, и коммунисты не более чем «марионетки Кремля». Решительные и оптимистичные чернорубашечники, с их «национальным социализмом», смотрелись на этом фоне намного выигрышнее.

Если социалисты и коммунисты не сумели пойти на майские выборы единым блоком, то Муссолини удалось заручиться поддержкой части итальянских либералов и консерваторов. «Вчерашний бунтарь» был принят патриархом итальянской политики либералом Джолитти, впервые ставшим премьером еще в 1892 году. Отчаянно маневрируя, Джолитти охотно пошел на сделку с фашистами: несомненно, свысока посматривая на «простоватого» Муссолини, итальянский премьер решил использовать фашистов на грядущих выборах, заключив с ними тактический союз. Но кто в действительности оказался в дураках? Решение идти на выборы вместе с людьми Муссолини принесло итальянским либералам больше вреда, нежели пользы.

Поддержка правительства немедленно сказалась на «Союзе борьбы» – полиция окончательно закрыла глаза на устраиваемые «черными и красными» побоища, а некоторые армейские командиры начали неофициально передавать «своим» чернорубашечникам оружие. Вдохновленный фашистской поддержкой армии, военный министр генерал Армандо Диас распорядился распространять *Il Popolo d'Italia* в казармах. Наконец, благодаря этому странному блоку либералов и фашистов, последние получили в свое распоряжение немало армейских грузовиков, чем окончательно задавили не столь «моторизированных» левых. Агитация «сло-

вом и кулаком», проводившаяся с бортов автомашин, по некоторым подсчетам стоила Италии сотни убитых и во много раз большего числа пострадавших.

Правительство, не ожидавшее от своих «подопечных» такой прыти, растерялось, но предпринимать что-либо было уже поздно. Выборы состоялись, а уже готовое обвинение Муссолини в подготовке к насильственному перевороту пришлось убрать в стол – отныне вождя фашистов защищал депутатский иммунитет. После стольких попыток стать депутатом нижней Палаты дуче наконец-то добился желаемого.

...

Социалистам удалось все же сохранить статус одной из крупнейших фракций парламента – к выгоде Муссолини, который продолжал утверждать, что левые представляют собой сторону, развязавшую настоящую войну в итальянских городах и деревнях. Страх перед кровавым гражданским конфликтом продолжал оставаться сильнейшим политическим оружием в его руках – «красная угроза» легитимизировала действия фашистов.

Однако теперь не только левые с тревогой следили за взлетом новой политической силы. Консерваторы – вчерашняя элита, вся эта аристократия и буржуазные либералы с их капиталами, – все они морщились от вида чернорубашечников. И на самом деле было от чего – повседневная деятельность фашизма, мягко говоря, не везде и не всегда была вдохновляющей. Во многих местах она перерождалась в откровенный бандитизм, парализуя всякое подобие нормальной жизни.

Ворвавшись со своими бойцами в какой-нибудь город, иной жестокий фашистский вожак устраивал в нем царство произвола, от которого страдали не только политические противники, но и многие аполитичные горожане. Конечно, это мало было похоже на официально принятую «карательную» практику во время гражданской войны в бывшей Российской империи: вместо массовых расстрелов – оплеухи и побои, вместо организованной системы государственного террора – хаотические вспышки насилия, но бесконтрольность развращала лидеров боевых отрядов движения. Сквადристы (еще одно самоназвание бойцов фашистской партии – от итальянского *squadristi*, то есть эскадроны) дичали, порой выходя из-под контроля своего вождя... А что же он?

На словах Муссолини всегда был против «излишнего насилия» по отношению к политическим врагам. В своих выступлениях он вполне допускал его в той же мере, что и кровопускание при хирургической операции – но не более того. Но насколько с этим соглашались его соратники? И где следовало проводить линию между насилием «умеренным» и «излишним»? В итоге каждый фашистский вожак решал этот вопрос для себя самостоятельно, и постепенно стремление разрешать сложные вопросы простыми методами возобладало.

Неудивительно, что в первый же день работы новой Палаты фашистские законодатели устроили драку, в буквальном смысле вышвырнув из здания парламента ненавистного им депутата-коммуниста, дезертировавшего из армии во время Мировой войны. Муссолини, организовавший эту акцию, благоразумно отошел в тень, предоставив всю «славу дня» командиру своих чернорубашечников. Если таким образом можно было обращаться с защищенным иммунитетом «народным избранником», то на что могли рассчитывать остальные?

Со временем «политические методы» фашистов становились всё жестче – вплоть до убийств и даже демонстративных расправ. Все чаще лилась кровь. Муссолини, всегда чувствительный к подобным вещам, начинал опасаться, что поддержка от среднего класса, крестьянства и части буржуазии может столь же быстро исчезнуть, как и появилась. Тот факт, что многие генералы вели в своих войсках агитацию в поддержку его «движения», а также снабжали чернорубашечников оружием и грузовиками, был намного значимее деятельности любого фашистского боевика или оратора. Муссолини это хорошо понимал и рисковать симпатиями со стороны армии и полиции не желал.

Иначе говоря, он держал руку на пульсе: балансировал, стараясь поддержать репутацию среди уважаемых правых (и властей вообще), но и не утратить при этом столь значимый для него «динамизм» – другими словами, способность к организованному насилию в масштабах страны.

Муссолини также очень опасался того, что какой-нибудь «увлекшийся» насилием соратник мог бросить ему публичный вызов, а то и вовсе начать внутривнутрипартийную фронду. Конечно, свергнуть вождя такому оппозиционеру вряд ли бы удалось, но даже небольшой публичный раскол между боевым крылом «движения» и его политическим руководством мог обернуться тяжелым моральным поражением.

Разве их сила не в единстве и армейской спайке? Разве не это отличает фашистов от обанкротившихся либералов и погрязших в спорах социалистов? Нельзя ставить это единство под угрозу из-за ошалелых от безнаказанности командиров на местах. Итальянцы не увидят «общенационального спасителя» в том, кто не в состоянии обеспечить порядок в собственных рядах, они уже сыты по горло межфракционными, межличностными и межпартийными дрязгами. Кто-нибудь, ворчали обыватели, – заставьте эти чертовы поезда приходить вовремя!

Весной 1921 года анархисты – наиболее радикальные из левых – организовали серию взрывов в Милане. Мишенью их были объекты городской инфраструктуры, такие как городская электростанция, и места для «развлечений буржуазии», вроде городского театра. Взрыв унес жизни двух десятков зрителей оперетты – в том числе женщин и детей. Еще большее число было ранено. Казалось, что проигрывающие левые мстили итальянскому среднему классу, стараясь лишить его элементарных удобств, доступных радостей и ощущения безопасности. В любом случае, каковы бы ни были их мотивы, это не принесло им ничего хорошего.

Муссолини сполна воспользовался охватившей Италию волной негодования. Всю страну облетела новость о том, что он обнял молодого человека, смертельно раненного взрывом бомбы в миланском театре, исполнив последнюю просьбу умирающего. Призывы к умеренности, зазвучавшие из уст известного своей радикальностью политика, были не слишком убедительными, но находили путь к сердцу напуганного всеобщим ожесточением представителя «среднего класса».

Видите, восклицал Муссолини со страниц своих газет, видите, в чем отличие нас, фашистов, от этих негодяев социалистов? Мы выходим на бой с открытым забралом (читай – с армейскими винтовками нападаем на почти безоружных врагов), а они действуют подло, исподтишка, против женщин и детей. И действительно, после провала «сельскохозяйственного наступления» в долине реки По основной тактики итальянских «красногвардейцев» стала охота на отдельных чернорубашечников. Обычно их подстерегали в малолюдных местах и избивали до полусмерти. Но запугать фашистов в той же мере, что чиновников или местную администрацию, у «красных» не получилось.

Наоборот, Муссолини мог открыто говорить о прекращении силовой борьбы с позиций явно выигрывающего это противостояние лидера. Летом 1921 года фашисты и наиболее умеренные представители левого лагеря, представленные социалистами и городскими профсоюзами, ударили по рукам, подписав нечто вроде перемирия. Соглашение, собственно, так и называлось – «Договор о примирении». Язык его был далеким от чистой политики, скорее напоминая собой о временах, когда итальянские городские коммуны раздирали войны между «жирными горожанами» и беднотой, но главным было то, что соглашение обещало прекратить ползучую войну, число пострадавших в которой уже превышало несколько тысяч... Неужели наступил конец кровопролитию?

Конечно нет. Случилось то, чего Муссолини опасался больше всего – со стороны боевого крыла фашизма раздались негодующие голоса. Примирение? Как? Никогда! Левые ослабли – они дрожат, трусят, а Муссолини напрасно позволил провести себя обещанием нескольких

министерских постов в новом правительстве. Об этом говорили и писали фашистские вожди, такие как «красавчик» Итало Бальбо или партийный интеллеktуал Дино Гранди.

Бальбо чем-то походил на поэта д'Аннунцио, являясь своего рода несостоявшимся Троцким фашизма. Республиканец и ярый интервенционист, он дослужился на Мировой войне до звания капитана, счастливо избежав плена, в который попал весь его корпус.

С роскошной шевелюрой и мефистофельской бородкой, Итало Бальбо был наиболее харизматичным полевым командиром фашизма, командиром, предпочитавшим теории – действия. Он быстро обрел популярность среди чернорубашечников. Отрицать его, не замечать и не продвигать становилось невозможно – слишком заметной стала эта фигура.

Именно Бальбо создал победный алгоритм фашистской тактики начала 20-х годов: колонны чернорубашечников, захватывающие на время целые города, с последующим уничтожением в них материальной базы левых. Выпивоха и позер, напоминавший о «славном Гарибальди», он мог бы стать опасным соперником для Муссолини... если бы у Бальбо имелись хоть какие-нибудь способности к политической игре. Как и в случае с д'Аннунцио, Бальбо по прозвищу Железная борода казался опаснее, чем был на самом деле. Не отличающийся глубиной ума, он никогда не смог бы переиграть вождя фашизма, заняв его место в «движении».

Но и Муссолини пока не мог еще перекричать Бальбо, не мог заставить его замолчать, не мог принудить выполнять свою волю.

Скрепя сердце, ему приходилось терпеть обвинения своего взбунтовавшегося соратника. Тогда он не стал вступать в полемику, но о фронде уже не забывал. Неприязнь к Бальбо оказалась столь велика, что с тех пор борода стала объектом нетерпимости для Муссолини – до конца своей жизни он не переносил бородатых людей, при случае ломая им карьеру в фашистской Италии. Он называл бороду бесполезным и даже «отвратительным отростком»... Тем не менее, стрижка «бальбо» до сих пор пользуется большой популярностью, а это значит, что последнее слово осталось все же не за Муссолини.

Адвокат и один из фашистских депутатов Гранди был намного умнее и несравненно опаснее несколько наивного Бальбо, являясь при этом в той же степени менее харизматичным в качестве народного любимца. Он выдвинулся на первый план зимой 1920 года, когда отряды фашистов начали «аграрную битву» с социалистами. Теперь Гранди открыто выступил с порицанием «примирительного договора». Муссолини, писал фашистский оппозиционер, не должен обманываться келейными заверениями «буржуазных социалистов» – борьба будет продолжена!

Скрыть разногласия было уже невозможно, однако, не желая «выносить сор из избы», Муссолини отвечал на статьи Гранди с нехарактерной для него осторожностью в выражениях, в основном апеллируя к логике – соглашение-де усиливает фашистское «движение», поэтому то его и нужно соблюдать. Но фашистские радикалы уже закусили удила.

Возможно, если бы кризис с перемирием затянулся, то из фронды Гранди-Бальбо получилась бы какая-нибудь интрига, но оппозиция дуче сама срубила сук, на котором сидела. Не желая тратить время на «чепуху» и теоретические споры, Бальбо и другие сквадристы попросту проигнорировали находившегося в Милане Муссолини. В сентябре 1921 года многотысячная колонна чернорубашечников вошла в Равенну, якобы для того, чтобы отдать почести великому поэту Данте Алигьери. Муссолини вынужден был санкционировать этот план Бальбо, собиравшегося на один день занять город для наглядной демонстрации силы «движения». Разумеется, он хорошо понимал, чем это окончится, но выбора у него не было – для вождя отдать приказ, с которым он внутренне не согласен, все же лучший вариант, нежели отдать приказ, который не станут выполнять.

Когда «красные» Равенны начали палить из-за угла в фашистов, те сбросили маску мирного шествия и немедленно атаковали принадлежащие левым объекты. Перемирие было расстреляно в сентябрьских уличных схватках. Выдавая действительное за желаемое, депутат

Муссолини с парламентской трибуны заявил о том, что его политические противники первыми нарушили мирное соглашение, убив дюжину его людей с момента подписания перемирия, – это было правдой, равно как и то, что этих чернорубашечников застрелили вовсе не сторонники разгромленных в Равенне умеренных социалистов, а слабо подчинявшиеся своим вождям представители анархистов и коммунистов.

Таким образом, все надежды на гражданский мир развеялись как дым. Противостояние возобновилось, а Муссолини, сумевший за короткий срок продемонстрировать итальянским консерваторам и либералам свою умеренность, благополучно пережил бунт собственных боевиков: видимость подчинения вождю была в целом соблюдена. Многие в Италии вообще решили, что случившееся – хитрый ход, позволивший руководителю фашистов одновременно выступать как миротворцу и продолжать громить своих врагов. Конечно, в глубине души Муссолини был – не мог не быть – уязвлен публичной демонстрацией наличия оппозиции среди фашистов, но инстинкт политика подсказывал ему путь, по которому нужно идти дальше. Покуда Бальбо и его люди боролись с красными знаменами в том или ином городе, Муссолини придавал партийному зданию окончательную завершенность.

В начале ноября в Риме состоялся последний съезд «Итальянского союза борьбы», преобразованного 9 ноября 1921 года в «Национальную фашистскую партию» («Partito Nazionale Fascista»). В ходе работы съезда Муссолини удалось полностью переиграть «фашистскую фронду», навязав Гранди и его сторонникам жесткую партийную структуру. «Движение» получило «фашистскую иерархию», подчинение которой должно было стать беспрекословным для всех, начиная от партийных низов и заканчивая верхушкой. Бальбо и другие приняли эти правила с удовольствием, но теперь и они не могли не распространить их на фигуру вождя: требование безоговорочного подчинения носило обоюдоострый характер. Фашистская партия приняла «вождизм» в качестве одного из основополагающих принципов.

Во многом этот успех был обусловлен изначальной слабостью противников Муссолини. Пусть за фашистской оппозицией и стояли популярные деятели «движения», но только Муссолини являлся общенациональной фигурой. Попытка Бальбо уговорить д'Аннунцио выступить в качестве альтернативного лидера партии изначально являлась мертворожденной идеей – поэт был неспособен к систематическим усилиям, чтобы по-настоящему побороться за звание «фашиста номер один». В конце концов Муссолини попросту откупился от него.

В итоге, стало очевидно, что иного вождя у новой партии быть не может. Гранди и Бальбо признали свое поражение, а Муссолини торжествовал, с гордостью сообщив, что уже сегодня партия может вывести на улицы до полумиллиона бойцов. Разумеется, это было очень далеко от истины, но даже скептикам трудно было бы отрицать бурный рост числа последователей фашизма за последний год.

Партийной унификации подверглись и «боевые отряды» чернорубашечников. «Сквადры» окончательно приобрели парамилитарный вид и структуру. За образец была взята военная машина Древнего Рима: отдельный сквад насчитывал до пятидесяти бойцов, четыре сквада образовывали центурию, такое же количество центурий входило в когорт, а из нескольких когорт составлялся легион. Фашистские командиры, чье назначение теперь обязательно требовало санкции Муссолини, получили «римских орлов» и единую униформу для своих отрядов. Помимо черных рубашек, подаривших им название, сквадристы должны были носить черные фески, но на практике это требование соблюдалось далеко не всегда. Вскоре черная униформа вместе с обязательным «фашистским приветствием» и остальной атрибутикой распространится на все «движение» – с начала 1922 года каждый член фашистской партии автоматически становился сквадристом. Нетрудно понять, что лежало в основе такого решения – Муссолини свел воедино «боевые отряды» и партийцев, скрепив все это военной дисциплиной.

У фашистов появился и свой гимн. Им стала «Юность» («Gioinezza») – прежде студенческую, а затем и солдатскую песню, переделанную на новый лад, распевали теперь чернору-

башечники. Быстро набрав популярность, после победы фашистов она станет вторым гимном страны, исполняемым сразу после государственного. Литературный перевод версии тридцатых годов, осуществленный Евгением Боболовичем, прекрасно передает «эстетику фашизма».

Славься, нация героев!
Родине бессмертной слава!
Мы стоим единым строем
С верой чести идеала.

Нас не устрашат потери,
Доблесть вышибает двери,
Образ Данте Алигьери
В наших запылал сердцах!

Наша юность, юность наша,
Красоты природы чаша.
Время жизни, время стража,
Песнь весны летит вперед!

Нашей доблестной Отчизне —
Эйя-эйя-алала!
И Бенито Муссолини —
Эйя-эйя-алала!

Там, где цезари царили,
Вновь Империя воспряла.
В нас поверил Муссолини,
Завтра гнева воссияло.

Ради славы и свободы,
Ради фасций и народа,
Ради правды, чтобы своды
Над предателем сомкнуть!

Наша юность, юность наша,
Красоты природы чаша.
Время жизни, время стража,
Песнь весны летит вперед!

Нашей доблестной Отчизне —
Эйя-эйя-алала!
И Бенито Муссолини —

Эйя-эйя-алала!

Мы – крестьяне и поэты,
Мы – Италии исполины,
Верностью клянемся этой
Лишь Бенито Муссолини!

Нет и бедного района,
Что не встал бы в оборону,
Что не развернул знамена
Освободителя страны!

Наша юность, юность наша
Красоты природы чаша.
Время жизни, время стража,
Песнь весны летит вперед!

Нашей доблестной Отчизне —
Эйя-эйя-алала!
И Бенито Муссолини —
Эйя-эйя-алала!

Текст «Юности» менялся год от года, но наиболее устойчивой оказалась именно эта версия, написанная Сальватором Готта. В 1944 году «Юность» вновь пришлось «корректировать», с учетом событий июля 1943 года, но все равно при каждой редакции неизменной оставалась прекрасная музыка, написанная в 1909 году Джузеппе Бланком.

Музыка и речевка «эйя-эйя-алала» – древнеримский боевой призыв, ставший такой же неотъемлемой и хорошо знакомой всем атрибутикой фашистской партии, что и приветственное вскидывание правой руки.

...

Взросшая уверенность вождя передавалась его последователям. На ноябрьском партийном съезде 1921 года Муссолини подвел определенную черту под идеологическими колебаниями первых лет: раз прежняя либеральная элита не способна править, констатировал он, она должна уступить. Уступить – кому? Выбор, говорил лидер фашизма, лежит между нами, патриотами Италии – общенациональной силой, стремящейся примирить класс с классом, город с деревней, северян с южанами, – и левыми, а фактически, марионетками «Коммунистического интернационала», готового залить всю Европу огнем гражданской войны, как это и произошло в России.

Мы, потрясал он кулаком, не будем отныне сидеть и ждать, пока красные подталкивают страну к пропасти, – но если придется, то пойдем на Рим и возьмем власть силой! Аудитория неистовствовала, но верил ли в свои обещания сам Муссолини?

Он уже видел себя государственным деятелем общеевропейского уровня и становиться на одну доску с каким-нибудь трагикомическим генералом Буланже не желал. Несмотря на все успехи в силовом противостоянии с левыми, Муссолини хорошо понимал, что во многом они достигнуты за счет неформального союза с армией, полицией и бюрократией, при благо-

душно-одобрительном отношении со стороны среднего класса и церкви. Финансы партии, все более попадавшие в зависимость от добровольных взносов итальянских банкиров и промышленников, требовали аккуратности в выборе методов. Меньше всего Муссолини хотел войны сейчас на два фронта, с левыми и правительством одновременно, – это могло погубить все дело. Пусть король и его министры не верили в самих себя – Муссолини оценивал их как серьезную силу.

Поэтому он дезавуирует антимонархические заявления первых лет. Итальянский народ объединился когда-то под савойским гербом, и этот факт нужно признавать. Монархия как таковая не противостоит фашизму, со страниц своего издания *Il Popolo d'Italia* заявляет Муссолини. Король никак публично не отреагировал на это, но, как показало будущее, – к сведению принял, перестав числить фашистов среди своих безусловных противников. Убежденные монархисты и вовсе были теперь довольны – отныне их верность короне никак не мешала им поддерживать фашистскую партию.

Радикальные республиканцы-фашисты негодовали, но были слишком заняты вновь разразившейся войной с красными.

Муссолини рассчитал все верно. Точно так же, как и в вопросе с монархией, он переменял дирекцию по отношению к Ватикану. Неистовый антиклерикал в прошлом, отныне он ведет себя совсем иначе – фашистская фракция в парламенте голосует за финансовую поддержку церкви и католических школ.

В то же время ему удалось заручиться поддержкой многих засомневавшихся консерваторов и либералов, уstraшенных видениями о будущем, в котором всем будет заправлять сверхцентрализованное социалистическое государство. В 1921 году Муссолини заявил, что «государство стало теперь гипертрофично, сланообразно, всеохватывающе», тогда как он стоит за «демократизацию» экономического контроля государства и отказ от неприсущих ему функций.

Тот факт, что все эти политические маневры и противоречивые высказывания в конечном счете не повредили его репутации, только укреплял оппортунизм Муссолини. Наблюдая во время редких посещений заседаний нижней Палаты за не способными ни о чем договориться депутатами, лидер фашистской партии ощущал, что вскоре власть сама упадет ему в руки. Нужно лишь дождаться наиболее благоприятного момента.

События в Италии, казалось бы, подтверждали этот прогноз – не выдержав «союза» с фашистами, ушло в отставку либеральное правительство Джолитти. Ему на смену пришел умеренный социалист Иваноэ Бономи, но и ему не удалось добиться поддержки правительства в нижней Палате – попытка создать коалицию с либералами закончилась ничем. Наконец в феврале 1922 года во главе исполнительной власти оказался премьер Луиджи Факта. То, что в руках такого бесцветного человека и посредственного политика оказался штурвал государственного корабля в сложнейший для Италии период, доказывало степень кризиса, в котором находилась страна. Премьерство Факты стало катализатором цепочки событий, обусловивших полную победу фашистской партии: новый, и 20-й за последние два десятка лет, председатель совета министров был презираем королем и не славился ничем, кроме записного оптимизма. Для Италии 1922 года этого, пожалуй, было уже недостаточно. Новое правительство принялось за работу в атмосфере всеобщего равнодушия: за его политическое будущее никто не дал бы и гроша.

Между тем события в Равенне означали, что война между фашистами и социалистами возобновилась – да еще какая! Соглашение с левыми было объявлено расторгнутым – разумеется, по вине последних. Муссолини с парламентской трибуны перечислил «подло убитых из-за угла» фашистов и заявил, что ответ не заставит себя долго ждать. Так оно и случилось. В новом 1922 году операции фашистов стали еще более масштабными – это позволяла численность членов партии, в которой состояло уже четверть миллиона человек. Список освобожденных от «красных разбойников» итальянских городов пополнялся каждый месяц.

Фашисты действовали очень уверенно – не тысячами, но десятками тысяч вступали теперь они в города, оставляя за собой дымящиеся руины штаб-квартир левых. В течение одной только июльской ночи 1922 года возглавляемые Бальбо сквадры разгромили практически все «опорные пункты» (речь идет о газетных редакциях, партийных штабах или профсоюзных центрах) левых в Романи, «малой родине» Муссолини. Армия и полиция не вмешивались, предоставив фашистам полную свободу действий.

И они ей воспользовались в полной мере. К августу 1922 года ситуация настолько обострилась, что социалистам и коммунистам не оставалось ничего иного, кроме как отчаянно призвать итальянцев ко всеобщей забастовке протеста.

Фашисты были готовы к такому развитию событий: погибли десятки людей с обеих сторон, но левые потерпели поражение менее чем за сутки. Забастовка полностью провалилась – в основном благодаря активности фашистской партии. В случае необходимости чернорубашечники заменяли бастующих, однако более распространенным методом были удары дубинками и другие методы насилия в отношении забастовщиков. Торжествуя, сквадристы практически уничтожили представительство левых в городах Северной и Центральной Италии – так же, как они сделали это в 1920 году в деревне.

А вот попытка чернорубашечников ворваться в Парму закончилась стрельбой и бесславным бегством. Фашистов разбили не местные коммунисты или социалисты, а решительно настроенный армейский командир, отдавший приказ не допустить насилия в городе. Солдаты открыли огонь, и Бальбо отступил, потеряв больше десятка своих людей убитыми. Но это был единственный случай – военные продолжали сохранять «нейтралитет».

Используя свои последние ресурсы, депутаты от левых партий пытались апеллировать к закону с парламентской трибуны, но и тут их ждала обструкция со стороны фашистов, криками, плевками и ударами кулаков заглушавших своих оппонентов. Победа была абсолютной – отныне, вплоть до Второй мировой войны, левые надолго покидают улицы итальянских городов. Открытое противостояние закончилось, но какие действия следует предпринять фашистам теперь?

Либеральное государство, заявил Муссолини на одном из осенних митингов 1922 года, «это вид строительных лесов, за которыми не возводится никакого здания», оно стоит у последней черты.

...

Очевидная слабость правительства Факты провоцировала фашистов на дальнейшие действия. Социалистов, коммунистов и анархистов они уже разгромили – очередь была за остальными. Многие в фашистском лагере надеялись заодно покончить и с монархией, но к 1922 году убежденные сторонники республиканской формы государственного устройства были среди руководства «Национальной фашистской партии» в меньшинстве. Сам Муссолини с 1921 года старался разыграть «королевскую карту», рассчитывая на то, что Виктор Эммануил призовет его «навести порядок» в Италии.

В 1922 году риторика Муссолини стала намного резче – он почувствовал, что ни социалисты, ни либералы больше не представляют подлинной опасности и теперь вопрос в том, кого поддержат монарх и армия. Или, говоря точнее, отдаст ли Виктор Эммануил III своим генералам приказ штыками защитить либеральное правительство Факты? Муссолини надеялся, что нет. Продолжая свою двойственную политику, он вновь и вновь обрушивается на «либеральное государство», которое у него, в зависимости от требований момента, было то бессильным, то всеобъемлющим: «Государство, не умеющее и не рискующее выпустить своей газеты только потому, что наборщики объявили забастовку, государство, живущее среди вечных колебаний и проявлений слабости, обречено на гибель». Зато в отношении монархии он высказывался совсем иначе: «Короне ничего не грозит, потому что она не поставила себя под угрозу. Фашисты не против короны, они за великую Италию».

Но король все еще медлил, не решаясь сделать первый шаг, и Муссолини постепенно начинает приходить к мнению о необходимости подтолкнуть колеблющегося монарха к принятию решения. В конце сентября 1922 года фашисты подхватывают гарибальдийский лозунг «Рим или смерть», а еще раньше, в августе, создается своеобразная «фашистская квадрига» в составе четырех квадрумов – высших иерархов партии, призванных руководить боевыми отрядами чернорубашечников в походе на Рим.

Рим – Вечный город – центр политической жизни страны. В Милане Муссолини обдумывал перспективы взять власть, применяя насильственные и политические методы. Как обычно, когда дело касалось практических шагов, он проявлял осторожность. Несмотря на подготовку к достаточно очевидным действиям, Муссолини не сжигал своих кораблей. Разве фашисты не имеют права организовать мирную демонстрацию своей мощи? Кто может запретить им войти в столицу? В случае успеха это назовут «фашистской революцией», если же их постигнет неудача – что ж, вина за «пролитую кровь патриотов» ляжет на либералов. В любом случае активные действия неизбежно должны будут привести к падению действующего правительства, а новое, так или иначе, невозможно будет сформировать без участия фашистской партии. Других политических сил, способных на это, в Италии уже не осталось – это признавали как сторонники фашистов, так и их противники.

Оставаясь у партийного руля, Муссолини перепоручает организацию подготовки задуманного «марша на Рим» своим квадрумов. Возглавил «комитет четырех» армейский генерал Эмилио де Боно, один из немногих высокопоставленных офицеров, открыто примкнувших к фашизму еще в первые месяцы после возникновения «движения». Командовавший в Великую войну армейским корпусом, 56-летний де Боно был вхож в высший свет и олицетворял собой поддержку фашистов военными кругами. Кроме уже известных нам Итало Бальбо и Чезаре Де Векки в «комитет» вошел Микеле Бьянки, из всей четверки наиболее преданный лично Муссолини. Его жизненный путь во многом совпадал с жизнью вождя фашистов: социалистические убеждения молодости не устояли в 1914 году под натиском «патриотических чувств» – вместе с Муссолини Бьянки примкнул к левому крылу «интервенционистов» и в качестве добровольца отправился на войну. Вступив в 1919 году в «Итальянский союз борьбы», он стоял у самых истоков «движения», а потому совсем не удивительно, что близорукий, замкнутый, не слишком харизматичный Бьянки занял ключевой пост партийного секретаря.

Он был как раз таким человеком, которому Муссолини мог доверить столь важную должность.

Разумеется, решительнее всех выступал за активные действия Бальбо, громогласно призывающий Муссолини не терять взятого темпа. По его мнению, дальнейшее промедление могло вызвать лишь раздоры среди чернорубашечников, хотя пример неудачных действий самого Бальбо во время «штурма Пармы», когда его отряды дрогнули под выстрелами солдат, говорил скорее в пользу осторожности. Но идея взять власть «одним ударом» действительно выглядела очень привлекательно – фашисты уже показали, что им под силу захватить почти любой город Италии, неужели они спасуют перед столицей?

Но Муссолини продолжал сомневаться. Впоследствии Бальбо почти открыто заявлял о том, что вождь «струсил», но люди авантюристического склада вообще склонны преуменьшать опасности, а бравый капитан и будущий итальянский маршал, несомненно, относился к подобному типу деятелей, ответственных за столь многие неудачно разрубленные в истории узлы. Де Векки и де Боно, в отличие от Бальбо, предлагали как следует подготовиться, но в целом были согласны с тем, что слишком долго медлить не в интересах фашистской партии. Бьянки разделял мнение Бальбо, призвав выступать немедленно. Голоса квадрумов разделились – принимать окончательное решение должен был Муссолини.

Решающее совещание прошло на партийном съезде в Неаполе, состоявшемся в середине октября 1922 года. Выбор этого города сам по себе был серьезной заявкой на власть в стране: доселе фашисты не пользовались особенными симпатиями на Юге, оставаясь преимущественно северной партией со штаб-квартирой в Милане. Теперь же в неофициальную столицу Южной Италии съехалось около сорока тысяч фашистов – настоящий смотр партии. Муссолини сделал еще одну попытку договориться с королем – неужели тот не чувствует остроты момента? В своей речи на съезде лидер фашистов открыто заявил о «министерских амбициях» своей партии: «Мы хотим пять портфелей и комиссариат авиации в новом министерстве. Мы требуем для себя министерство иностранных дел, военное, морское, труда и общественных работ». Муссолини охарактеризовал эти требования как максимум уступчивости со стороны фашистов. Разумеется, прозвучали и иные требования, важнейшим среди которых было провести новые выборы в парламент. Муссолини заявил о том, что государство (читай – монархия) должно наконец-то выйти из «состояния того шутовского нейтралитета, который оно держит в борьбе национальных и антинациональных сил» – весьма прозрачное заявление. Выступая затем на многолюдном уличном митинге, Муссолини окончательно раскрывает карты – если правительство не пойдет фашистам навстречу, прокричал он своим бойцам, «мы пойдем маршем на Рим и сами захватим его в свои руки». Ответом стали восторженные овации толпы.

После торжественных мероприятий Муссолини собрал квадрумвиров в гостинице «Везувий»: выслушав горячие заверения в том, что фашистам по силам добиться своего, он коротко согласился с предложениями своих паладинов. «Марш на Рим» решено было начать 27 октября 1922 года выступлениями колонн чернорубашечников по всей стране – с финальной точкой в столице. Итогами этого похода, по замыслу его организаторов, должны были стать отставка либерального правительства и формирование нового кабинета во главе с вождем фашистов.

Почему Муссолини все-таки принял это мало отвечающее его внутреннему состоянию решение? Несмотря на нарочитую убежденность в успешном исходе готовящегося квазипереворота, поведение Муссолини в решающие дни «марша» говорило о глубоких сомнениях и неуверенности. Конечно, дуче фашистов предпочел бы только «сыграть в революцию», устроив грандиозные парады и шествия, но уже после того, как фашисты получают право на «свое» правительство. Но что если король все-таки решится поддержать либеральный кабинет Факты, если армия откроет огонь – кто знает, чем это может закончиться? Что если все упования не оправдаются и конечным результатом будет разгром фашистской партии – разгром, подобный тому, что сами чернорубашечники только что устроили социалистам. Такая неудача могла лишить Муссолини всяких надежд добиться вождя поста премьер-министра – по крайней мере, в обозримом будущем.

Но был ли у него выбор? Колоннам чернорубашечников нужна была грандиозная цель, которая подвела бы итог ожесточенной борьбе на протяжении трех лет. Ему, Муссолини, нужна была власть – кулуарные переговоры, ведущиеся весь 1922 год, так и не привели к осязаемому результату. Королевское правительство на словах соглашалось принять фашистов в свои ряды, но на деле лишь тянуло время – даже не из хитрости, а из-за отсутствия способности работать и проводить вообще какую-либо политику. Премьер, узнавший о планах «марша» за месяц до его начала, благодушно полагал, что фашисты всего лишь блефуют, а если и отважатся на подобную акцию, то войска без труда разгонят любую толпу. Наивный оптимизм Факты изначально базировался на крайне шатком основании – предполагаемой готовности Виктора Эммануила поддержать введение чрезвычайного положения. Премьер-министр и не подозревал, что многие из его подчиненных уже вступили в кулуарные переговоры с грядущими триумфаторами, постаравшись заранее обеспечить себе политическое будущее.

Все это говорило не в пользу осторожной тактики – в конце концов, решил Муссолини, почему бы и нет? Ощущая за своей спиной поддержку значительной части нации, руководя ее наиболее активной частью – стоит ли ему так уж опасаться? И все же он, несомненно, предпо-

чел бы угрозу «ударить» самому удару. По своей натуре Муссолини не был жестоким человеком, и заманчивые картины упивающихся торжеством победителей не будоражили его сердце – он желал бы принять власть, а не завоевывать ее.

Но что поделать, если король и его жалкий премьер такие болваны? Они хотят использовать его «движение», чтобы подавить социалистов, но не готовы делиться с ним министерскими портфелями. Нетерпение Муссолини росло вместе с амбициями его подчиненных – и он присоединился к ним, потому что для него иного варианта уже не существовало. Помимо этих общих соображений вождя фашистов немало раздражила попытка Факты сыграть на раскол «национальных сил» – итальянский премьер попытался заручиться поддержкой Д'Аннунцио, все еще позволявшего себе достаточно свободно высказываться в отношении Муссолини. Новость о том, что популярный поэт собирается возглавить колонну фронтовиков, ставших инвалидами на Великой войне, и тоже пойти маршем на Рим, но уже по приглашению правительства – стало для Муссолини крайне неприятным известием. Это мероприятие, назначенное на ноябрь 1922 года, превращало фашистов в своего рода плагиаторов и обесценивало их статус единственной «общенациональной патриотической силы» в стране. Желание опередить Д'Аннунцио стало еще одной причиной ускорить подготовку к походу на столицу.

Принятый на совещании в Неаполе план был предельно прост. Вначале фашисты, дабы развеять подозрения властей, проводят ставшие уже привычными марши по ряду городов Северной Италии. Но затем, в отличие от прежней тактики, чернорубашечники захватывают или блокируют не только партийные, но также административные, военные и железнодорожные объекты, после чего колонны фашистов устремляются на Рим, сливаясь в один бурный поток. Во многом этот план основывался на замысле вести своего рода «эшелонную войну» – быстрый темп «марша на Рим» должны обеспечить не грузовики и тем более не ноги чернорубашечников, а железнодорожники, члены фашистской партии или сочувствующие ей. В течение уже первого дня похода итальянская столица должна быть окружена десятками тысяч фашистов.

Генерал де Боно и остальные квадриумвиры планировали свою «большую операцию», опираясь на карту железных дорог, но все же, как показало время, до немецких генштабистов итальянским фашистам было еще очень далеко: несмотря на конечный исход, «марш на Рим» мало походил на хорошо организованную и подготовленную акцию. Руководство было слабым, а действия носили характер импровизации, и только слабость противника позволила Муссолини победить.

Не все из лидеров партии были убеждены в успехе намеченного. Голосом «скептиков» стал Гранди, немало шокированный авантюризмом своего приятеля Бальбо: отчаянный командир предложил подготовить в столице серию взрывов – в качестве ответной меры устрашения, если солдаты все-таки начнут стрелять в фашистские колонны. Для Гранди это было уже «слишком», и он открыто заявил, что «марш» ожидает провал. Против стрельбы по «солдатам короля» был и убежденный монархист де Векки, который в случае открытого противостояния между «движением» и королем скорее бы поддержал Виктора Эммануила, а не Муссолини. Все эти противоречия, ничуть не разрешенные до начала «марша», лишний раз свидетельствуют, на какой тонкой нити висела «фашистская революция» – достаточно было малейшего колебания, и все обрушилось бы в пропасть.

...

Фашисты выдвинулись «на Рим» 27 октября 1922 года, но еще за сутки до начала официального выступления отряды чернорубашечников принялись входить в крупнейшие города Северной и Центральной Италии, выполняя начальные пункты принятого в Неаполе плана. Всю «секретность» операции обнаруживают дневники жены Муссолини, которые, несмотря на их ангажированность, все же являются важным свидетельством эпохи. Ракеле пишет: «Люди останавливали меня на улице и спрашивали, верно ли, что вот-вот будет революция?» И дей-

ствительно, спустя два дня после того, как была сделана эта дневниковая запись, «революция» началась.

«Полевой штаб» во главе с де Боно разместился в Перудже, а сам Муссолини выжидал исхода событий в Милане. Вместо того чтобы непосредственно руководить движением своих колонн, он подготовил официальное обращение «Национальной фашистской партии» к итальянцам, призвав всех патриотов поддержать марш на Рим.

Это было разумным шагом – даже если не принимать во внимание «политическую страховку» на случай провала кампании, нахождение в крупнейшем североитальянском городе позволяло Муссолини держать руку на пульсе событий, одновременно получая информацию от своих доброжелателей из Рима и от соратников из Перуджи. Он вовсе не желал оказаться в роли последнего русского царя Николая II, оказавшегося отрезанным в провинциальной глуши и от своей столицы, и от армий. Рискуя своим образом «первого бойца», Муссолини подкреплялся известиями из столицы – большинство итальянской политической элиты уже смирилось с тем, что так или иначе придется пойти на уступки фашистам и отдать им ряд мест в новом правительстве.

Несмотря на дурную подготовку и неспособность сохранить в тайне свои намерения, поначалу отрядам чернорубашечников сопутствовал повсеместный успех: армия и полиция не вмешивались, городские власти оказывали посильное содействие, и только в Кремоне, где сквадристами руководил известный своей жестокостью местный лидер, солдаты открыли огонь, без особых проблем рассеяв штурмовую колонну. Во многих же иных случаях армейские арсеналы оказались открытыми для фашистов, захвативших в те дни десятки тысяч винтовок и других военных припасов.

Всего в этот день на Рим выступило около 40 тысяч чернорубашечников – не слишком впечатляющая цифра на фоне озвучиваемых Муссолини 300 тысяч однопартийцев. Хотя на самом деле трудно дать точную оценку количества участвовавших в марше – о каком-либо подсчете в те дни и речи не было, а впоследствии «марширующих» с каждым годом становилось, понятное дело, всё больше.

И все же нет сомнений в том, что помимо десятков тысяч фашистов в колоннах маршировали тысячи сочувствовавших – от неграмотных крестьян до политически мотивированных железнодорожников. Фашисты рассчитывали на симпатии и поддержку итальянцев, но намного большее влияние на события оказали не тысячи примкнувших к походу на Рим, а десятки и сотни тысяч не готовых выступить против него. В итоге, единственным и очень условным противником колонн чернорубашечников стали полицейские и солдаты – правительство Факты потерпело моральное поражение еще до начала борьбы, и как бы из рук вон плохо ни был организован «марш на Рим», оборона итальянской столицы велась еще хуже.

Однако к вечеру первого дня «революции» казалось, что фортуна начала изменять фашистской партии: придя в себя после первого шока от полученных известий, правительство в Риме наконец отдало приказ сопротивляться. На улицах городов и железнодорожных узлах появились полицейские и солдаты, поддержанные бронемашинами и танками. Такой силе чернорубашечникам противопоставить было нечего, и настоящего боя с полицией, а тем более армией они бы ни за что не выдержали.

Продемонстрированная правительством решимость отрезвила тех армейских офицеров, которые в расчете на грядущий союз короля и Муссолини всю раздавали оружие сквадристам. Когда из Рима поступил приказ остановить продвижение к столице отрядов чернорубашечников, даже открытые сторонники фашистской партии в армейской среде вынуждены были занять лояльную к правительству позицию. Подавляющее большинство захваченных фашистами административных зданий перешло под контроль властей уже к вечеру первого дня «марша». Вокруг столицы развернулись армейские подразделения, получившие приказ не допустить фашистские колонны в Рим.

Генерал де Боно впал в истерику – уж он-то хорошо знал, какое воздействие оказывает «магия приказа» на солдат. С бравого квадрумвира тут же слетел весь его лоск – он растерянно повторял, что все пропало и руководителей похода ждет расстрел. Неужели правительство Факты побеждало?

Казалось, что да. Оптимизм и самоуверенность премьер-министра, пусть и покоящиеся на довольно шатких основаниях, на какое-то время позволили ему убедить короля в том, что выступление фашистов может быть легко прекращено – достаточно лишь проявить необходимую решимость. Факта был готов пойти на крайние меры, вплоть до ареста Муссолини, и заявил своему кабинету, что готовит указ о введении в стране чрезвычайного положения. Он-де убежден в том, что завтра король подпишет его, и песенка фашистов будет спета. Ночное заседание министров завершилось на достаточно бравурных нотах: по уверению начальника гарнизона столицы, ни одному фашисту не удастся войти на улицы Рима.

Однако на деле положение правительства продолжало оставаться крайне непрочным. Войска, пусть и выполняющие распоряжения из Рима, действовали против фашистов достаточно осторожно: этому способствовала как размытая буква полученных приказов, требовавших не применять оружие против чернорубашечников, так и известная моральная поддержка, оказываемая партии Муссолини многими военными. Среди симпатизирующих фашистам был и «отец победы» при Витторио Венетео генерал Армандо Диас, который открыто приветствовал марширующих на Рим сквадристов. И в этом энтузиазме генерал был вовсе не одинок.

Военные не спешили. Было очевидно, что армия выжидает, не желая атаковать фашистов первой. Не торопились поддержать правительство и провинциальные чиновники: в то время как Милан был взят под контроль войсками, местные власти в лице городского префекта предпочли поддержать Муссолини – из патриотизма, как уверяли они сами, или по причине обещания поста в будущем правительстве, как это цинично утверждали потом сами фашисты. Как бы там ни было, но намерение правительства арестовать Муссолини было на какое-то время сорвано, хотя сам вождь фашистов оказался окруженным в своей редакции. Окруженным, но не изолированным – он продолжал поддерживать телефонную связь и со столицей, и с Перуджей. Впрочем, теперь это уже не имело большого значения: «марш на Рим» продолжал набирать обороты уже без всяких указаний растерявшегося руководства. В то время как де Боно потерял всякую надежду, а де Векки уже подумывал об аресте Муссолини как «главного виновника» раскола между фашистами и монархистами, полевые командиры сквадристов вели своих людей к цели.

Большинство из них не имели никаких указаний, кроме самых общих: идти на Вечный город и ни в коем случае не вступать в столкновения с военными. Эти отряды «армии фашизма», устремлявшиеся к Риму с тем же воодушевлением, с каким когда-то шли на Иерусалим крестоносцы Вальтера Голяка, лишали обе стороны конфликта возможности для маневра – Муссолини не смог бы повернуть чернорубашечников вспять, даже если бы и пожелал, а правительство обязано было отдать приказ стрелять, если действительно хотело их остановить. В результате плохо вооруженные, подчас голодающие и мерзнущие по ночам сквадристы стали решающим фактором кризиса второго дня «фашистской революции». И пока их вожди раздумывали над последствиями возможной неудачи, рядовые чернорубашечники верили в победу и не собирались отступать. С девизом «Мне наплевать», они упрямо шли на итальянскую столицу.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, которое неизменно обеспечивало фашистам успех, – слабость и разобщенность их противников. Проведя большую часть ночи в подготовке к введению чрезвычайного положения, премьер Факта с удивлением обнаружил, что его не приглашают для традиционного доклада королю. Между тем от этой аудиенции зависело буквально все – Виктор Эммануил должен был подписать декрет о чрезвычайном положении и санкционировать арест Муссолини.

Наконец встреча состоялась. Но поведение короля мало отвечало надеждам тех, кто рассчитывал покончить с фашистами 28 октября 1922 года. Вместо того чтобы поддержать действия правительства, Виктор Эммануил принялся раздраженно пенять своему премьеру за то, что тот отдавал приказы военным без ведома короля. Факта растерянно попытался повернуть разговор в другое русло и вселить в короля уверенность в благополучном исходе, но монарх был неумолим. Чрезвычайного положения не будет!

Оказалось, что за то время, пока министры во главе с Фактой готовились подавлять «фашистский мятеж», они потеряли короля. В ночь с 27 на 28 октября Виктор Эммануил искал совета не у своего премьера – на нерешительного монарха давила его супруга, сочувствующая «национальному движению», не «противопоставлять себя нации» упрашивали короля представители фашистской фракции в Палате. Военный министр попросил не подвергать армию расколу, заставляя ее стрелять в бывших сослуживцев, одетых в черное: солдаты, ловко сформулировал прославленный генерал, выполняют любой приказ короля, но лучше его не отдавать. Консерваторы, представляемые уважаемым политиком и бывшим премьером Антонио Саландрой, тоже не хотели «проливать кровь» итальянцев – зато охотно поучаствовали бы в формировании нового правительства. Слухи, поступающие со всех сторон, говорили о стотысячной армии чернорубашечников, якобы вооруженных до зубов. Политики в Риме лихорадочно искали способы сдать Муссолини на наиболее благоприятных для себя условиях.

В результате к утру 28 октября монарх находился в совершенно ином настроении, чем сутки ранее. Король и без того никогда не верил ни в либералов, ни в своего последнего премьера, а теперь выходило, что Факта втягивал его, короля, в опасное противостояние, исход которого трудно было предугадать! Виктор Эммануил заявил премьеру, что «единственной причиной для объявления чрезвычайного положения является гражданская война». На это он не пойдет, а значит... что ж, кто-то должен пожертвовать собой. Так, в ходе короткой беседы, пало либеральное правительство. Спустя два десятка лет королю вновь придется говорить неприятные вещи своему премьеру, но уже в намного худших обстоятельствах.

В то время как отряды чернорубашечников продолжали стягиваться к Риму, в Милане Муссолини держал глухую оборону в помещении своей редакции. Он нервничал, не находя себе места в ожидании новых известий. Уступит ли король? Под окнами Il Popolo d'Italia чадили танки – что делать, если они начнут давить гусеницами его верных однопартийцев? В какой-то момент у Муссолини не выдержали нервы – схватив винтовку, он выскочил на улицу, чтобы отражать несуществующую атаку солдат, – и тут же чуть было не погиб под выстрелами своих неосторожных соратников.

Утро второго дня «марша» началось с обнадеживающих для фашистов новостей – чрезвычайного положения вводится не будет. Разумеется, Муссолини сразу оценил, что стояло за этой нерешительностью властей – король не верит в свои силы, а значит, правительство обречено и вот-вот падет, если уже не пало. Надо продолжать «давить» на Рим, но при этом обратиться напрямую к королю – не в качестве просителя, но уже как торжествующий победитель. Для этой роли прекрасно подойдет де Векки – как квадрумвир и монархист. И командир чернорубашечников отправился во дворец к Виктору Эммануилу.

Начался торг – согласен ли вождь фашистов на пять министерских постов в новом, консервативном правительстве? Теперь для Муссолини этого было уже мало. Он, и только он должен был возглавить новый кабинет – иначе «все жертвы» прошлого дня были напрасны. Уже ощущая вкус победы, вождь фашистов отверг сомнения некоторых своих соратников, предложивших принять предложенное и положиться на успех в грядущих выборах.

Жесткая позиция Муссолини вызвала новый приступ паники в итальянской столице – последовал новый виток переговоров, итогом которых стал звонок в Милан Констанцо Чиано – убежденного фашиста, аристократа и героя прошлой войны. Князь Чиано сообщил, что Виктор Эммануил согласен на «фашистское правительство» и приглашает Муссолини немедленно

отправляться в Рим. Утомившийся от двухдневного напряжения лидер фашистов заподозрил какую-то ловушку и потребовал телеграмму от Виктора Эммануила. Король, довольный уже тем, что наконец-то появился человек, готовый взять на себя ответственность, не стал упрячиться и утром 29 октября официально пригласил Муссолини принять на себя «бремя по формированию правительства». «Фашистская революция» победила.

Итало Бальбо в своем «Дневнике революционера» так передает атмосферу того времени:

«Прибыв в Рим, я увидел, что он готовится к вооруженному отпору. Вооруженные патрули на улицах, карабинеры и роялистски настроенные гвардейцы занимали ключевые позиции в городе, солдаты в касках устанавливали пулеметы и даже несколько пушек, а мосты через Тибр были опутаны колючей проволокой. Было уже далеко за полночь, но король все еще совещался с министрами. Объявлено ли уже осадное положение или нет? Оно было объявлено и потом отменено, но военные приготовления, проводившиеся в Римском военном округе, ясно показывали, что, каковы бы ни были намерения и цели сторон, оно уже действует. Завтра Рим проснется и обнаружит, что стал прифронтовым городом, подобно пограничному городку, к стенам которого подступил враг.

Утром 29-го политическая ситуация еще не прояснилась, но мы можем точно оценить наши силы. У ворот Рима стоят пятьдесят две тысячи фашистов. И вот, со скоростью пожара, распространяется известие: король обратился к Муссолини с просьбой сформировать правительство. С трудом поддающийся описанию вечер, проведенный с ликующими чернорубашечниками, вечер победы, отдыха и расслабления.

В семь часов вечера 30-го я снова в Риме и иду прямо в отель «Савой», где остановился Муссолини. Отель окружен большой толпой. Офицеры, командующие отрядами фашистов, салютуют мне. На верхнем этаже в большой комнате я нахожу нашего лидера, окруженного Биянки, де Боно и несколькими политиками.

Его лицо сияет. Не было произнесено ни слова – мы просто обнялись».

Но «марш на Рим» еще не закончился – теперь, когда отряды полиции и армии отошли в сторону, толпы торжествующих чернорубашечников смогли войти в Вечный город. Мир облетели фотографии колонн сквадристов, торжествующе шагающих по итальянской столице – никто и не подозревал, насколько далеким от действительности был родившийся тогда миф о «завоевании власти». Не фашисты привели Муссолини в Рим, а совсем наоборот – остававшийся все это время в Милане дуче сумел заставить Вечный город беспрепятственно впустить колонны чернорубашечников.

Тем не менее именно хаотический, но полный подлинного энтузиазма поход стал той точкой опоры, благодаря которой Муссолини сумел в три дня добиться того, к чему стремился последние три года. Мнимая угроза оказалась сильнее реальных фактов – фашисты могли быть сколь угодно слабы и плохо организованы, но их противники еще менее оказались подготовлены к борьбе. Его «революция» не слишком походила на настоящую еще и потому, что в действительности фашистам просто не было против кого «восставать». В дальнейшем пропаганда «исправит» этот недостаток, расцветив события 27–29 октября 1922 года вымышленными эпизодами отчаянного противостояния, в то время как на самом деле большинство итальянцев были благодарны Виктору Эммануилу III и Бенито Муссолини за то, что они сумели решить все мирно, без кровопролития.

Глава третья

Премьер-министр (1922–1925)

Новое правительство. Либеральные экономические реформы и борьба с оппозицией. Внешняя политика и обстрел Корфу. «Дело Маттеотти» и политический кризис 1924 года. Начало «политической унификации».

Как правило, Муссолини, если только он не хотел поразить собеседника силой своей личности «основателя фашизма», разговаривал очень спокойно, с доброжелательным и даже мягким выражением лица. Хотя и нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что в частных беседах дуче совершенно преображался, он все же обычно приберегал патетику для публичных выступлений или общения с иностранцами.

Муссолини даже умудрялся обходиться без традиционной живой итальянской мимики и уж тем более без «громовой глотки». Именно так охарактеризовал его ораторские способности писатель Анри Барбюс в своей знаменитой книге о советском диктаторе Сталине, которого француз считал превосходным и даже демократичным вождем в отличие от фашиста Муссолини. Но эта оценка будет дана французом намного позже, в 30-е годы, а сейчас нашему герою предстояло встретиться с Виктором Эммануилом III.

Прибыв в Рим, Муссолини снял с себя партийную униформу и переделался в штатский костюм, после чего отправился на прием к королю. Эта деликатность победителя не сыграла той роли, на которую дуче рассчитывал, потому что в историю вошла легенда, в которой Муссолини предстает перед своим монархом в черной рубашке и нелепом котелке, нахлобученном в последнюю минуту, респектабельности ради. Фашистский миф упирал на простоту настоящего римлянина («Я прибыл к вам с поля боя!») – слова, приписываемые Муссолини, недруги насмешничали над внешним видом провинциала, но на самом деле все было намного прозаичнее.

Отбывая из Милана на поезде, Муссолини заранее прихватил с собой соответствующую предстоящему событию цивильную одежду и разговаривал с монархом без позерства.

Эта встреча не была, да и не могла быть, теплой – король невзлюбил Муссолини с первого дня их знакомства. Вынужденный уступить после тяжелых колебаний, Виктор Эммануил был не из тех, кто легко прощает или забывает обиды. Причиной страха, который он испытал в дни фашистского марша на Рим, вольно или невольно был Муссолини, и этого король не забывал никогда. Но в фашистской партии итальянского монарха не считали слишком опасной фигурой – по мнению многих чернорубашечников, «король-гном» не отличался ни умом, ни решительностью, а его монарший потенциал в 20–30-е годы в основном заключался в грязных сплетнях о Муссолини и недовольном ворчании по любому поводу. Будущее показало, что фашисты недооценили своего короля.

Виктор Эммануил предложил Муссолини сформировать правительство, не особенно скрывая, что не верит в большое политическое будущее нового премьера и его кабинета. В конце концов, пусть то, что они называют «фашистской революцией», и состоялось – что с того? Будет сформировано всего лишь очередное правительство, без особой поддержки в парламенте, а затем время и практические трудности быстро собьют спесь с новоявленного «спасителя страны». Муссолини же был преисполнен решимости доказать, что в Италии действительно начинается «новая эра» – не привычная уже перестановка министров, а подлинные перемены. Он демонстрировал полную уверенность в себе и своей партии. Оставшаяся в Милане Ракеле, узнав из новостей, что ее Бенито стал главой правительства, с характерной сдержанностью заметила: «Ну и характер»! В сущности, ей было все равно.

Зато очень многие в Италии испытывали намного более сильные чувства. Хотя Муссолини и отказался от появившейся у него по дороге к Риму идеи въехать в столицу верхом на лошади, подобно триумфаторам прошлого, вошедшие вслед за своим вождем чернорубашечники были куда менее скромны в своих желаниях. В то время как в небе авиаторы-фашисты на частных самолетах демонстрировали чудеса пилотирования, на земле разворачивались не столь живописные сцены. Толпы сквадристов, растеряв остатки терпения в период многочасового топтания в предместьях столицы, теперь шумно праздновали свою победу. Крови было немного, но разлитой касторки и нанесенных ударов – сколько угодно. Полиция не препятствовала чернорубашечникам громить столичные редакции враждебных фашистам газет, врываться в дома к своим политическим противникам и избивать их.

Понимая, что его легионам, подобно воинам Ганнибала в Капуе, грозит разложение в пьянящей атмосфере столицы, Муссолини поспешил на следующий день после своего прибытия организовать парад. По его окончании сквадристов рассадили по вагонам и отправили домой. Теперь уже ничто не мешало бесперебойной работе железной дороги, так что новое правительство в считанные дни сумело избавиться от своих «наиболее преданных сторонников», да так, что никто и не заметил все еще достаточно слабую степень их контролируемости.

В провинции, вдалеке от иностранных посольств и журналистов, все обстояло намного хуже. После победы «революции» в Риме, после того как шествие торжествующих сквадристов приветствовал стоявший рядом с Муссолини король, большинство и без того едва сдерживавших насилие факторов было отброшено. Как и раньше, многое зависело от личности местных партийных вожakov. Если такие «расы», как Бальбо или Гранди, могли вызывать у своих врагов не только страх, но и некоторое уважение, то Роберто Фариначчи из Кремоны считали жестоким даже по меркам фашистских радикалов. Фариначчи – по прозвищу «человек-касторка» – выражал мнение тех чернорубашечников, которые обвиняли Муссолини в излишней «мягкости» и требовали немедленного и полного разгрома любой оппозиции в новой, фашистской, Италии – как слева, так и справа. Именно люди, подобные «человеку-касторке», несли непосредственную ответственность за вспышки неконтролируемого насилия по всей стране, продолжившиеся и после того, как дуче возглавил правительство. Муссолини презирал Фариначчи, считая его невежественным глупцом с интеллектуальными запросами обычного головореза. Но отказаться от его услуг не мог – в конце концов, во многом благодаря именно таким людям он получил возможность на равных разговаривать с королем. Поэтому до поры до времени Фариначчи и подобные ему вожаки сквадристов могли безнаказанно «развлекаться» и даже немного интриговать против лидера «движения» – они были нужны Муссолини. В будущем он найдет возможность окончательно приструнить боевые отряды партии, а пока ему нужно было наладить работу нового кабинета министров.

После первой беседы с королем новоиспеченный премьер буквально за несколько часов набросал список имен будущих министров, без малейших трудностей получив вялое одобрение монарха. Таким образом, новое правительство было сформировано в рекордные для тогдашней Италии сроки – в течение одного дня. Это не было единственным политическим рекордом того периода. Во-первых, со времен графа Кавура Итальянское королевство не имело столь молодого премьер-министра – Муссолини стал им в 39 лет – и мало какой премьер занимал одновременно так много министерских постов, а во-вторых – никогда еще места в формирующемся правительстве не распределяла партия, имевшая столь малую фракцию в парламенте.

Имена новых министров стали одним из обнадеживающих сигналов, говорящих о том, что новый премьер не фанатик, но разумный человек, который стоит намного выше большинства своих агрессивных соратников. Несмотря на революционную риторику, Муссолини сумел создать коалиционное правительство, в состав которого вошли представители почти всех поли-

тических сил Италии. Хотели пригласить и социалиста, но в последний момент Муссолини отказался от этой мысли. У коммунистов, разумеется, не было ни единого шанса.

Из шестнадцати мест в новом кабинете министров Муссолини занял сразу три кресла – в качестве премьера, а также министра иностранных и внутренних дел. Фашисты получили еще несколько важных постов, включая министерства финансов и юстиции, но большинство мест распределили между «либералами», «националистами», «католиками» и внепартийными кандидатурами вроде уже знакомого нам генерала Диаса, сохранившего за собой пост военного министра.

Новый кабинет нельзя было назвать в полном смысле слова фашистским, но Муссолини и не собирался ограничиться исключительно кадровыми перестановками. «Технические специалисты» вполне устраивали его, а потому пост министра образования смог занять либеральный профессор философии Джованни Джентиле. Для Муссолини это не было проблемой – в конечном счете, полагал он, все они будут помогать созданию «новой Италии», возглавлять которую будет дуче и его партия. Пожалуй, твердое намерение «оставить будущее за собой» было единственным явно выраженным пунктом «программы» нового правительства. Насчет всего остального Муссолини не без иронии отвечал, что «Италии недостает не программы, а людей достаточно сильных и волевых, чтобы воплотить программы в жизнь». Его предшественники были неспособны разрешить стоящие перед страной проблемы – а он сможет. На деле это означало, что фашисты готовы использовать старые рецепты оздоровления экономики, но будут стремиться к полному доминированию в политической жизни страны. Что касается методов достижения того и другого, то их будут варьировать исходя из общей обстановки в Италии и Европе. Но совершенно очевидно, что уже тогда, в 1922 году, по замыслам Муссолини, конечным итогом всей этой деятельности должно было стать рождение авторитарного государства с правящей партией и ее вождем во главе нации.

Сегодня, когда существует достаточное количество авторитарных режимов с рыночной экономикой, подобное сочетание репрессивного аппарата и «законов рынка» не кажется странным, но почти сто лет назад революционный радикализм считался немислимым без столь же коренных перемен в социальном укладе и экономической жизни. Благодаря контрасту с российскими большевиками, Муссолини, с его «самоограничением», выигрывал в глазах итальянцев.

Тем не менее депутаты и сенаторы двухпалатного итальянского парламента почти сразу ощутили тяжелую руку нового главы кабинета. Муссолини пришел к ним с настроением Кромвеля, разгоняющего «Долгий парламент». Возможно, внешняя бескомпромиссность скрывала некоторые колебания премьера, но в любом случае Муссолини неизбежно должен был использовать единственный имевшийся у него рычаг влияния на парламент – воинственно настроенные легионы чернорубашечников. Так он и поступил.

Вождь фашистов в первом же своем выступлении перед депутатами ясно дал понять, что новое правительство не будет ограничено контролем законодателей. Муссолини прибегнул к своей излюбленной риторике: сперва угрожая, а затем протягивая руку примирения, но уже за «ответные уступки». «Я мог бы воспользоваться победой. Я мог бы превратить это темное и серое здание в солдатский бивуак. Я мог бы разогнать парламент и сформировать чисто фашистское правительство. Тем не менее я составил правительство коалиционное, чтобы призвать на помощь истощенной Италии всех – независимо от партий, – кто хочет спасти ее». Доходчиво обрисовав безвыходное положение нижней палаты, он заявил: «Мы требуем всей полноты власти, ибо хотим полной ответственности и возлагаем ее на себя».

На практике это подразумевало наделение кабинета Муссолини временными чрезвычайными полномочиями, какими обычно обладало итальянское правительство в военный период. Теперь же речь шла о приведении в порядок экономического положения, финансов страны и административного аппарата. «Я принес палате зеркало, – патетически воскликнул Муссо-

лини, – всмотрись и либо изменись, либо исчезни!» Депутаты благоразумно предпочли «измениться». Трепеща, а более же всего полагаясь на то же, что и король – чернорубашечники-де утонут в болоте итальянской правительственной практики, – законодатели послушно проголосовали за предоставление чрезвычайных полномочий. Муссолини хочет взять на себя ответственность? Что ж, прекрасно! Пусть сломает себе шею или хотя бы растеряет популярность – таким в те дни было общее мнение среди умеренных противников фашизма. Либералы и консерваторы палаты и вовсе были довольны – ведь фашисты «выбивали дух» из левых, доселе контролировавших итальянский парламент и своими обструкционными действиями тормозивших любые реформы. Теперь левые вынуждены были замолчать – проголосовав за доверие правительству, палата наделила его декреты статусом законов. В конце концов, ведь это временная мера, не так ли? Разумеется, сенаторы также поддержали «правительственную диктатуру» как вынужденный ответ на серьезные вызовы последнего времени.

Трудно переоценить этот быстро достигнутый успех в деятельности новоиспеченного премьера. Хотя «фашистская революция» и закончилась совсем недавно триумфом, легко вообразить, с какими проблемами столкнулся бы Муссолини, прояви депутаты достаточно упорное сопротивление. Угроза разогнать парламент была эффективной, но могла оказаться не слишком эффективной. Вряд ли силовое решение придало бы правительству стабильности – напротив, это привело бы к непредсказуемым, но, безусловно, негативным последствиям для экономического положения страны.

К тому же тронуть королевских сенаторов фашисты не посмели бы, а значит, в своих действиях против законодателей Муссолини неизбежно вынужден был бы остановиться у «врат Сената». Подобная ситуация цугцванга сильно осложнила бы положение нового правительства, но осенью 1922 года ни о какой кооперации между депутатами и сенаторами, обеими палатами и королем, либералами и социалистами и речи быть не могло. Муссолини мог блефовать в своих угрозах, но, как и прежде, его противники были слишком разобщены, запуганы и бессильны, чтобы с решимостью отстаивать свои позиции. Проявленная фашистами после победы умеренность в который раз привела к тому, что правые и центристы сочли их меньшим злом, нежели итальянских левых. И Муссолини отбросил парламент в сторону, располагая менее чем сорока депутатскими местами из пяти сотен наличествующих и не имея ни одного сенатора-фашиста.

Получив карт-бланш от короля и парламента, новый премьер рьяно принялся за работу, охваченный желанием доказать всем, что Муссолини – это «человек, который решает проблемы». Как всегда рисуясь, он живописал об огромных трудностях на пути у его правительства: «Я унаследовал корабль, давший течь во многих местах».

Чиновники, привыкшие тянуть свой воз вполсилы, сразу же почувствовали суровый характер нового хозяина. Муссолини начал наводить дисциплину с того, что было понятно его практическому уму – с опозданий на работу, долгих обеденных застолий и ранних уходов домой. Работники министерств дрожали в ожидании звонка, а то и визита самого главы правительства – проносясь быстрым шагом по коридорам, Муссолини заглядывал в кабинеты, и горе тому чиновнику, которого в этот момент не оказывалось на месте!

Некоторые сотрудники, проработавшие с новым премьером бок о бок не один год, жаловались впоследствии на то, что для южанина он был слишком холоден – редко интересовался личными делами служащих, не проявлял наружных признаков доброжелательства или заботы. Но было бы несправедливым совершенно отказать Муссолини в эмпатии или утверждать, что власть сделала его бесчувственным, – многочисленные свидетельства опровергают подобные утверждения. Скорее можно говорить о банальном нежелании тратить лишние усилия на поддержание образа «отца нации» в узком кругу технических исполнителей: он не собирался очаровывать своих подчиненных, он ждал от них исполнительности, а не любви.

Никаких полумер, никаких поблажек! Не дозвонившись однажды своему министру и узнав, что тот в это время обедал, дуче в сердцах назвал это «буржуазной» привычкой – крайне сильное выражение для Муссолини. Не было ли это свидетельством оставшихся у него рудиментов прежней идеологии? Будущее даст утвердительный ответ на этот вопрос. Интересно, что спустя десяток лет аналогичный случай произойдет с другим социалистом, не оторвавшимся от своих корней. Как-то поздним вечером германский фюрер попытался дозвониться до министра иностранных дел и получил обидный выговор от последнего: он-де уже лег спать и просит не беспокоить его в неурочный час. Характерно, что в обоих случаях министры недолго задержались на своих постах.

Хотя вся эта кампания по укреплению дисциплины сама по себе имела крайне малое практическое значение, она отражала процесс постепенной замены вальняжных либерально-аристократических «господ» во власти армией безликих чиновников-винтиков. «Господа» были уже не нужны, требовались детали, и при этом в большом количестве. Муссолини, который так рьяно взялся за разгон целой армии бюрократов, вскоре увеличил их ряды в несколько раз – одних только министров стало вдвое больше, не говоря уже о параллельных исполнительных структурах.

То, что энергичный 39-летний премьер заставлял своих подчиненных «демонстрировать резвость», мало влияло на эффективность работы государственного аппарата, так же как привычка Муссолини проверять физическое состояние своих генералов методом внезапных забегов не увеличивала боеспособность итальянской армии. В конце концов, глупый министр может приходить на работу раньше всех, обходиться без обеда и возвращаться домой за полночь, а бездарный генерал – быстро бегать, легко влезать в седло или отдавать приказы громовым голосом.

Суть проблем страны была в другом, однако все эти усилия демонстрировали внутреннюю решительность Муссолини – он в самом деле собирался расчистить авгиевы конюшни, а не просто стать еще одним «голодным» политиком, дорвавшимся до «кормушки». И этот импульс, этот сигнал не мог не остаться незамеченным, не мог не вызвать ответа. Нация увидела наконец то, что желала увидеть давно – новый премьер не щадит чиновников и не стремится обогатиться сам.

Муссолини демонстративно отказался от премьерской зарплаты – зачем она популярному журналисту? Он «не заметил», что положенные ему суммы, тем не менее, аккуратно скапливались на особом счету. Но все же надо отдать ему должное – стяжателем он действительно не был. Но разве в этом Муссолини так уж отличался от своих «коллег»-диктаторов? Национал-социалистический фюрер и большевистский генералиссимус тоже вошли в историю с репутацией равнодушных к личному обогащению правителей. Муссолини действительно жил как благополучный представитель среднего класса, не стремился накапливать денежные средства на счетах или обзаводиться дорогой недвижимостью. В Италии отсутствовала сеть секретных и сверхсекретных объектов для обслуживания вождя, в отличие от СССР, а сам Муссолини в своей частной жизни не был лицемером, скрывавшим за показной скромностью абсолютную власть.

Он и в самом деле жил довольно просто – по меркам своего статуса, конечно. Пристроить к дому кинотеатр... что ж, это возможно – в конце концов, дом принадлежит не ему, а взят в аренду. Полетать на новом самолете, испробовать новую машину... ничего сверх нормы. Ведь дуче – тоже человек.

Глава правительства рано вставал. В своем рабочем кабинете он появлялся обычно не позже восьми утра – за час до общепринятого в Италии времени начала работы. Когда обязанности первого премьера «фашистской эры» стали рутинной, а проблемы, казалось, потеряли былую остроту, Муссолини начинал свой трудовой день с просмотра итальянских и иностранных газет. Как бывший редактор и все еще практикующий журналист, он придавал огромное

значение прессе: подолгу обсуждал, в общем-то, незначительные вопросы пропагандистского характера, тщательно разъясня собравшимся со всех концов страны редакторам крупных газет, как именно им надлежит оценивать то или иное событие и отвечать на «враждебные выпады» международной прессы. Муссолини мог часами заниматься подобными пустяками, такие вопросы его никогда не утомляли – однажды он даже объявил, будто бы за день просмотрел триста газет.

Очевидно, что работа неким «общейталийским редактором» приносила ему немалое удовольствие. В то же время Муссолини крайне болезненно реагировал на то, как освещала зарубежная пресса неудачи Италии и его режима. Причем настоящие, материальные, фактические последствия с годами интересовали его все меньше и меньше – главным было дать случившемуся «правильную» трактовку в газетах. Как следствие – сначала была задушена свободная пресса, затем итальянцы лишились любой возможности узнать хоть что-то правдивое из собственных газет, и постепенно печать перешла к формированию отдельной, желанной для Муссолини, реальности, после чего действительное положение вещей перестал видеть и понимать и сам диктатор. Типичная ошибка авторитарных правителей, повторяемая не раз и не в одной стране.

Кроме работы с прессой Муссолини, как правило, начинал рабочий день с того, что звонил какому-нибудь министру – прежде всего тому, чья сфера деятельности в этот момент была в фокусе внимания премьера. Чиновника ожидал каскад указаний с неизменным разносом за безынициативность и лень. Хотя в начале 20-х годов Муссолини еще нельзя было назвать диктатором, ореол вокруг его имени, а также недвусмысленная готовность применить силу, разрубая все узлы, сметали любое сопротивление. «Итальянцы, – заявил он, – еще никому не подчинялись, ни одно правительство не обладала в Италии реальной властью». Но теперь все изменилось, ибо новое правительство – это он, Муссолини.

Министры боялись его гнева, дрожали за свои места чиновники, а пропаганда создавала для итальянцев идеальный образ национального вождя: с самого раннего утра Муссолини без перерывов трудится до трех часов дня, после чего наскоро обедает и продолжает работать. Свет в его кабинете горел до позднего вечера, и редкие в это время прохожие распространяли в народе истории о «нашем дуче», опять засидевшемся на работе. Мало кто в Италии знал, что Муссолини мог задремать прямо на рабочем месте, да и вообще любил поспать, настрого приказав будить себя ночью только в самых экстренных случаях. Разумеется, итальянцам такие подробности было знать ни к чему, зато они неоднократно слышали о каждодневных совещаниях или рабочих поездках, сотнях и тысячах благополучно разрешенных за считанные минуты вопросов и других достижениях главы правительства. Пропаганда не боялась точных цифр: если верить ей, то за первые семь лет руководства страной Муссолини справился с 1 887 112 проблемами и трудностями. Простейший подсчет дает основания изумиться работоспособности дуче: даже если он работал без выходных, выходило по более чем семьсот резолюций в сутки – и это если считать, что «неразрешенных вопросов» Муссолини не оставлял! Поразительная работоспособность.

Впрочем, эти достаточно невинные пропагандистские уловки все же имели под собой реальную основу: в те годы Муссолини действительно много работал – пока его здоровье было относительно крепким, а ум ясным. И только с конца 30-х годов дуче дни напролет фактически без дела просиживал в своем кабинете, впустую тратя время.

В 20-е годы все было иначе. Муссолини участвовал в долгих министерских заседаниях, стремясь быстро войти в курс дела, и ему это в основном удавалось. Не имея высшего образования, он демонстрировал незаурядные способности к самообучению, хотя до конца своих дней так и остался по сути самоучкой, нахватывшимся отрывочных знаний «по верхам». Тем не менее интеллект Муссолини не стоит оценивать по уровню его образования – ввозможно, он и не был эрудитом (хотя очень хорошо разбирался в итальянской истории), но недюжин-

ный практический ум, стремление постигать новое и учиться немало выручали его в те годы. Ирония же состоит в том, что не любивший заниматься социальными и экономическими проблемами Муссолини, искренне полагавший себя выдающимся дипломатом и военным, наибольших успехов достиг именно в разрешении внутренних итальянских проблем и потерпел полный крах в качестве политика и военного вождя.

Но пока о провале речь не шла – напротив, фашистский режим стремительно набирал популярность среди итальянцев, и благодаря не столько пропаганде, сколько реальным достижениям.

Именно первое правительство Муссолини сумело добиться того, чтобы поезда в Италии начали ходить по расписанию – это на самом деле стало нешуточным достижением для страны, чьих жителей заслуженно упрекали в непунктуальности. Тяжелая ситуация на итальянских железных дорогах была следствием анархии, царившей в инфраструктуре и промышленности со времен борьбы между собственниками и «красными»: зачем предпринимать какие-либо усилия, если никто ничего не контролирует?

Противоборствующие стороны были всецело поглощены своим конфликтом, а убытки несла вся страна. Для обывателя хаос в расписании поездов стал очевидным примером неспособности прежнего правительства навести порядок. И Муссолини, с его придирчивой пунктуальностью, пришелся здесь очень кстати – под жестким присмотром его чернорубашечников машинисты и начальники станций сразу же подтянулись. Железные дороги впервые за послевоенное время начали приносить доход в бюджет – этот успех, достигнутый при помощи дубинок и вовремя выплачиваемых заработных плат, стал хорошим примером эффективности нового руководства.

С той поры в Европе и стала популярной фраза о диктаторе, сумевшем заставить поезда приходить точно по расписанию. Считается, что автором этой фразы был кто-то из английских журналистов-острословов. Во всяком случае, традиционный английский снобизм в ней угадывается: для итальянцев-де соблюдение расписания – уже немалое достижение. Но не только за порядок в расписании поездов соотечественники Муссолини одобряли тогда его политику, а что касается реформы на железной дороге, то мало кто знал о том, что она была подготовлена предыдущим кабинетом.

Население благодарило нового премьера за официально установленный восьмичасовой рабочий день. Конечно, соблюдался он далеко не всегда, но «простой народ» винил в этом не Муссолини – о, конечно, нет! – а «жадных предпринимателей». В то время «на борьбу с буржуазией» частенько выступали фашистские профсоюзы, организовывавшие демонстрации или даже забастовки.

Впрочем, в 20-е годы Муссолини был еще далек от стремления «регулировать экономику» – фашисты направляли «руку государства» лишь в тех случаях, когда положение было из рук вон плохо (как, например, на железных дорогах) или стремясь сохранить «гражданский мир». Фашизм, заявлял Муссолини, не должен заниматься каждой мелочью, главной его обязанностью является общенациональное примирение и обеспечение развития всей нации.

Экономическая и финансовая политика нового правительства была весьма либеральной – несмотря на «антибуржуазную» подчас риторику Муссолини или использование чернорубашечников в «профсоюзной работе». Государство, как и обещал лидер фашистов, перестало вмешиваться в «ненужные» ему проблемы частного сектора. Широко практиковавшиеся субсидии крупному и среднему бизнесу были отменены, но зато новое правительство отказалось от ряда монополий, провело достаточно широкую денационализацию в государственном секторе экономики, уменьшило налог на прибыль и вообще старалось поощрять «частную инициативу». Собственность и свобода экономической деятельности были торжественно подтверждены новым правительством, а сам Муссолини достаточно ясно высказался на эту тему еще в ноябре 1921 г.: «Я передам железные дороги и телеграфы в частные руки, потому что нынеш-

нее положение вещей возмутительно и уязвимо во всех его частях. Этическое государство не является монопольным государством, бюрократическим государством, а тем, которое сводит свои функции к тому, что строго необходимо. Мы против экономического государства».

И хотя приватизация железных дорог так и не состоялась (дуче не решился озлоблять сочувствующих режиму железнодорожников, сыгравших такую важную роль в успехе «марша на Рим»), но в остальном вплоть до 1925 г. фашистское правительство весьма решительно придерживалось заявленного курса на умаление государственного сектора в экономике. В течении нескольких лет государство отказалось от монополии на спички и страхование жизни, предоставило частным фирмам благоприятные условия для получения концессий на строительство платных автострад и избавилось от собственной доли в телефонных сетях. Эта политика касалась и таких гигантов как машиностроительный концерн «Gio. Ansaldo & C», уже стоявший на пороге банкротства.

Муссолини настоял на спасении производившего в том числе и военную технику концерна, но летом 1925 г. производство вновь было передано в частные руки.

В то же время, неумеренные финансовые требования левых, фактически послужившие причиной коллапса итальянского самоуправления (что в немалой степени и обеспечило поддержку фашизму в провинции), стали достоянием прошлого. Бюджет страны во многом стабилизировался за счет косвенных налогов и «экономии нового типа»: значительно урезав льготы и пособия итальянцам, правительство Муссолини сумело добиться повышения уровня жизни за счет общего роста экономики, умело скрыв за пропагандистским фасадом тот прозаический факт, что прежние либеральные правительства выделяли на социальные вопросы значительно больше средства. Политическая устойчивость нового кабинета, вполне оцененная как итальянским, так и зарубежным капиталом, сама по себе служила хорошей основой для экономического подъема, который совпал с послевоенным «экономическим бумом» 20-х годов.

Однако те, кто ожидал, что новые власти станут «цепной собакой» на службе у крупной буржуазии, были теперь посрамлены. Муссолини удивил многих социалистов своими высказываниями о подчинении отдельной личности интересам всего общества. Капиталисты в обновленной Италии, утверждал дуче, не станут привилегированной кастой. Было ли это так на самом деле?

Нет сомнений в том, что для идеологов фашизма и лично Муссолини мир внутри страны был дороже любых обещаний поддержки со стороны какого-либо отдельного класса или общественной группы. Дуче вообще шел на уступки лишь собственным радикалам в партии, но никак не аристократии или буржуазии, которую Муссолини откровенно презирал. Он был искренен, когда говорил, что в Италии будущего все должны быть равными – равными перед партией, движением, а по сути – перед новой национальной элитой. В эпоху античности итальянцами руководили полководцы, в Средние века – феодалы и ловкие политики, в XIX столетии – купившие монархию либеральные капиталисты, но в XX веке нацию возглавит элита, созданная фашистами из «лучших итальянцев». В результате такого подхода поддержка фашизмом любого современного им движения, будь то католики, рабочие или капиталисты, носила исключительно прикладной, практический характер.

Частная собственность, экономическая инициатива, свобода финансов работают лучше, чем провалившийся в Советской России эксперимент с военным коммунизмом, считал Муссолини, принимая решение не чинить то, что и так не было сломано. Капитализм, в его тогдашнем представлении, все еще был единственно возможной экономической системой. Но желавшие разглядеть из дня сегодняшнего очертания будущего знали, что, несмотря на очевидный прагматизм Муссолини, наиболее «твердолобые» фашисты имели вполне определенные намерения в сфере экономики.

«Либеральное государство» прошлого было для них подобно красной тряпке для быка – и под таким государством они понимали отнюдь не только парламентские институты, но и сло-

жившиеся экономические реалии. Убежденные в том, что будущее Италии – это практически полная национализация экономики, наиболее радикально настроенные представители партии утверждали, что только в этом случае фашистская партия могла бы считаться действительно правящей. Эта система, получившая название «корпоративное государство», была одним из немногих практически не подвергшихся изменениям идеологических стержней фашизма.

Сам Муссолини еще не считал нужным взваливать на партию или государство бремя «экономической ответственности» – по его мнению, сначала фашисты должны были укрепить свои политические позиции. В дальнейшем он кардинально изменит свое благодушное отношение к итальянской экономике, и это станет одной из тяжелейших ошибок в его политической карьере, но пока, в первой половине 20-х годов, у премьера Муссолини не было особого выбора. Фашисты могли взять власть, но не были готовы «менять природу вещей», подобно «трудоармейцам» Троцкого.

Муссолини это понимал, а потому в те годы роль партии в экономике была скорее «регулирующей», нежели «управляющей» – и очень многим казалось, что фашисты справляются с поставленной задачей настолько успешно, что и в мире, и в Европе, и в самой Италии режим вскоре стал восприниматься как нечто совершенно естественное и, безусловно, необходимое всему итальянскому народу.

В результате выиграли все: фашисты смогли сконцентрироваться на исключительно политических вопросах, постепенно, шаг за шагом, подчиняя себе нацию, а жители Италии радовались окончанию экономической и социальной неразберихи в стране. Экономика начала выздоравливать, потому что ей не мешали: 40 миллионов человек получили возможность спокойно «заняться делом», что немедленно принесло свои плоды. В стране официально началось новое Возрождение, Ренессанс – и в социально-экономической сфере этот откровенно пропагандистский образ не был так уж далек от реальности.

...

Если во внутренних делах Муссолини пожинал успехи благодаря собственной осторожности, то в решении внешнеполитических проблем его выручала готовность учиться премудростям международных отношений у собственных дипломатов. Надо отдать ему должное: в начале своей деятельности на посту министра иностранных дел он прилежно постигал тонкости европейской политики, не гнушаясь просить совета у своих многоопытных подчиненных.

Ему определенно не хватало светскости, он знал это и пытался исправить положение, ведь больше всего на свете Муссолини боялся выглядеть глупо – стать объектом шуток, чьего-то злого остроумия, а потому, заранее опасаясь насмешливых взглядов за границы, подступал к делу аккуратно, стараясь не наломать дров в вопросах этикета. К счастью, в распоряжении Муссолини имелся итальянский дипломатический корпус, с его многовековыми традициями и немалым опытом. И хотя итальянская дипломатия заслуженно не снискала себе лавров во время Мировой войны и подготовки Версальского мира, дуче все же не довелось испытывать мучений, подобных тем, что выпадали на долю советских наркомов иностранных дел, вынужденных буквально «вытесывать» новых послов из «рабочей кости» или заслуженных партийных «товарищей».

Одним из первых распоряжений Муссолини в качестве министра иностранных дел был перевод министерства из прежнего здания в новое, единственным преимуществом которого был балкон с видом на городскую площадь. Оттуда он будет с нескрываемым удовольствием разъяснять римской толпе внешнюю политику страны – пожалуй, самая интересная для него тема. И это не удивительно – итальянцы издавна славились своим дипломатическим искусством, отчасти компенсирующим государствам Апеннинского полуострова их военную слабость. Коварство итальянских правителей, с молодых ногтей учившихся ориентироваться в хитросплетениях политических интриг, было хорошо известно в мире. Дипломат, мыслитель, философ и политический деятель эпохи Возрождения Никколо Макиавелли вызвал в свое

время настоящий переполох своей книгой «Государь» – в основу текста были положены принципы итальянской политики того периода. Если на родине автора его труд не вызвал особого резонанса (именно в силу своей «очевидности»), то в остальной Европе, малоискушенной в этой области, она произвела эффект разорвавшейся бомбы. Спустя 200 лет после опубликования интерес к «Государю» не ослабел. Король Пруссии Фридрих II Великий, и сам не чуждый макиавеллизма во внешней политике, счел необходимым написать собственную книгу, в которой попытался «уничтожить, вооружившись разумом и справедливостью» заложенные в труде выдающегося флорентийца принципы. Время показало, что король-философ не слишком преуспел в своей попытке и Макиавелли по-прежнему актуален.

Перед какими же вызовами на международной арене стояла Италия первых лет «фашистской эры»? Общая ситуация выглядела вроде бы неплохо: несмотря на не слишком удачный для Италии исход мирных переговоров, она, бесспорно, была среди победителей в Мировой войне. Давние дружеские связи с Великобританией, несколько расстроены из-за презрительного отношения английских дипломатов к «итальянскому шантажу» в Версале, все же продолжали оставаться основой европейской политики Рима, а Лондон, в свою очередь, рассматривал тогда Италию в качестве определенного противовеса нарождающейся французской гегемонии в Европе.

Австро-Венгерской империи более не существовало, и Вена, столетиями вершившая судьбы итальянских государств, отныне, обезоруженная победителями, была беспомощна. Более того, логика политической борьбы подталкивала руководителей Австрии к союзу с Италией, но уже в качестве младшего партнера – прежде о таком раскладе сил между Веной и Римом итальянцы и не мечтали.

Погибло и Османское государство, что открывало перед итальянской политикой новые возможности на Балканах и Средиземноморье. У Италии появились и новые потенциальные союзники – католическая Польша и «латинская сестра по крови» Румыния.

Обнаружились, однако, и новые соперники. Сербь, получившие за стойко перенесенные ими в войну тяготы собственную «мини-империю» в виде Королевства Югославии (в нее, кроме Сербии, вошли земли Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Далмации и Черногории), претендовали теперь на роль главного балканского государства, опираясь в этом на французскую поддержку. Греки, «по-дружески» оккупированные войсками Антанты в минувшую войну, также получили в награду от победивших союзников ряд новых территорий, обещанных когда-то итальянцам для «стимуляции» их боевого духа и скорейшего объявления войны Вене.

Не были разрешены франко-итальянские противоречия в африканских колониях и в Европе. Не забыл Муссолини и о нереализованных британских колониальных посулах в Африке. Кроме того, фашистская Италия продолжала находиться во враждебных отношениях с поверженной Германией – итальянский воинский контингент даже отправился на Рейн в составе оккупационных союзных войск.

Как и во многом другом, до прихода к власти у фашистов не было детальной внешнеполитической программы, но имелся вполне определенный «настрой». Прежняя Италия, с ее «дипломатией крохоборов», должна была стать достоянием прошлого. Фашистская Италия претендовала на гораздо большее, нежели жалкие клочки Балкан или несколько сотен километров африканских пустынь. Дух борьбы и насилия, культивируемый в «движении», неизбежно должен был отразиться на внешнеполитических ориентирах фашизма – так оно и произошло. В скором будущем, считали Муссолини и его партийные соратники, Италия неизбежно будет вести борьбу за первенство в Средиземном море, на Балканах и в Африке. А пока – что ж, во внешней политике фашистский лидер демонстрирует тот же прагматизм и оппортунистический подход, что и в экономических вопросах.

Интерес, проявляемый Муссолини к европейской политике, подтверждается хотя бы тем фактом, что за несколько оставшихся до конца 1922 года месяцев он дважды покидал Италию, уезжая на межсоюзные конференции в Швейцарию и Англию. Это стало для молодого политика своеобразной пробой сил, экзаменом на зрелость. Муссолини сделал все, чтобы не провалиться, не опозориться на глазах у рафинированных европейских политиков. Он безропотно внимал советам своих помощников, меняя свое небрежное отношение к собственному внешнему виду. В 30-е годы он будет щеголять почти исключительно в военной форме, но пока что Муссолини приходилось идти на личные жертвы ради успехов итальянской дипломатии.

Зато он проявил характер в другом, сразу же дав понять, что новый премьер Италии не станет пасовать перед авторитетом своих европейских коллег. Продемонстрировано это было довольно прямолинейно, но, как известно, победителей не судят, хотя небольшой дипломатический скандал все-таки случился. Рассчитывавшие найти своего итальянского союзника там, где они заранее договорились, французский премьер Раймон Пуанкаре и британский министр иностранных дел лорд Керзон битый час прождали его в вагоне, пока не получили телеграмму, в которой Муссолини не без ехидства сообщал, что ожидает их в другом месте. Хладнокровный британец надменно промолчал, а пылкий француз громогласно и совсем не дипломатично высказался в адрес итальянского коллеги, но ехать все равно пришлось: нельзя было раскалывать союзный дипломатический фронт накануне переговоров с турками.

Исполнив этот демонстративный трюк для публики и газет, Муссолини несколько перегнул палку, слишком энергично потребовав передать Италии обещанное ей в 1915 году. Жесткий по натуре Керзон на уступки дуче не пошел, напротив – поймал его на слове и обострил ситуацию, фактически обозначив итальянскую позицию как вымогательство, – премьер-министра Италии он охарактеризовал как фигляра и жалкого клоуна. Сам же Муссолини, довольный достигнутым внешним успехом – как же, он ведь заставил «старших союзников» плясать под свою дудку! – предоставил своим дипломатам улаживать дело и отправился в Лондон.

Англия ему сразу и решительно не понравилась: туман, сырость и эти долговязые чопорные англичанки. С трудом удерживаясь от желания по привычке размочить хлеб в стакане или пытаясь вспомнить, каким именно столовым прибором нужно есть то или иное блюдо, Муссолини изнывал от тоски, сидя на конференции, посвященной непонятной, глубоко чуждой ему Германии и проблемам репараций. Три дня в Лондоне показались ему целой вечностью, и за время своего пребывания в английской столице он стал убежденным англофобом. Со временем эта фобия начнет оказывать все большее и очень опасное влияние на внешнюю политику Италии, но уже тогда Муссолини грозил «заносчивому Альбиону», якобы не желавшему учитывать итальянских интересов: «Мы изменим положение вещей... они придут еще ко мне, в Италию». Впоследствии «они» действительно пришли, но совсем не так, как рассчитывал дуче.

При этом если Муссолини нашел британский образ жизни нестерпимо скучным, а саму Великобританию очень негостеприимным местом, то по иронии судьбы именно англичане вошли в число наиболее стойких симпатиков фашизма и лично дуче за пределами Италии. Это было следствием давней традиции – островитяне симпатизировали итальянцам еще со времен Пальмерстона и Кавура, причем интерес английской аристократии к культуре и истории Апеннинского полуострова играл в этом не последнюю роль (схожим образом в орбиту британских симпатий попала в свое время и Греция, получившая немало дипломатических преференций благодаря ставшему вновь популярным эллинизму).

В то время как французы в основном лишь потешались над Муссолини, никогда не считая итальянцев и их нового лидера ровней себе, англичане видели в нем подлинного героя послевоенной Европы, человека из народа, сумевшего защитить нацию в критический момент и – щепотка британского снобизма – заставлявшего «ленивых, болтливых, несобранных и коррумпированных итальянцев» трудиться сообща. Пожалуй, Муссолини мог бы согласиться с оценкой своей деятельности на посту премьера, но он, к сожалению, никогда не верил в искрен-

ность симпатий английского общественного мнения, полагая все это недорого стоящим лицемерием.

Удивительно, что бывший журналист не считал поддержку британской прессы хоть сколько-нибудь полезной для Италии. Возможно, Муссолини не мог забыть о событиях 1914–15 гг., когда он вместе с итальянскими газетчиками на англо-французские деньги помогал втягивать Италию в Мировую войну. Славословия английских газет в его честь не произвели на дуче впечатления, хотя разницу между отношением английского и французского общества к «новой Италии» можно оценить хотя бы по тому факту, что в Англии первые фашисты появились уже в начале 30-х годов, тогда как во Франции подобные движения возникли только после прихода Гитлера к власти. Судя по всему, латинских соседей достижения фашистской Италии не вдохновляли. Впрочем, французы были не единственными, кто относился к итальянскому лидеру с большой долей скептицизма, – те, кто сумел понаблюдать за Муссолини во время будничной работы международных конференций, а не на трибуне, находили его весьма дурно воспитанным, а его претензии на выдающийся интеллект – попросту смешными.

Американский писатель Эрнест Хемингуэй, находившийся тогда в Европе в качестве журналиста, оставил нам забавное наблюдение, которое хорошо передает характерную для Муссолини манеру саморекламы. Прибыв на пресс-конференцию, он, якобы всецело погрузившись в чтение какой-то чрезвычайно интересной книжки, напрочь «забыл» о собравшихся журналистах. Заинтересовавшись, напористый американец сумел рассмотреть, что же так увлекло итальянского премьера. Оказалось, Муссолини «читал» англо-французский словарь, к тому же лежащий перед ним вверх ногами! Чуть позже Хемингуэй даст Муссолини крайне уничижительную оценку, высмеяв «хмурый вид, знаменитую муссолиниевскую мрачность, которой в Италии подражает каждый 19-летний фашист» – разве будет по-настоящему смелый человек, задавался риторическим вопросом американец, играть на публику, постоянно демонстрируя отсутствие страха? Между прочим, у фашистского диктатора и американского писателя был в биографии один общий факт – оба в Первую мировую войну участвовали в боевых действиях на Итальянском фронте, и оба пострадали от миномета – только американского добровольца ранило австрийское оружие, а не осколки от разорвавшегося итальянского снаряда, как Муссолини.

И все же для того периода подобная критика была достаточно редким явлением – большинству европейцев, получавших информацию о новом лидере Италии из газет, он казался фигурой безусловно положительной. Политики или журналисты, подобно лорду Керзону или Хемингуэю, наблюдавшие дуче вблизи, были намного более сдержанны в своих оценках, поэтому симпатии английских газетчиков очень пригодились Муссолини следующим летом, в 1923 году, когда фашистская Италия впервые спровоцировала в Европе политический кризис.

Речь шла о «наследии османов», а конкретно – Додеканесских островах, где жили греки и где тогда располагался итальянский военный контингент. И Греция, и Италия апеллировали к англо-французам, в свое время пообещавшим отдать им эти территории, но теперь Лондон и Париж предполагали перепоручить решение этого спора Лиге Наций – организации, созданной после Первой мировой войны для мирного разрешения международных конфликтов. Если для греческого правительства такое развитие событий давало определенную надежду на успешный исход, то Муссолини сразу же занял непримиримую позицию: Италия готова разрешить этот спор только в переговорах с другими великими союзными державами, безо всякой Лиги. Ему претила сама мысль о том, что какое-нибудь «незначительное государство» вроде Люксембурга будет участвовать в определении итальянских границ.

Завязавшийся узел разрубила гибель нескольких итальянских офицеров на греко-албанской границе – находясь в составе специальной комиссии, они помогали определить ее контуры. Заказчики и исполнители убийства остались неизвестными, но случившееся развязало Муссолини руки. Греции был предъявлен очень жесткий ультиматум, принятие которого озна-

чало бы, что греки взяли на себя «моральную ответственность» за это преступление, а кроме того, итальянцы потребовали большую финансовую компенсацию. Афины попытались было потянуть время, но в Риме любовное согласие и не предусматривалось – в море уже вышел итальянский флот. Италии нужен был повод – и она его получила.

«Удар возмездия» нанесли по острову Корфу. После того как греческий гарнизон, состоящий всего из сотни плохо вооруженных солдат, отказался спускать флаг над крепостью, начался обстрел из корабельных орудий. В глазах мировой общественности итальянцам очень повредило то обстоятельство, что за крепостными стенами укрывалось много беженцев. Это были жертвы недавно закончившейся греко-турецкой войны, а также армянские сироты, оставшиеся без родителей после резни 1915 года, – в ходе обстрела многие из этих несчастных погибли. Тем не менее дело было сделано – после недолгого сопротивления остров оккупировали итальянские войска.

Муссолини объявил это залогом выполнения своих «справедливых требований» и принялся ожидать реакции европейских держав.

Французы, достаточно равнодушные к судьбе проанглийской Греции, в целом отнеслись к случившемуся спокойно, а вот в Лондоне были неприятно удивлены. О войне, разумеется, речь не шла, но надо же было как-то отреагировать на «брутальные действия» итальянцев! Быть может, санкциями или блокадой Корфу? Но тут зазвучали осторожные голоса, призывающие к благоразумию, – если заставить Муссолини отступить публично, то его правительство наверняка падет, а Италию захлестнет анархия. Тогда у союзников появятся проблемы посерьезнее. Это были рассуждения так называемой рутинной государственной мудрости, не способной заглянуть за горизонт. Выкажи тогда Англия и Франция решимость проучить зарвавшегося Муссолини, они избежали бы впоследствии многих трагических последствий.

Но в 1923 году обессилевшие в Мировой войне победители и без того уступили уже слишком многое в бывших Российской и Османской империях, Африке и Азии, продемонстрировав неспособность поддерживать новый мировой порядок. Столкнувшись с сонмом острейших проблем, Лондон и Париж были далеки от желания создавать себе новые, а потому одна только мысль, что им придется вмешиваться в итало-греческий конфликт, уже останавливала их от любого энергичного шага.

Да и стоило ли «антагонизировать» все еще «союзную» Италию? Для Лондона, не желавшего превращения Европы в союз профранцузских государств, Рим являлся намного более значимым союзником, нежели греки, а введение санкций представлялось нецелесообразным – британские товары на итальянском рынке заменил бы кто-нибудь менее щепетильный. В итоге англичане предпочли пожертвовать греческими интересами и надавили на слабейшего, заставив Афины принять итальянские требования. И Греция покорилась: Корфу итальянцы оставили, но Додеканесские острова перешли к Италии.

Муссолини торжествовал. Он показал итальянской нации: во внешних делах ее лидер столь же решителен и успешен, что и во внутренних. Его нервы оказались крепче, и он победил, добившись желаемого. Дуче повел себя «недипломатично», но выиграл, а надежды многих на то, что Лига Наций станет мировым форумом для бескровного разрешения вооруженных конфликтов, подверглись жестокому испытанию.

Была ли его неуступчивость блефом? Несомненно, ибо Муссолини не мог не знать, насколько слаб итальянский флот по сравнению с военно-морскими армадами британцев и французов. Он сознательно рисковал, понимая, какими высокими были для него ставки, но в то же время игра «на обострение» не удалась бы ему без веры в собственную силу негнбавшего национального лидера.

Скептики в Италии были посрамлены, а Муссолини ощутил вкус победы, значительно повысившей его самооценку. В Англии на это дипломатическое поражение одинаково отреагировали два совершенно разных человека: Уинстон Черчилль в частной беседе назвал

дуче свиньей, а будущий лидер британских фашистов Освальд Мосли в знак протеста вышел из консервативной партии, посчитав занятую британским правительством позицию попросту жалкой. Так оно и было, хотя сменившие консервативное правительство лейбористы пошли еще дальше и наконец-то передали итальянцам обещанные африканские территории на границе с Эфиопией.

«Победа на Корфу» подняла престиж итальянского правительства в Европе – вслед за Грецией и Югославия поспешила урегулировать свои территориальные споры с Римом. В начале 1924 года между обеими странами был заключен договор о «сердечном сотрудничестве», согласно которому злополучный Фиуме все-таки отошел Италии. Это стало еще одним наглядным подтверждением того, что мир готов был считаться только с сильным.

И все же, несмотря на продемонстрированную готовность открыть огонь, в целом тогдашняя внешняя политика Муссолини продолжала оставаться вполне умеренной. Неистовый противник «красных» одним из первых признал «государство рабочих и крестьян», заключив в 1924 году договор с СССР. Муссолини, который терпеть не мог Швейцарию и ее жителей, торжественно заявил, что у Италии нет никаких претензий к горной республике. В будущем он поставит перед своими легионами задачу покончить с швейцарским «псевдонейтралитетом», а пока удовлетворенные достигнутой внутренней стабильностью Италии и «взвешенной дипломатией» Муссолини англичане и американцы с готовностью пересмотрели проблему итальянского внешнего долга – и пошли на значительные уступки в вопросах общей суммы и условий его выплаты. Лондон был доволен и тем, что Италия не вошла в систему союзов, выстраиваемую французами в Европе, – определенное охлаждение между Парижем и Римом было англичанам только на руку. Британцев успокаивала и неизменно холодная, если не откровенно враждебная позиция Италии по отношению к побежденной в Мировой войне Германии. Нисколько не опасаясь тогда «германских варваров», в 1926 году Муссолини позволил себе резкие высказывания в адрес всех немцев – это было ответом на поднимаемый в Германии и Австрии вопрос о несправедливых границах и протестах тирольских жителей против новых итальянских властей. Дуче не только пригрозил военной интервенцией, но и высмеял нелепый внешний вид немецких туристов в Италии, с их «смехотворными» шортами и шляпами. Эта, в общем-то, довольно грубая колкость была адресована в большей степени домашнему слушателю, но сыграла свою роль на международной арене: при Муссолини, решили многие, германо-итальянские отношения будут оставаться плохими.

Подытоживая первые успехи своей дипломатии, премьер призвал соотечественников не бояться возможности «коротких периодов изоляции» страны, если они будут окупаться дальнейшими успехами. Прежние политики не сумели заполучить вождевленное Фиуме даже после участия в Мировой войне, а он, Муссолини, сумел добиться своего благодаря решимости. Отсюда вывод – Италии «необходимо иметь армию, флот, авиацию». И как можно более мощные, ведь XX век должен стать «веком итальянского господства». Пройдет всего несколько лет, и, выступая в парламенте весной 1927 года, Муссолини выскажется по этому поводу без обиняков:

«Первый наш долг – увеличить наши вооруженные силы. Мы должны быть готовыми к определенному времени мобилизовать 5 миллионов человек и иметь возможность их вооружить. Мы должны увеличить наш флот и так усилить наши военно-воздушные силы, чтобы шум их моторов сделал неслышным всякий другой шум и чтобы их тень закрыла собой солнце над итальянской землей».

...

Тем не менее активная дипломатическая деятельность в те годы была для Муссолини делом второстепенным по сравнению с политической борьбой, развернувшейся в самой Италии. Придя к власти, фашисты не собирались закрепляться на уже завоеванных позициях, они жаждали окончательно подавить любую левую оппозицию. Хотя формально Коммунистиче-

ская партия Италии не была запрещена, ее лишили всякой возможности для легальной работы, полностью уничтожив партийную инфраструктуру. Если депутаты-коммунисты еще продолжали появляться в парламенте, защищенные своей неприкосновенностью, то у их избирателей таковой не имелось. Рядовые коммунисты быстро осознали, что между Муссолини – фашистским вождем и Муссолини-премьером нет никакой разницы: чернорубашечники занимались травлей своих врагов с не меньшей интенсивностью, чем прежде. Нападали не только на членов левых партий, доставалось и «политическим католикам» (то бишь сторонникам римских пап, все еще не уладивших разногласий Святого Престола с итальянским государством), и профсоюзным социал-демократам.

Об арестах или убийствах, тем более массовых, речь пока не шла – «всего лишь» десятки убитых за первые несколько лет правительства Муссолини. В основном насилие со стороны фашистов «ограничивалось» побоями и демонстративными унижениями отдельных представителей политических противников, ну а если кто-то немного «переусердствовал» – ну что ж... Таковы издержки борьбы за «умиротворение Италии». Разве социалисты действовали иначе? Теперь пришел их черед расплачиваться, и это совершенно справедливо, полагали в фашистской партии. Сам Муссолини публично никогда не призывал нападать, а тем более убивать «врагов партии», но его участие в организации этих кампаний насилия и запугивания ни для кого не было секретом.

Дело здесь не только в известной логике политического противостояния, но и в личности самого Муссолини. Критики, тем более открытой, он не терпел никогда, рассматривая ее как сопротивление и саботаж – реформы его правительства, угрожающе повторял дуче, не будут тормозиться из-за недовольства горстки недовольных оппозиционеров.

Хотя процесс создания классического фашистского государства постепенно набирал обороты с того дня, как Муссолини вступил в должность премьер-министра, он рассчитывал, что переход от временной диктатуры к постоянной можно осуществить при согласии большинства политических движений Италии. В конце концов, разве не к «общенациональному единению» сводилась вся доктрина фашизма? О тотальном подавлении инакомыслия еще не говорили вслух, но фашистское наступление на свободу печати продолжалось ежедневно с неослабевающим упорством. Еще в день своего триумфального отъезда в Рим Муссолини приказал в очередной раз разгромить редакцию *Avanti!* опасаясь того, что популярное левое издание послужит средством консолидации его противников. Уж он-то знал, на что способна газета в умелых руках.

Как только Муссолини возглавил правительство, то немедленно пообещал «блюсти свободу печати, поскольку печать окажется достойной свободы», но вскоре выяснилось, что печать «не оправдала» надежд премьера. Что ж, теперь к своим прежним незаконным (разгром и поджог редакций) фашисты могли присовокупить официальные методы борьбы, получив возможность попросту закрыть любую газету после двух предупреждений. Достаточно было неуголному изданию несколько раз опубликовать «лживые сведения» или «тревожные слухи», как оно немедленно подвергалось преследованию. Вскоре издателям и редакторам пришлось выбирать между очень умеренной критикой и самой возможностью продолжать работу: для большинства решение было очевидным. Намного труднее было справиться с иностранными корреспондентами, но для наиболее «ретивых писак» вполне подходили и хорошо проверенные старые средства: многие европейские журналисты вскоре прочувствовали на себе то же, что итальянские противники фашизма. Чернорубашечники жестоко избили нескольких иностранцев, а полиция, разумеется, так и не смогла установить личности нападавших. Тех европейских журналистов, кто не рисковал выезжать за пределы Рима или других крупных городов, вполне официально высылали по решению суда, других же попросту купили. Не прошло и года с того момента, как Муссолини стал премьером, а его противникам уже приходилось доволь-

ствоваться эвфемизмами и иносказаниями, не имея возможности открыто критиковать новый режим.

Важным шагом в достижении «единства» стало слияние фашистской партии и политических групп «националистов». Это была большая победа для Муссолини, победа, придавшая фашистскому движению респектабельность, в которой оно так нуждалась. К этому времени итальянские правые уже вполне оценили и дипломатические успехи премьера, и тот факт, что фашистам удалось создать надежную и массовую избирательную базу – достижение, считавшееся до этого возможным только для левых. Консерваторы, клерикалы и монархисты признали политические успехи Муссолини, в ответ получив право занять подходящие им места в создающейся иерархии фашистского государства. Теперь у чернорубашечников не было противников справа, а Муссолини получил прекрасную возможность для маневрирования как в партийной, так и в бюрократической среде. Используя новый кадровый резерв, он не только укреплял режим, «легитимизируя» его и расширяя базу поддержки, но и размывал позиции фашистских радикалов в собственном «движении». Союз с правыми, заключенный весной 1923 года, оказался очень крепким и распался только через двадцать лет, не выдержав тупиковой внешне-политической ситуации в безнадежно проигранной войне.

В то же время Муссолини стремился ввести боевые отряды партии в русло государственных структур. Проблема заключалась в том, что победа «фашистской революции» привела к стремительному росту численности чернорубашечников, а это немедленно повлекло за собой частичную потерю контроля над ними. Особенно опасная ситуация складывалась в Южной Италии, и без того достаточно прохладно относящейся к миланским фашистам-«северянам». Частые побоища между фашистами и их противниками смазывали пропагандистскую картину национального единства и внутренней стабильности, тем более что в прежних методах «движение» уже не нуждалось. Речь по большей части шла не о «завоевании власти», а о банальной мести и удовлетворении страсти к насилию. Конечно, Муссолини в отношении своих политических противников всегда обходился без церемоний, но все же стремился придерживаться некоей «умеренности». Ему теперь нужны были не бессмысленные, с точки зрения укрепления режима, рейды, а «точечные удары» по лидерам противостоящих фашистам политических сил. Не было необходимости сжигать редакции «вражеских» газет, если их можно было официально закрыть, не было нужды и в нападениях на рядовых социалистов или коммунистов, если их вожаков можно было арестовать или «вывести из игры» другим способом. Для этого Муссолини требовались профессиональная полиция, лояльная бюрократия и суды, а не плохо контролируемые отряды чернорубашечников, действия которых в итоге лишь увеличивали число противников фашизма. Само собой разумеется, Муссолини не собирался «разоружаться полностью» – важно было внушить широкой публике страх перед применением насилия, но само насилие необходимо было ввести в рамки, сделать официальным и подконтрольным. Придание сквадристам полувоенной структуры накануне «марша на Рим» было первым шагом в этом направлении, создание же в начале 1923 года «Добровольческой милиции национальной безопасности» завершило процесс унификации. В обоих случаях Муссолини использовал одну и ту же простую, но действенную тактику: сперва всех членов «Национальной фашистской партии» формально приравнивали в статусе к бойца-сквадристам, разом лишив «расов» безусловного контроля над своими «армиями», а затем «добровольческая милиция» стала такой же частью государственных институтов, как полиция и армия. Теперь Муссолини контролировал свои легионы не только в качестве партийного вождя, но и как глава правительства. Уничтожив элитарность боевых отрядов чернорубашечников, он преобразовал их в массовое военизированное движение на службе у режима. «Фашистская милиция» по-прежнему оставалась «первым отрядом» партии, но ее руководители теперь не смели допустить даже мысли о том, чтобы использовать эту силу против Муссолини. Времена, когда Бальбо или д'Аннунцио могли открыто не соглашаться с решениями дуче и тем более не исполнять их, – остались в прошлом.

В то же время оказавшаяся на одной ступени с полицией и армией организация фашистской милиции наглядно демонстрировала всем, какими силами располагает Муссолини даже без поста главы правительства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.